

Татьяна
Гармаш-Роффе

детская
художественная
литература

Ведьма для инквизитора



Annotation

Собираясь в «Останкино», частный детектив Алексей Кисанов даже не подозревал, чем для него закончится участие в скандально известной передаче. Во время прямого эфира в студию врывается некая девица. Она заявляет на всю страну, что ее хочет уничтожить мафия. В довершение всего девица берет в заложники детектива Кисанова и уводит его под дулом пистолета в неизвестном направлении... Череду убийств отрезает их от мира, вынуждая прятаться. Заложник, охранник и сыщик в одном лице, Алексей должен как можно скорее разобраться в этой загадочной истории. Кто она, эта девушка? Преступница или жертва? Подозрение и недоверие постепенно переплетаются с сильным влечением. Чувство подступающей опасности обостряет их страсть и притупляет бдительность сыщика. А мафия не дремлет...

Татьяна Гармаш-Роффе

Ведьма для инквизитора

*Автор благодарит за консультации Клода Роффе и Натана
Заблоцкиса*

*Все события и действующие лица романа являются
вымышленными, любое совпадение с действительностью
может быть только случайным.*

* * *

...Совершенно непонятно, каким образом, но он забыл дома паспорт. Хорошо, вовремя спохватился, до самолета должен успеть, если гнать. И он гнал, за сто зашкаливало. Ярославка была относительно свободной, и гаишники – давно добрые, щедро подмазанные друзья – только ручкой приветственно делали: проезжай, мол, родной, для тебя все, что хочешь.

Марк притормозил перед воротами своего загородного дома, машину во двор заводить не стал, шоферу и охраннику кивнул: «Я туда и обратно».

– Май! Майчонок! – позвал, войдя в дом.

Но жена не откликнулась, должно быть, была наверху. Марк колебался: дозваться все-таки, чтобы поцеловать еще разок свою золотоволосую девочку, или бежать скорее обратно к машине – утром попрощались, чего уж там, она его не ждет, даже не знает, что он за забытым паспортом примчался...

– Майчонок! – крикнул он снова для верности.

Наверное, в наушниках музыку слушает, она их почти не снимает, все делает в них: читает, хозяйничает, гуляет. Марк даже беспокоился: слух, говорят, от них снижается...

Пойти наверх? Нет, надо торопиться. Марк схватил паспорт – он лежал на виду, на каминной полке, и когда только он его туда положил? – потом листок бумаги и, присев на край стула, черкнул: «Забыл паспорт, заезжал домой, тебя не дозвался, тороплюсь, целую, люблю». И поставил свою красивую, с росчерком подпись.

Тихий звук за спиной привлек его внимание, и Марк хотел было обернуться, но неожиданно почувствовал резкий прострел под лопаткой, словно вступил радикулит, какой-то там шейно-плечевой, о котором он знал только понаслышке. Стало трудно дышать.

«Да что же такое? – удивился Марк, тяжело разворачиваясь от стола. – А вдруг инфаркт? – подумал он. – Вдруг разрыв сердца?»

Поворачиваться было невероятно больно, он сжался, схватился за грудь и еще больше удивился, когда увидел на своей руке кровь. Марк с трудом встал, опираясь окровавленной ладонью о стол, и понял, что рука испачкалась от рубашки, и он бы удивился этому несравненно сильнее, но не успел: он умер.

От разрыва сердца.

Пулевого.

* * *

– А это обязательно? – поморщился Алексей Кисанов, когда Александра, придирчиво изучив содержимое шкафа, выбрала и подала ему галстук.

– Нет, – сказала она, – но ты мне нравишься в галстук.

– Ага, без галстука я тебе не нравлюсь, надо понимать? – Алексей внимательно следил в зеркале за своими пальцами, не слишком ловко справлявшимися с узлом.

– Нравишься. И без всего остального тоже.

– Звучит обнадеживающе...

– «Надежды юношей питают...»

– О, меня в юноши зачислили! Ты сегодня необыкновенно любезна. А что питает девушек?

– Юноши. Когда становятся их мужьями и перестают питаться надеждами.

– Смотри-ка, до чего ловко мир устроен! Когда я слушаю твои комментарии, мне кажется, что я смотрю передачу «В мире животных».

– А когда их не слушаешь, то просто в мире животных живешь.

– Ага. – Алексей внимательно изучил плоды своих трудов, развязал галстук и принялся заново мастерить подлый узел под насмешливым взглядом Александры. – Это типа того, что люди едят зверей, а звери едят людей?

– В основном люди едят друг друга. Зверям мало достается.

– Невеселая картина.

– Веселая или нет, но через десять минут ты отправишься прямо в пасть к одному из представителей самых опасных человеческих хищников. Если ты об этом забудешь хоть на минуту – ты проиграешь...

«Человеческий хищник», а именно Аркадий Усачев, известный ведущий, около месяца тому назад пригласил Алексея в свою телепередачу «Автопортреты». Известен же был Усачев своими провокационными вопросами, умением втягивать гостей в полемику и вытаскивать из них информацию, интимную и компрометирующую. Невинное на первый взгляд название «Автопортреты» имело самый что ни на есть издевательский подтекст: это были, по существу, авторазоблачения, нечаянный ментальный стриптиз, в орбиту которого были искусно вовлечены не только приглашенные, но и прочие лица, оставшиеся за кадром. И сыпались в эфир семейно-постельные секреты, выставлялась на всеобщее обозрение подноготная бизнеса, выворачивалась изнанка политических деятелей и их деятельности перед глазами миллионов избирателей...

* * *

... Через некоторое время Майя спустилась вниз, закричала, точнее, завизжала, даже за воротами ее услышали охранник и шофер; они уже мчались к дому, пока не понимая, имеют ли право туда ворваться, беда ли приключилась или просто супруги поссорились. Майя, охваченная истерикой, глядела побелевшими от страха глазами на двоих мужчин, замерших у раскрытого окна в короткой напряженной стойке; под их цепкими, быстрыми взглядами ее крик сошел на нет, превратившись в тихое рыдание – «мамочки, мамочки, ой, мамочки», – и она заметалась между неподвижным телом мужа и пистолетом, черное блестящее тельце которого четко выделялось на фоне бледно-зеленого ковра.

Когда двое за окном поняли, что это не супружеская ссора, и ворвались в дом, Майя, пятясь назад, подхватила с пола пистолет и двумя руками направила на них:

– Это не я... это не я... не трогайте меня, уйдите!.. Это не я!.. не знаю кто... я не видела...

Мужчины растерянно смотрели то на Майю, то на тело Марка, завалившееся в неуклюжей позе на бок возле стула, не зная, что предпринять.

– Что случилось, Майя Максимовна? – спросил шофер Гоша спокойно и строго. – Что с Марком Семеновичем?

– Его уб-били. – Каждый звук был отбит дробью ее зубов.

Шофер шагнул было в сторону тела со словами:

– Возможно, он только ранен, надо посмотреть, может, его еще можно спасти...

– Стоять! – взвизгнула Майя. – Не двигайтесь! Марк мертв, убит, убит, убит...

Ее душили рыдания без слез, жестокие содрогания горла и лица, растянувшие губы в некрасивой гримасе; пистолет прыгал в руках.

– Майя Максимовна, – ласково произнес шофер Гоша, – положите пистолет, зачем вы его подняли?

– Не з-знаю!.. Вы подумаете, что это я!..

– Лучше будет, если мы его положим туда, где он лежал. Надо срочно вызвать милицию! Зря вы подобрали оружие, теперь на нем будут ваши отпечатки, – увещевал ее шофер. – Он ведь лежал на ковре? Дайте мне его, я его оботру и положу на место, пусть милиция разбирается...

Он не стал подходить к Майе, боясь ее напугать, – просто раскрыл ей навстречу ладонь.

Майя, бледная и замедленная, как загипнотизированная сомнамбула, двинулась к мужчинам, протягивая пистолет...

И вдруг ринулась к выходу мимо них. Они не успели ничего понять, как раздался шум мотора: Майя завела свою машину и, едва не врезавшись в стойку ворот, исчезла из виду.

* * *

Когда частный детектив Алексей Кисанов (для своих просто Кис) получил приглашение на телевидение, его первая реакция была: отказаться. Он сразу учуял: Усачев будет подбивать его на конфликтный разговор о милиции. Но Кис все же решил посоветоваться с Александрой, любимой женщиной, а также известной журналисткой в свободное от его любви время^[1].

...В тот день Алексею удалось закончить дела пораньше, он пришел домой первым и успел комфортно развалиться на диване. Откуда он и вещал, заслышав, что Александра, раздевшись в прихожей, направилась напрямиком в душ.

– Свет мой Алексанна Кирилна, не изволите ли сначала осчастливить меня поцелуем?

– А вы, сударь, не изволите ли задницу оторвать от дивана и потрудиться передвинуться за причитающимся поцелуем? – донеслось до него.

– По законам физики, это свет падает на предметы, а не предметы на свет!

– Учту на будущее, что ты предмет. Что же до людей, то, по законам психологии, люди тянутся к свету, – донеслось до него.

Шум душа послужил точкой в содержательной беседе.

Алексей встал, потянулся и неспешно направился к ванной комнате. Легонько приоткрыл дверь: Александра плескалась за полупрозрачной перегородкой. Мельком подумав, как он любит это тело, смутно и горячо розовеющее в пару ванной, Кисанов уже было вознамерился возлечь обратно на ложе, чтобы доиграть роль капризного патриция, как Александра произнесла, не оборачиваясь:

– Или туда, или сюда. Но закрой дверь.

– У тебя глаза на затылке, – проворчал Алексей, раздосадованный тем, что его застучали.

– На коже. Холодок из двери.

– А причитающийся поцелуй?

– Если не боишься вымокнуть...

Он вымок полностью спустя пять минут. В связи с чем разделся. В связи с чем решил тоже принять душ. В связи с чем...

В связи с чем прошло не менее часа, когда оба вывалились из душа, розовые, распаренные и сытые нежной любовной близостью.

– Меня Усачев зовет в свою передачу, – сообщил Кис, усевшись за стол.

Не желая тратить много времени на кухню, Александра готовила без изысков, но вкусно. После многих лет холостяцкой неустроенности души и быта все, что выходило из-под рук Александры, казалось Кису деликатесом, а приправленная ее обществом еда и вовсе превращалась в райскую пищу.

Их отношения по молчаливому согласию сложились в некую форму свободного союза. Каждый по-прежнему жил у себя, но почти все вечера и ночи они проводили вместе – то у него, то у нее, смотря по обстоятельствам.

Одним из «обстоятельств» негаданно стал Ванька, помощник Алексея, безалаберный студент юрфака, снимавший у детектива маленькую комнату в его трехкомнатной квартире на Смоленке в обмен на необременительную помощь в расследованиях и секретарских делах.

Появление женщины в квартире детектива Ванька принял неожиданно ревниво, как разрушение мужского братства, и всем своим видом демонстрировал Саше, что он имеет приоритетные права на эту квартиру и на ее хозяина, то бишь Алексея Кисанова. Всегдашний разгильдяй, Ванька вдруг даже заделался передовым дежурным по кухне, исправно разогревая каждый вечер полуфабрикаты и моя посуду, лишь бы не допустить самозванку к управлению их холостяцким бытом. Александра посмеивалась, но Кис чувствовал себя не слишком комфортно. Посему они чаще встречались в квартире Александры на Проспекте Мира. Но все же и на Смоленку заглядывали: Ванька ревновать – ревновал; когда Александра приходила, хамил и устраивал демонстрации, но, когда они не появлялись больше трех дней, обижался и скучал.

– Он к тебе относится как к отцу, – резюмировала Александра.

– А то я не вижу, – буркнул Кис и подумал: «Если б я к нему относился как к сыну, уже давно бы штаны спустил нагледу да надавал хорошенько по заднице...»

Впрочем, по истечении первых двух месяцев конфликт «отцы и дети» стал потихоньку рассасываться, Ванька допустил Александру к священному алтарю кухонной плиты, хотя сам неотступно крутился рядом – то ли ревниво следил, то ли помогал. И временами до Алексея, который частенько сживал за работой по вечерам, стали доноситься взрывы их дружного смеха с кухни.

–Ты ваще качок, Кис, – сказал в один из этих дней Ванька, – я и не знал, что ты в телках разбираешься.

Кис, охваченный педагогическим порывом, едва не ударился в разъяснения по поводу вульгарного «телки», но в конечном итоге сделал выбор в пользу мира и взаимопонимания между поколениями и коротко ответил:

– А то!

Однако спустя несколько недель воцарившийся было мир в старой квартире на Смоленской стал опять расплзаться по швам. Ванька в присутствии Александры стал как-то подозрительно бледнеть, заикаться и ронять посуду.

– Если он ко мне относится как к отцу, то в таком случае у него явно наметился эдипов комплекс, –

резюмировал Кис.

Александра улыбнулась, но снова стала реже бывать у Киса.

Должно быть, воздержание от встреч с избранницей «внештатного отца» охладило юный Ванькин пыл, поскольку еще пару месяцев спустя он чинно представил Алексею девушку, чем-то неуловимо напоминающую Александру.

– Ну ты качок, Ванька, – сказал ему Кис. – Я и не знал, что ты в телках так хорошо разбираешься...

– А то! – важно ответил шалопай...

– ...И ты согласился участвовать в передаче? – спросила Александра.

– Пока нет.

– Боишься?

– Не люблю, когда из меня клоуна делают.

– На это Усачев мастер, собеседников подставляет виртуозно... Что сказал, когда приглашал?

– О, пел соловьем! Лучшие-де кадры милиции ушли в частную практику, остались одни болваны, которые к тому же, раскрыв дело исключительно с помощью высокоодаренного частного детектива, приписывают все подвиги себе и получают звания и премии, а такие настоящие герои, как я, остаются в неизвестности. А народ должен знать своих...

– ...героев в лицо, – подхватила Александра. – Это девиз его передачи. Понятно. Усачев – великолепный профессионал самой похабной разновидности журналистики. Он нароем любой скандал даже там, где его нет, и любой ценой, включая самые грязные методы. Помнишь, как он едва не довел до суицида Валю Елагину?

– Я не смотрю его передачи.

– Ну, молодая актриса, восходящая звезда, талантливая девочка, – так он принялся полоскать перед всеми проделки ее отца, коррумпированного депутата, намекая, что именно он устроил дочке на фестивале приз за лучшую женскую роль. Полнейшая ложь! Я знаю Елагину, она с пятнадцати лет со своим отцом не разговаривает! Знаешь, что меня больше всего бесит в Усачеве? Что он держит всех за идиотов. Спел лисью песенку: «голубушка, как хороша, какие перышки, что за душа», и уверен, что купил всех с потрохами! После чего беззастенчиво выворачивает эти самые потроха... И Валя, дуреха, тоже купилась на его лесть.

– А знаешь, что больше всего бесит меня? Что он прав: идиотов слишком много. Если бы это было не так, его передача не была бы столь популярна. Но у него отбоя нет ни от «гостей», ни от горячих поклонников.

– Пожалуй, Алеша, я бы на твоём месте согласилась... Просто чтобы доказать ему, что не все такие безмозглые...

– Стоит ли ввязываться в эту лабуду? Зачем? Кому это нужно? Зрителям? Так если у них мозгов нет, то уже и не прибавится...

– Мне. У меня еще за Валю Елагину к нему счеты. Руки пока не дошли, но давно чешутся.

– Ага. Руки чешутся у тебя, а отдуваться должен я?

– Боишься?

– По-моему, мы начинаем разговор сначала: не хочу оказаться в роли клоуна. Я ведь буду в прямом эфире, а нужные ответы иногда находятся слишком поздно. Я не мастер по словесным пикировкам.

– А ты сначала прикинься дурачком простодушным, подыграй ему. За это время ты сможешь обдумать, как повернуть разговор. И когда он уже будет уверен, что ты у него в кармане, – выдашь Усачеву все, что ему причитается...

Он согласился. Он, собственно, с самого начала знал, что согласится. И не только потому, что Александра его попросила, нет. Просто так он был устроен. Кис давно не верил в торжество справедливости, давно не питал никаких иллюзий на сей счет. Да и само понятие справедливости слишком туманно, неконкретно, «амбивалентно», как выражалась Александра, – или, проще говоря, у каждого всегда находится своя правда. Но *несправедливость*, напротив, была всегда конкретна, осязаема, и Алексей на нее реагировал кожей, она почему-то всегда оказывалась его личным делом. Разумеется, он знал, что всю грязь никому не под силу одолеть, но считал, что маленький участок, который у тебя под ногами, вычистить можно. Или можно попробовать, скажем так.

И вот теперь он вязал перед зеркалом душегубку-галстук, собираясь в Останкино.

– Значит, ты делаешь польщенный вид, – наставляла его Александра на прощание, – и киваешь-поддакиваешь на все комплименты и лесть Усачева. До тех пор, пока он не расслабится и не предоставит тебе слово, считая, что ты уже вполне прожарился на костре своего тщеславия. Вот тогда ты и скажешь все... Я буду у экрана, Алеша, я буду с тобой...

* * *

Бессмысленно проболтавшись по улицам больше двух часов, Майя остановилась у какого-то бара на Проспекте Мира.

Бар был пустым, в нем по западной причуде почти не кормили и только предлагали разные напитки, от соков до самых крепких, да несколько видов легких закусок с тяжелыми ценами в у.е. Она села за столик и заказала коньяк. Бармен с любопытством смотрел на хорошенькую девушку, гадая, что же могло так испугать эту крошку, которую он, кажется, уже видел в своем баре... Над стойкой работал телевизор, начиналась передача «Автопортреты», Майя тупо смотрела на экран, на самодовольное лицо Усачева – уж этот-то портрет вся страна знает...

Усачев объявил гостя передачи, частного детектива Алексея Кисанова, и Майя сморщила нос: где-то она слышала эту фамилию... В голове гудело, будто ее огрели чем-то весьма увесистым, и мысли обтекали случившееся, как толпа обтекает раздавленную кошку, отводя глаза и стараясь не фиксировать в памяти жалкое зрелище поруганной маленькой жизни. Она уткнулась в рюмку коньяка, обхватив ее обеими руками, словно хотела о нее погреться, склонившись носом, шеей, спиной к янтарному напитку, вдыхая его терпкий запах... И вдруг снова уставилась на экран. Потом вскочила. Дернулась было к выходу, но тут же обратно к столику, сделала два глотка коньяку, и опять к выходу.

– Эй, а платить кто будет? – крикнул бармен ей вслед, но Майя уже была на улице. Он не стал ее догонять: убытку почти никакого, два глотка. Он вылил остаток рюмки обратно в бутылку и покачал головой.

Добравшись до Останкина, Майя снизу позвонила: «Аленка, мне нужно срочно с тобой увидеться, закажи пропуск! Случилось, случилось, просто ужас, сейчас объясню».

Нервно переминалась у окошечка, пока не получила заветную бумажку, промчалась мимо постового и кинулась к лифтам.

Алена уже ждала ее в холле у лифтов на шестом этаже, обеспокоенная. Майка, со своей маленькой ладной фигуркой, светло-рыжими, золотыми волосами и зеленовато-голубыми глазами, с белой кожей и легкими веснушками по первому солнцу, была похожа на какую-нибудь принцессу из рисованного мультлика, прозрачную и невесомую, очаровательную и взбалмошную. А у рисованной принцессы в ее рисованной жизни не может, по определению, случиться ничего плохого; в ней надежные друзья в виде ослика и пса распевают стройным хором жизнерадостные песенки, принц появляется строго в назначенное время, а злодеи всегда побеждены и выставлены на посмешище.

Но сейчас голосок Майи встревожил ее не на шутку. Алена нетерпеливо поглядывала на лифты, но почему-то ни один не желал останавливаться на ее этаже.

И только когда истекли пятнадцать минут, в которые можно было пятнадцать раз спуститься и подняться на шестой этаж, Алена вдруг, отчего-то холодея, вспомнила их разговор двухнедельной давности...

* * *

...Посреди захватывающей беседы о марках губной помады Майя внезапно спросила: «Показать тебе мои статьи?»

Девушки утонули в низких диванчиках и полумраке бара телецентра в Останкине. Алена сидела прямо, едва склоняясь к низкому столику, на котором стояли коктейли и кофе, заказанные подругами. Майя, напротив, почти уткнулась в свой стакан и пыталась достать соломинкой вишенку со дна. Они были ровесницами, двадцать шесть лет, но издали можно было их принять за маму с дочкой: высокая Алена с величавой осанкой и мелкая хрупкая Майя, со škодливыми и нетерпеливыми повадками ребенка. Алена никогда не меняла разворот плеч и свой интерес к собеседнику или предмету обозначала лишь легким наклоном головы, тогда как Майя, казалось, гибко группировалась всем телом, как обезьянка, вокруг объекта ее интереса. С Аленой, крупной, статичной в своей пластике и солидной в манерах, они абсолютно не сочетались, но, может, именно поэтому и дружили: они были настолько разными, что соперничать было бессмысленно.

– Статьи? Ты стала писать? – Алена с сомнением посмотрела на подругу. Пожалуй, она так и относилась к Майе: как к милому ребенку, которого можно баловать (что и делали все поголовно), но от которого невозможно ждать серьезных шагов.

– Вернее, репортажи. Уже четыре вышло. Смотри.

– Марк тебя пристроил? – спросила Алена, принимая стопочку тонких еженедельных развлекательных дамских журналов.

– Ага! – беспечно отозвалась Майя.

Она никогда не стеснялась рассказывать о том, кто и как устроил ее дела. На факультете журналистики Майя вызвала ярую, возмущенную зависть сокурсниц, оттого что у нее постоянно и неотвратимо находились поклонники или просто доброхоты, которые помогали ей подготовить доклад или курсовую, провести ее на элитарное мероприятие, куда остальные не смели и мечтать попасть, – у мужчин Майка стабильно провоцировала неумное желание ее опекать и о ней заботиться. Поднесенные дары и услуги она принимала весело и охотно, без малейших комплексов, словно так и должно быть. Никто и не удивился, когда Майя выскочила замуж за богача и очаровашку Марка Щедринского: все привыкли, что

судьба (в лице мужчин) ее балует.

– Я могу взять? – спросила тактичная Алена, мазнув взглядом по первым строчкам статьи: не хотела читать при подруге, была уверена, что Майка способна написать только полную чушь.

– Бери.

Алена хотела было уже убрать журналы в сумку, как вдруг ее внимание привлекла одна фотография. Она ткнула аккуратным ногтем со светлым лаком: «Где это?»

– На открытии культурного центра при Швейцарском посольстве. А что?

– Это Касьянова, Александра?

Майя заглянула в журнал.

– Ну да. Терпеть ее не могу! Задается – тушите свет!

– Но пишет отлично.

– Плевать, как она пишет, – дернула плечиком Майя. – Не люблю, когда на меня смотрят свысока.

Алена не знала, была ли тут игра слов, Майка могла иметь в виду всем известную манеру Касьяновой себя держать, холодноватую и как будто отчужденную, которую многие находили высокомерной. Однако для Майки проблема могла оказаться не в манере, или не только в ней, а еще и в росте: маленькая Майка не выносила высоких женщин, а Касьянова была высокой. Алена не в счет: она свой, прирученный гигант, домашний мамонт с уздечкой, который по своему врожденному добродушию покладисто подставлял спину норовистой Дюймовочке.

– А вот, позади Касьяновой, видишь? – решила не вдаваться в тему Алена. – Это ее бойфренд... Между прочим, Димка Усачев его в передачу к нам заманил.

– Ну ты скажешь! – фыркнула Майка. – Какой же он «бой»? Ему крепко за сорок!

– Не придирайся. Пусть будет любовник. Или как тебе больше нравится: хахаль? Сожитель?

– Да никак он мне не нравится!

– А по-моему, вполне ничего... Он частный детектив, знаешь? Кисанов Алексей.

– Слыхала, слыхала... На киску не похож.

– При чем тут?... – удивилась Алена.

– Ну, фамилия – Кисанов.

Алена озадаченно посмотрела на Майю.

– Да нет, я шучу, фамилия тут ни при чем. Просто, чтоб такую стерву терпеть, надо быть ручной киской. А он не похож. Интересно, как он ее выносит?

– Ага... – пробормотала Алена. – Понимаю... Ты ей свои статьи показывала? И она их зарубила?

– Вот еще, – дернулась всем телом Майя, – Маркуша все устроил, я ни у кого ничего не просила. Просто пришел и сказал: будешь писать для начала вот для этого еженедельника. – Майя ткнула пальчиком в журнальчики. – И все.

Алена не стала вдаваться в подробности. Самолюбия у рисованной принцессы было предостаточно. Майкиному замужеству, безбедному, беспечному и бездетному (разве могут быть дети у Питера Пена или Дюймовочки? Нет, леденец на палочке приватизирован Майкой пожизненно и по наследству не передается!), завидовало пол-Москвы, но Алена знала, что сама Майка комплексует, видя, что бывшие

сокурсницы успешно делают карьеру.

– На самом деле эти статьи – это так, ерунда, для отвода глаз, – небрежно произнесла Майя.

– Что ты имеешь в виду?

– У меня есть кое-что посущественней... Кое-что, что произведет ба-а-альшой переполох. И очень скоро!

– Где произведет переполох? – не понимала Алена.

– Там, – Майя подняла глаза к потолку.

– Ты о чем, Майка?

– Я пока не могу тебе сказать. – Майя приняла важный и таинственный вид. – Но скоро у меня будут такие материалы... Закачаешься! Разоблачительные. В высшей степени!

– Ой, ты меня заинтриговала! – произнесла Алена, только чтобы польстить подружке. Она не очень-то верила Майке. – И кого разоблачать будем?

– Мафию, – серьезно ответила Майя. – И коррупцию на самом верху.

– Коррупцию – в чем?

– Нелегальный бизнес. Проституция и наркотики.

– Ну ты даешь! Откуда же у тебя такие материалы?

– Да так... Секрет. Я кое-что случайно узнала, подумала, навела справки и поняла, что напала на золотую жилу. Удалось уломать кое-кого, мне обещали достать документы, видеозаписи... В общем, это будет бомба.

– А Марк тебе твои материалы поможет напечатать? – выдвинула предположение Алена.

– Ты что?! Он ничего не знает! Иначе он бы меня уже давно дома запер и охрану приставил! Нет, Марику и знать не надо. Да и никакая помощь мне не нужна! Когда моя «бомба» будет готова – все средства массовой информации сами встанут в очередь с протянутой рукой, вот посмотришь! Но пока я не хочу ничего рассказывать. Чтоб не сглазить.

– Ну, раз не хочешь, так не надо, – согласилась Алена, гадая, что, по разумению вечного ребенка, может называться «бомбой».

– Зачем этот детектив Усачу зандобился? – вдруг вернулась к оставленной теме Майя.

– Хочет сравнить частников с милицией.

– Бог в помощь. Вернее, дьявол. А я могу на запись прийти?

– Он в прямом эфире будет. Ты же знаешь, у Усачева в передаче всегда есть «живые» пятнадцать-двадцать минут для тех гостей, на которых он делает особую ставку. Если ему удастся детектива расколоть, так сразу в эфир пойдет. А при записи, ты же понимаешь, начнет гость права качать: вырежьте эти слова, вырежьте те...

– И чего Касьянова в нем нашла, в этом детективе, интересно? – презрительно прищурилась Майя.

– Оно тебе не до фени?

– И он согласился?

– Как видишь.

– Я бы на его месте не пошла к Усачу. Он своих гостей уделывает, как котят!

– Тем не менее людям приглашение в передачу льстит. Как любит говорить Усачев: «Вам трудно себе представить, как далеко может завести человеческое тщеславие!» И, как видишь, он прав: на передачу ломятся желающие явить миру «автопортрет», а зрителя присасывает к экранам.

– Циник он, твой Усачев. Ему надо было назвать свою передачу не «Автопортреты», а «Ню»[\[2\]](#)!

– Или – «Автоню!» – засмеялась Алена. – Гости-то сами раздеваются!

– Ага, после такого промыва мозгов, который Усач устраивает, и не то сделаешь! Впрочем, если этот дефектив Касьянову ухитрится выносить, так ему и Усачев не страшен.

– Сдалась тебе Касьянова!

– Думаешь, Усачев его расколет? Этот детектив, он же сам бывший мент, своих не продаст!

– Обычно у Димки сбоев не бывает, ты же знаешь. «Вам трудно себе представить, как далеко может завести человеческое тщеславие...»

– Ты с ним разговаривала?

– С Кисановым? Да.

– И как он тебе?

– Не так прост, как кажется. Сдержан в манерах, смотрит мягко, но чувствуется определенная жесткость в характере... Думаю, мужик порядочный, но не слюняй. Такой, знаешь, тип, с принципами...

– Мент, одним словом, – подытожила Майя. – Хоть и бывший. Пусть Усачев меня в передачу пригласит: если у мента окажется тщеславия недостаточно, то перед *красивой женщиной* он наверняка дрогнет!

– Майка, ну смотрю я на тебя и не понимаю: ты и впрямь глупая или придуриваешься?

– А чего я такого сказала? – пожала плечиками Майя.

Другая бы, наверное, на месте Алены обиделась: Алена была вполне хороша собой, и Майкина нахальная постановка вопроса была вопиющей бестактностью. Но Алена привыкла к выходкам рисованной принцессы, к ее невинному, непосредственному эгоцентризму: Майка была главной и единственной героиней своего мультипликационного существования, так было задумано в сценарии и утверждено худсоветом окончательно и бесповоротно.

– Это же передача Усачева, он всегда ведет ее сам и гостей своих колет вполне виртуозно – ну при чем тут ты?

– Ну... Я просто не успела подумать. Ты же знаешь, я иногда говорю раньше, чем думаю.

– Уж знаю, – фыркнула Алена, предположив про себя, что Майка, может, и впрямь размечталась, что Усачев тоже «перед красивой женщиной дрогнет» и ее в передачу пригласит. Раз уж Майка статьи в дамском журнале принялась писать, значит, ей окончательно наскучило безделье. И самолюбие загрызло. А телевидение-то и для веселья, и для самолюбия – развлечение покруче, чем тоненькие еженедельные издания для домохозяек... Хотя она тут что-то говорила о разоблачениях на самом верху, которые она якобы готовит... Придумала небось, мифоманка! Впрочем, никогда не знаешь, какие мысли могут порхать в золотой стрекозиной головке.

– Майчик, мне пора, а то меня небось уже ищут. – Алена вознеслась на всю высоту своего роста, перекинула волосы за плечи, сумку на плечо, одернула тугой пиджак и двинулась к выходу. Майя семенила рядом, словно дитя, не поспевающее за деловитой мамой. – Приходи на следующей недельке, –

говорила Алена, шагая, – я тебе пропуск закажу, скажешь, на какой день. С этими чертовыми съемками только в рабочее время и можно повидаться с подружками...

В холле у лифтов они распрощались. Алена поднялась на шестой этаж, Майя танцующей походкой направилась к выходу, небрежно сунув постовому подписанный пропуск, мельком с привычным удовлетворением отметив заблестевший в мужских глазах интерес...

...Вот этот-то всплывший в памяти разговор и заставил Алену вдруг похолодеть: Усачев как раз сейчас был в эфире, а ну как бедовая Майка и впрямь решила в передаче поучаствовать? Она испугалась не на шутку – ведь потом легко выяснится, кто Дюймовочке пропуск заказывал, и, случись что, Алена будет виновата!

Алена резко вскочила в подъехавший как раз лифт, нажала кнопку второго этажа, на котором находились студии, и холодок в ее животе сгустился.

* * *

...Майя вышла на третьем, где располагались аппаратные. В коридор вела кодовая дверь, у всех сотрудников, имеющих допуск, был магнитный ключ, но Майя знала, что обычно сотрудникам лень без конца открывать эту дверь и они – о человеческая халатность, неистребимая и вечная! – просто прикрывали ее, не защелкивая.

Майя оказалась права, дверь была всего лишь прикрыта. По тихому ворсистому коридору, вбирающему звуки, она двинулась к нужной аппаратной – любопытная Майя столько раз бывала здесь с Аленой, что теперь ориентировалась безошибочно.

Она потянула на себя дверь и окинула беглым взглядом человек пять, сидящих у многоцветного сияющего пульта с мониторами, – режиссер, ассистент, техники. Позади был еще один пульт, отделенный стеклянной перегородкой, – Майя знала, что на нем работают звуковики. А впереди находилась огромная стеклянная стена, за которой внизу была видна студия. Она поняла, что не ошиблась дверью: на мониторах и за стеклом внизу, на ярко освещенной площадке, торчали Дмитрий Усачев, ведущий, и Алексей Кисанов, частный детектив и гость передачи.

Почти никто не повернулся в ее сторону. А те, кто повернулся, тут же уставились обратно на мониторы: мало ли кто тут шастает, то ли ищет кого, то ли случайно заглянул.

Но когда Майя шагнула в аппаратную и рванула к лестнице, ведущей вниз, в студию, вслед ей закричали: «Девушка, куда вы, туда нельзя!» Но Майя не повернула и головы, она сбежала по лесенке вниз, обогнула какую-то декорацию и увидела залитую светом выгородку, окруженную камерами и осветительными приборами.

За стеклянным треугольным столом сидели на высоких, как в барах, табуретках, тоже стеклянных, Усачев и Кисанов. Картина была немного странной: толстый Усачев благополучно облепил телесами табурет, тогда как Кисанов словно парил в воздухе...

* * *

...Поза была довольно странной, неудобной. Алексей видел себя на мониторе: он словно завис в воздухе, по-дурацки поджав под себя ноги, опирающиеся на невидимую перекладину. Мелькнула мысль, что так задумано хитрым Усачевым неспроста: он намеренно вызывал у своих гостей чувство дискомфорта, чтобы было проще выбить их из привычного самоощущения и неожиданно спровоцировать. Под лучами

софитов было невыносимо жарко, хотелось вытащить платок и обтереть лицо, но он стеснялся сделать это перед камерами и оттого еще больше злился на Усачева.

Усачев уже заканчивал свою «лисью песенку», и Кис только удивлялся, откуда тот информацию накопал о подробностях дел, которые Алексей расследовал. Впрочем, особо долго ломать голову не приходилось, ибо существовало только три возможных варианта: рассказать о чужих секретах известному ведущему мог или он сам, Алексей, либо его клиенты, либо кто-то с Петровки, с которой Алексей регулярно сотрудничал, обмениваясь информацией в расследованиях. Поскольку первое и второе легко и уверенно исключалось – сам Алексей доверенные ему тайны хранил, как несгораемый сейф, а уж его клиенты тем более, – то оставалось третье: у Усачева должны быть информаторы в милицеских кругах.

Усачев, явно довольный собой, рассказывал доверительно и задушевно в объектив камеры о том, как Алексей Кисанов, настоящий герой, «которого теперь оценит по заслугам вся страна и к которому, без сомнения, теперь толпами повалят все потенциальные клиенты», ловко раскрывал сложнейшие дела. В то время как бесполезная и прогнившая организация под названием милиция, на содержание которой честные налогоплательщики отрывают от кровного семейного бюджета кусок, не в состоянии обеспечить гражданам ни защиты от преступников, ни их поимки! Напротив, эта насквозь коррумпированная организация уже давно превратилась в превосходное орудие прикрытия бандитов – от честных граждан и от правосудия!..

Алексей легонько кивал головой, как бы соглашаясь, в такт речам ведущего. И когда Усачев, уверенный в том, что жертва схвачена надежно и уже рыпаться не будет, предоставил ему слово, Алексей проговорил с любезной улыбкой: «Вы тут меня почти задушили комплиментами... У меня для вас есть ответный: вы потрясающе осведомлены. Информация об этих делах является строго секретной, совершенно не представляю, как вы могли ее раскопать?» – и с простодушным видом уставился на Усачева.

Ведущий расплылся.

– У меня есть свои маленькие профессиональные тайны. Предмет журналистики – это информация. Кто-то производит йогурты, кто-то – машины. Основной товар, который журналистика предлагает потребителю, – это информация, и мы, журналисты, делаем все, чтобы людей этим товаром обеспечить, то есть его добыть...

– И выгодно продать, – закончил за него Кис. – Не буду спрашивать о ваших доходах, но всем известно, что заработки телевизионных ведущих выходят за пределы воображения... Разумеется, вы можете потратить часть ваших заработков на покупку информации? Или в бюджете передачи предусмотрена специальная статья расходов? Поскольку я вам о своих расследованиях не рассказывал, а мои клиенты тем более, то следует предположить, что вы оплачиваете услуги кого-то из милицеских работников в обмен на информацию... Правильно?

– У меня там друзья, это естественно... – Усачев осторожно кивнул, не понимая, куда клонит Алексей.

– ...Которым вы платите за информацию, – закончил за него Алексей. – То есть вы по существу один из тех деятелей, которые коррумпируют милицию, – сообщил задушевно Алексей, послав улыбку в камеру для Александры.

– Что вы, вовсе нет! – спохватился Усачев. – Это вовсе не является коррупцией, это святая святых, это информация, каждый гражданин демократической страны имеет право на информацию, оно гарантировано Конституцией...

– Вы приходите к человеку, – перебил его Алексей, – который получает в месяц в лучшем случае сумму, которую вы имеете за один день. И вы легко подкупаете его для того, чтобы он, в нарушение всех

инструкций и просто этики, выдал вам секретные сведения, после чего вы их разглашаете на всю страну, зарабатывая популярность. Если это, по-вашему, не коррупция, если это в порядке вещей, то будемте снисходительны и к бандитам: они тоже покупают «информацию» о ходе расследования их грязных дел, что позволяет им опережать действия милиции и вовремя замечать следы. Это вполне вписывается в ваш подход к вопросу, верно? У бандитов тоже в милиции «друзья», точно как у вас. И друзья им помогают, как и вам, по дружбе. Выражающейся в увесистых, надежных, зеленых дензнаках. Я не намерен обсуждать с вами моральную сторону вопроса, я только хочу уточнить: чем это вы, собственно, только что так возмущались, когда ругали милицию?..

* * *

...Сказать, что она ворвалась на съемочную площадку, было бы явным преувеличением, ее фигура была слишком хрупка, чтобы произвести физическое действие, достойное этого глагола. Скорее влетела, как дуновение ветра, и внезапно укоренилась прямо между мужчинами – почти рост в рост с сидящими – и, переводя безумные глаза с камеры на камеру, заговорила срывающейся скороговоркой:

– Я хочу сделать заявление... Моего мужа убили... Меня обвинят, потому что все подстроено так, чтобы подумали на меня... Но это не я!.. Меня подставили!.. Это мафия! Я, Майя Щедринская, журналистка, я вышла на очень крупную организацию, занимающуюся поставкой наркотиков в Россию и русских девушек в иностранные бордели. В ней замешаны высокопоставленные лица, крупные государственные чиновники, у меня есть компрометирующие материалы, и теперь они все так специально подстроили, чтобы подумали на меня!..

Усачев дернулся всей своей грузной массой и вцепился в плечо девчонки.

– Безобразие! – прошипел он. – Что это за бред? Где охрана? Кто вы такая? Кто вас сюда пустил?!

Но, вспомнив, что он в эфире, отпустил девчонку и снова повернулся к камере, улыбаясь, хоть и кривовато:

– Как видите, дорогие телезрители, у нас тут некоторое незапланированное происшествие. Прошу нас извинить, это недоразумение, мы сейчас разберемся.

– Они хотят меня уничтожить! – звенел срывающийся голос Майи, перекрывая слова Усачева. – Я обращаюсь ко всем: если со мной что-нибудь случится – знайте, что...

– Запись! – рыкнул Усачев, склоняясь к лацкану пиджака, где торчал маленький микрофон.

– ...Что это мафия! – выкрикивала Майя.

– Немедленно дайте запись! – прохрипел в отчаянии ведущий.

Но в наступившее короткое замешательство камера послушалась и сделала наезд крупным планом на непрошеную гостью, бледную от отчаяния и страха, с глазами, расплескавшимися на пол-лица, как вышедшее из берегов озеро.

Потом камера успела схватить фигуру охранника, который вбежал в студию и теперь направлялся быстрым шагом к столу, где находилась вся троица, и тут же вернулась на лицо девушки, с ужасом смотревшей на его приближение; затем объектив скользнул по разъяренному лицу Усачева и невозмутимому – Кисанова и снова нашел застывшую в напряженной позе фигурку девушки... И здесь камера за что-то зацепилась своим глазком, на что-то нацелилась, пока непонятное, пока смутное... Наезд крупным планом... И ах! – выдохнули миллионы телезрителей у экранов: в центре кадра ясно очертился пистолет. Небольшой, карманной модели, в которой знаток опознал бы «вальтер».

Вот ручонка, неотступно сопровождаемая камерой, поднимает пистолет; вот его для верности прихватывает вторая ручонка, вот, помедлив, поколебавшись мгновение, пистолет выбирает направление и...

И утыкается в висок почетного гостя, героя, которого теперь уж точно вся страна будет знать в лицо: в висок Алексея Кисанова, частного детектива.

Охранник оторопело замирает, не зная, что предпринять.

– За-апись! – проорал Усачев.

В эфир наконец пошла та часть передачи, которая была сделана в записи, но камера все снимала, увековечивая кадры, которые позже будут рассмотрены с пристрастием следствием в замедленном прогоне.

– Не вздумайте звать милицию, – говорит хрупкое создание, обводя присутствующих заледеневшими глазами. – Иначе я его пристрелю.

В дверях студии уже начал толпиться народ, еще двое из местной охраны протискиваются вперед и останавливаются, сраженные неожиданным поворотом дела.

Немая сцена, народ безмолвствует. И потому особенно отчетливо слышен тонкий голосок, в котором вдруг зазвенели металлические нотки:

– Пошли, – командует она, – с вещами на выход, господин сыщик.

Обалдевшая толпа расступается и дает пройти этой странной парочке. До виска Кисанову, вставшему во весь рост, девушка теперь не достает, но зато держит пистолет прямо под его лопаткой. Одно неосторожное движение, и эта истеричка и впрямь может выстрелить...

Алексею происходящее казалось какой-то буффонадой, но его лопатка чувствовала вполне реальное дуло. Маленькая лапка держала пистолет крепко, хоть сама девица вся дрожала, как мокрая собачонка. Кис подумал, что было бы очень просто вывернуться из-под дула, достаточно резко пригнуться и опрокинуть девчонку через себя, но, с одной стороны, есть риск, что дуреха с перепугу начнет палить невесть куда, если, конечно, ее пистолет вообще заряжен, с другой – ситуация Киса необычайно забавляла и даже интриговала его профессионально натренированное любопытство.

Охрана следовала за ними на некотором расстоянии, но в лифт крошка с пистолетом никого не пустила под угрозой открыть стрельбу. На пост при выходе была передана команда пропустить, и вот уже двое – издали можно было подумать, что девчушка пытается обнять папу, но ручка, не дотянувшись до мужского плеча, просто замерла на спине, – вышли на улицу.

Стадо милицеских машин уже где-то подвывало сиренами, приближаясь; дуло пистолета подпихнуло Алексея в спину: поживее! Кис проворчал: «Осторожно, девушка, вы вообще-то обращаться с оружием умеете? А то пристрелите меня, не ровен час, что будете делать тогда без заложника? Заложника беречь надо...»

Ответом ему было тихое нежное: «К вашей машине, быстро! Ключи! И поосторожней с карманами, я успею выстрелить раньше, ясно?»

Кис, не оборачиваясь, залез в карман и протянул назад связку. Раздался щелчок кнопки центрального замка.

– За руль!

Она скользнула на заднее сиденье «Нивы» Киса и пристроилась с пистолетом за его спиной.

Кис, которому было велено ехать, тронулся, усмехаясь. Он развлекался: его похищали! Да кто! Какая-то писуха с почти игрушечным пистолетом.

Цирк, оперетта, мультик, и только.

* * *

Он ехал на совесть быстро. Как бы ни смешна была девчонка за его спиной, выстрелить она могла – от отчаяния, от нетерпения, нечаянно дернувшись... А вкупе с его любопытством подобная вероятность была хорошим стимулом.

Они исчезли из виду раньше, чем милиция успела понять, в чем дело, в каком направлении исчезла беглянка с заложником, и передать дорожному патрулю номер машины Кисанова. Они успели проскочить Алтуфьевское шоссе, притормозив до приличной скорости у поста ГИБДД, и сразу за Кольцевой углубились в какие-то проселочные дороги. У обочины леса девчушка велела остановиться. Плотно прижимая пистолет – на этот раз к шее Алексея, – она заставила его пересест на пассажирское сиденье, сама перебралась вперед на водительское и, приказав держать «руки вверх», обшарила его карманы. Оружия в них не оказалось, зато во внутреннем кармане она нашла мобильник, который тут же и отключила. Затем открыла бардачок, покопалась в нем и обнаружила пару наручников. Дитя возликовало: ого, настоящие! И велело детективу подставить руки. Прикусив от усердия язычок, удовлетворенно защелкнуло наручники на мужских запястьях. После чего она тщательно завязала ему глаза шелковым душистым шарфиком, снятым с нежной шейки.

Покончив с процедурой взятия в заложники, девушка набрала по своему мобильному номер и проговорила: «Веня? Это я... У меня беда. Я могу к тебе приехать прямо сейчас? Только я не одна. Спасибо, я знала, что ты так ответишь».

По короткому треньканью Алексей сделал вывод, что она отключила и свой мобильный. Стало быть, девица знает, что по работающему сотовому можно установить ее местонахождение. Ишь ты, какой нынче народ пошел образованный...

Если только, конечно, эта девица в качестве представителя народа не продумала и не разузнала все специально заранее...

Спустя примерно час машина затормозила. Кису было предложено выбирать. Дуло пистолета больше не заигрывало с его телом, но с завязанными глазами и в наручниках он вряд ли мог представлять опасность даже для кошки. Он прошел, поддерживаемый галантно под локоток, несколько метров вперед и остановился. Тяжелый, неравномерный скрип деревянных ступеней и глуховатый мужской голос: «Здравствуй, девочка. Рад тебя видеть. Кто это с тобой?»

– На, – поприветствовала его в ответ «девочка».

С точки зрения Киса – если можно иметь «точку зрения» при завязанных глазах, – словом «на» была сопровождена передача пистолета.

– Развяжи ему шарф, но наручники оставь, – продолжала его похитительница. – И держи его на мушке, никто не знает, чего от него можно ждать.

Через минуту повязка с глаз детектива была благополучно снята. Бородатый мужчина, судя по всему, телефонный Веня, держа Алексея на прицеле пистолета, свободной рукой поднес шарфик к лицу и вдохнул

его запах.

– «So pretty»^[3], – сказал он задумчиво. И, доброжелательно поглядев на Кисанова, пояснил: – Духи так называются. Картье. Вам понравился запах?

Впрочем, ответа бородатый не ждал и, сделав жест к крыльцу, объявил:

– Милости просим, пожалуйста в дом.

И легонько подтолкнул детектива пистолетом в плечо.

Направляясь к крыльцу, Алексей мельком осмотрелся: высокий добротный кирпичный забор, из-за которого подглядывали за домом верхушки сосен, крепкие металлические ворота. Просторный крестьянский двор, уходящий за дом, – виден был огород, ягодные кусты – хозяйство, стало быть; перед крыльцом площадка, усыпанная гравием; в правом углу двора к забору притулился сарай, в левом – гараж.

Дом был большой, настоящий деревенский, кулацкий, из толстых старых бревен. Веня, следовавший позади Алексея, скрипел гравием неравномерно, и Кис сделал вывод, что мужчина хромает. Скрип лестницы под шагами Вени подтвердил его предположение.

Внутри, однако, дом поражал совсем не деревенским уютом и напоминал скорее дачу в стиле «охотничья изба», как ее представляют городские жители, привыкшие к комфорту и имеющие на него средства. Впрочем, печь была настоящей, русской, покрытой изразцами, – не какой-то там дурацкий камин, из которого вечно выстреливают раскаленные угли, прожигая дорогой паркет. Да и пол был вовсе не паркетным, а дощатым, как положено в русской избе, хотя доски были некрашеными, просто покрыты прозрачным лаком. На полу, по центру просторной комнаты, разлеглись медвежьи шкуры. Два окошка на противоположной стене, за ними виден довольно большой ухоженный сад с огородом. Кис быстро рассмотрел длинный ряд стеллажей с книгами у правой стенки, отметив преобладание компьютерной тематики и философской литературы с уклоном в Восток. У левой стены он приметил дорогую аудиотехнику, а рядом с ней здоровую бочку, лежавшую горизонтально на ножках, похожих на козлы, только из настоящих толстых сучьев. Посреди бочки находилась откидная дверца, и Кис задумался о ее назначении.

Впрочем, долго ему размышлять не пришлось, потому как бородач спросил:

– Что желаете пить? Виски, водка, джин, коньяк? – и открыл дверцу в бочке, в глубине которой вспыхнул свет и засияли бутылки.

– Коньяк, – ответил Кис.

– Присаживайтесь, – Веня кивнул на кресла. – Садись, Майя.

Ага, вот уже кое-что: сумасшедшую девицу зовут Майя. Кис помнил, что она выкрикнула свое имя на телевидении, но он тогда не запомнил его, несколько оглушенный неожиданностью ее появления.

Алексей, следуя приглашению хозяина, сел. Майя забила в соседнее кресло, вжавшись в спинку всем телом, подобрав колени, которые обхватила руками. Наконец-то Кису представилась возможность разглядеть ее. Он бы ей дал лет пятнадцать на вид, но она говорила о муже, которого убила не она, следовательно, ей должно быть хотя бы восемнадцать-девятнадцать. На ней был летний шелковый костюм цвета бронзы, состоящий из короткой юбки, крошечного топики на бретельках, открывающего живот, и маленького ханжеского пиджака, прикрывающего весь этот соблазн, чтобы сделать его еще более соблазнительным. Тонкий шарфик, которым были завязаны глаза Алексея, она небрежно повесила на спинку кресла. Босоножки, такие же бронзовые, в тон костюму, она сбросила, и маленькие голые ступни с бледно-розовыми ноготками придавали ей незащищенный вид. На правой щиколотке тускло светилась тонкая золотая цепочка. Юбку Майя натянула на колени изо всех сил, но этот ложно-целомудренный жест

не слишком помешал Кису увидеть за согнутыми коленками верх ее ляжек и даже треугольник темно-золотого шелка трусиков между ними. Майя была очень миловидна, хрупка и воздушна на вид и как-то на редкость гармонична: золотистые, светло-рыжие, как майский мед, волосы удачно сочетались со светлыми прозрачными глазами, белой кожей, невесомостью тела, цветом костюма и даже трусиков.

Застыв в углу кресла, Майя была задумчива и молчалива. Взгляд ее прочно приклеился к столику, она не смотрела ни на Киса, ни на Веню, которого, кажется, такое экстравагантное поведение ничуть не удивляло. Он не задал до сих пор ни одного вопроса, хотя Майя по телефону ему сообщила, что у нее «беда», привезла ему незнакомого мужчину с завязанными глазами и в наручниках и вручила хозяину пистолет. Кис бы, пожалуй, на его месте от вопросов не удержался. Философ, должно быть, судя по литературе на полках. Какой-нибудь «дзен-буддист», нынче их страсть сколько развелось.

Веня поставил на низкий столик, сделанный из огромного пня, рюмку для Алексея, джин со льдом, тоником и кусочком лимона для Майи – ее он не спрашивал, хорошо, стало быть, знает ее вкусы – и водку для себя.

– Будемте знакомы, – поднял Веня стопку. – Я Вениамин. А вас как величать?

Вениамину Кис дал бы лет сорок пять на глаз, но весьма вероятно, что он был моложе: борода с ранней проседью прибавляла ему возраста. Длинные густые волосы, также с проседью, стянуты в хвост. Черные, цыганские, глубоко посаженные глаза были умны и вполне доброжелательны, и вообще с его лица не сходило невозмутимое выражение «здрасьте, гости дорогие!». Он действительно хромал на правую ногу, и Кис рассмотрел ортопедический ботинок и увесистую самодельную клюку, приставленную к книжному стеллажу.

– Алексей, – представился он Вениамину. – Может, снимете с меня наручники? Я не уверен, что в них удобно держать рюмку с коньяком.

– Боюсь, что ваша просьба преждевременна. Придется вам управляться в них.

– Тогда не будем терять время. Объясните мне, что происходит.

– Не могу, – сказал Веня. – Пока сам не знаю.

Кис вопросительно уставился на Майю, но она молчала, по-прежнему ни на кого не глядя. Поймав взгляд детектива, Вениамин добавил:

– Она вам обязательно объяснит. Когда сочтет нужным.

– Хорошо, – не сдавался Кис. – Дайте мне хотя бы позвонить. Я просто скажу любимой женщине, что со мной все в порядке.

– Касьяновой? – вдруг очнулась Майя.

– Вы знакомы? – спросил он.

– Немножко. Встречались на тусовках, я тоже журналистка... Начинаящая, – добавила она. – Вы из тех мужчин, которые всегда отчитываются о своем местонахождении и времяпрепровождении?

– Послушайте, Майя... Я ведь не за хлебом вышел. Вы меня умыкнули под дулом пистолета прямо из кадра, и вся страна видела это... Включая Александру. Она волнуется, что естественно. И потом, разве ваш муж не звонил вам с работы, чтобы сообщить, что возникли непредвиденные обстоятельства и он задерживается? Разве это не нормально?

– То муж! А она вам не жена!

– Вы неплохо осведомлены о моей личной жизни. Должен ли я сделать вывод, что нахожусь здесь не

случайно?

– Вы должны сделать вывод, что вам не следовало связываться с известной журналисткой, потому что теперь о вашей жизни осведомлена вся страна! Веня, дай ему свой мобильник, мой может быть на перехвате, его тоже. Только ни слова лишнего, имейте в виду. Ни где вы, ни с кем вы. Только что вы живы и пока вне опасности.

– А я вне опасности?

– Зависит от вашего поведения.

– Ага, неплохо для начала, – удовлетворенно ответил Кис и набрал номер. Было непривычно все делать двумя руками, поскольку одна неотвратно болталась возле другой, пристегнутая наручниками.

Он действительно произнес в трубку только две короткие фразы:

– Саша, со мной все в порядке, никакой опасности нет, поверь мне. Не волнуйся, обещаешь?

Он отключился, и тишина, внимательно впитавшая его краткую беседу с Александрой, обступила его. Кис посмотрел по очереди на Майю и Вениамина – и два взгляда поспешно отлепились от его лица, переместившись на столик.

Тишина длилась сценой из немого кино, безмолвным танцем рук и стаканов в ограниченном пространстве столика (не хватало только сопровождающего треньканья пианино):

Алексей изловчился и выпил коньяк.

Майя взяла свой джин.

Веня налил себе вторую стопку.

Подлил еще коньяку Алексею.

Майя допила джин и протянула стакан Вене.

Веня приготовил по тому же рецепту: тоник, лед, лимон.

...И только отпив из нового стакана, Майя озвучила затянувшийся в немоте кадр.

Мужчины слушали, не перебивая, историю о том, как она спустилась вниз и увидела тело мужа в крови, как схватила пистолет, выбежала из дома и умчалась куда глаза глядят, и все остальное, вплоть до сцены на телевидении – это уже для Вениамина, который телевизор не смотрел и не был в курсе случившегося.

Когда Майя затихла, неожиданно оборвав рассказ на слове «Я...» с многоточием, за которым ничего не последовало, Алексей спросил:

– Вы мужа любили?

– Очень.

– Тогда почему вы кинулись не к мужу, а к пистолету? Вам не пришла в голову мысль проверить, жив ли он? Может, надо было вызывать «Скорую»?

– Я боюсь крови. Я боюсь мафии. Убийца мог еще находиться в доме! И потом, Марк был такой мертвый... Безнадежно мертвый.

– Мафия? Помнится, вы что-то прокричали в студии на этот счет... Но я ничего не понял, признаться. При чем тут мафия?

– Нам угрожали... Марк получил два анонимных письма. В первом было написано: «Скоро сдохнешь, жид» и «Мы тебя и в твоём поганом Израиле найдем» во втором.

– Ваш муж собирался в Израиль?

– Он должен был улететь сегодня. Он мне оставил записку... Она лежала на столе... Марик успел ее написать... – навернулись слезы, и глаза ее снова растеклись озерками. – Там было написано... Что он заехал за паспортом. Он его забыл почему-то дома. Он всегда такой аккуратный, такой организованный...

Она разрыдалась. Вениамин сходил за пакетиком платков. Кис переждал взрыв рыданий и опять принялся за свое.

– Вы не слышали, как вернулся ваш муж?

– Я же вам сказала, я была в наушниках!

– А что побудило вас спуститься?

– Хотела стакан сока выпить. А в гостиной... а там... Там был Марк.

Кис снова переждал приступ плача. Вениамин подвинул ей недопитый стакан:

– Пей, девочка, полегчает.

Майя постучала зубами по стеклу, но выпила джин до дна.

– Записка лежала на столе, как вы сказали. Значит, вы к столу все-таки приближались, чтобы ее прочитать? И при этом не посмотрели, что с вашим мужем?

– У меня зрение очень хорошее, я ее издали прочитала! Когда я увидела тело Марка, я сразу подумала об этих угрозах... И мне стало страшно. Я одна в доме и труп... Милиция подумает на меня... Они специально так подстроили!

– Но если это не вы стреляли, то на пистолете не было ваших отпечатков, по крайней мере до того, как вы его схватили. Почему вы решили, что милиция должна была вас заподозрить?

– А кого, по-вашему? Кроме меня, в доме никого нет! Убийца испарился! А я – на месте преступления, и рядом оружие! А отпечатки... Кто помешает им решить, что я стреляла в перчатках?

– Перчатки еще найти надо. И доказать, что именно в них был произведен выстрел... Кроме того, нужен мотив преступления. У вас есть мотив?

– У меня? Не знаю... Нет у меня никакого мотива... Хотя ну как же, конечно, есть! Я же наследница! Прямо все в комплекте: я в обнимку с мотивом на месте преступления!

– Хм. А это не так?

– Если у вас богатая жена, разве это обязательно повод, чтобы ее убивать?

– У меня нет жены. Но вообще-то не обязательно.

– Я не убивала Марика! Я его любила...

– Допустим. Вы никого не видели в доме или во дворе?

– Нет... У нас есть другая дверь, в сад, убийца наверняка в нее вышел, потому что, если бы он прошел через парадную, охрана бы его заметила... Или нет, он, наверное, в окно вылез! Жарко, окна все были открыты...

– А второй выход из сада есть?

– Есть, калитка. Но она всегда заперта на замок. Хотя убийца мог перелезть через нее.

– Предположим. Но почему вы так уверены, что это мафия? Что за мафия? Почему не, скажем, неонацисты какие-нибудь? Записка-то черносотенная!

– Это было связано с его делами. Я слышала краем уха, когда Марк говорил по телефону: они что-то хотели от него, чтобы он что-то уступил, какую-то долю... Не знаю чего...

– Если я правильно понял, вам тоже угрожали? Вы сказали – «нам».

– И мне тоже...

– На телевидении вы заявили, что располагаете какими-то документами, компрометирующими высокопоставленных лиц. Это правда?

Майя кивнула.

– Тогда они должны были убрать вас, а не вашего мужа.

– Они не знали, что у меня есть документы. Вернее, у меня их еще нет, мне их обещали... Но они, видимо, узнали, что я веду расследование... Мне написали: «Когда комар пищит, его прихлопывают»... Я не знаю, – выкрикнула она и схватилась за голову, – все так запутано!!! Может быть, они хотели убить меня? И неожиданно натолкнулись на Марка? Или они хотели убить нас обоих? А потом что-то помешало им подняться наверх и пристрелить меня? Я не знаю-ю-ю!!!

– Я смотрю, версии множатся, – спокойно проговорил Кис, игнорируя признаки надвигающейся истерики. – Ваш муж имел отношение к тем делам и людям, на которых у вас намечается компромат?

– Нет!

– Он был в курсе вашего «расследования»?

– Шутите? Если бы я обмолвилась хоть словом, Марк посадил бы меня под замок и охрану приставил!

– Вы стрелять умеете?

Майя неуверенно кивнула, отводя глаза.

– Не слышу ответа! – требовательно произнес Кис.

– Умею. Немного...

– Каким образом научились?

– Наш охранник меня учил, по просьбе Марка.

– Это тот самый пистолет, из которого был застрелен ваш муж? – Кис кивнул на аккуратный «вальтер», лежавший у локтя Вениамина.

– Он самый, – поспешно ответила Майя, и, как показалось детективу, чересчур поспешно.

– Довольно странное оружие для мафии. Нетипичное. Я бы даже сказал, женское. Хотя необязательно, конечно.

– Я не разбираюсь в оружии, типичном для мафии. И мне надоело повторять, что я не стреляла в Марка.

– Как был убит ваш муж?

– Как-как! – разозлилась Майя. – Выстрелом!

– Выстрелом – куда? – спокойно уточнил Кис.

– Не знаю! В сердце! На груди была кровь...

– Обычно при мафиозных разборках стреляют в голову, – заметил детектив. – Либо сразу, либо контрольный выстрел.

– Так я же вам объясняю, что они нарочно так сделали! Чтобы меня подставить! Вы не понимаете, да? Вам, как всем ментам, два раза и помедленнее?!

Кис словно не замечал набухших слез и зло оскаленного ротика.

– Только что вы предположили, что вас хотели убить, – холодно сказал он. – Откуда же такая убежденность, что вас хотели подставить?

Майя прищурилась и процедила сквозь зубы:

– Я всегда знала, что в милиции работают одни тупицы. Но чтобы до такой степени?!

И презрительно отвернулась.

Вениамин вдруг встал, подошел сзади к креслу, в котором сидела, сжавшись в комочек, Майя, и опустил ей руки на плечи.

– Оставьте ее в покое с вашими расспросами! Не видите, девочка совсем без сил!

– Не страшно, Веня. – Майя поежилась, сбрасывая его руки с плеч. Лицо ее и вправду вдруг осунулось, как от большой усталости, уголки рта безвольно опустились вниз, и сама она, казалось, еще больше вжалась в кресло.

Зависла пауза.

– Извините, – проговорила она через некоторое время. Лицо ее было печально и спокойно. – Нервы. Я просто хотела сказать, что я не убивала Марка. А раз это не я, то кто-то другой. И я пытаюсь выдвинуть предположения, зачем и почему это сделали...

Кис помолчал. Он вдруг тоже почувствовал себя уставшим. Разговор не хотелось продолжать, хотя вопросов у него еще было множество.

– Ладно, оставим это, – сказал он. – Теперь скажите, чего вы хотите от меня?

– Ничего, – вскинула она него удивленные глаза. – Ничего я от вас не хочу. Это получилось случайно. Просто от отчаяния.

– То есть вы случайно поехали на телевидение и случайно ворвались в студию, где в это время случайно шел прямой эфир?

– Нет... То есть да... Я не знала, куда идти, что делать... в голове было совсем пусто. Я пошла в кафе, заказала коньяк... И вдруг увидела Усачева на экране. А у меня на телевидении подруга, Алена Ситникова, она мне говорила об этой передаче... Я вспомнила, что там будет прямой эфир... И подумала, что я могу сделать заявление... Иначе мне никто не поверит! Меня упекут в тюрьму, и никто даже обо мне не узнает... Меня там убьют! А дальше... Когда Усачев позвал охрану, я вдруг поняла, что сделала глупость и что сейчас меня выведут под руки и прямиком передадут милиции... Вот я вас и захватила.

Майя вдруг улыбнулась с некоторым извинением.

– Вы на меня не очень сильно сердитесь?

Кис вопрос проигнорировал и на улыбку не ответил. Нельзя не признать, что своя логика в рассказе Майи есть... Но ведь логику можно и придумать, так же хорошо продумать заранее, как и преступление, верно? И теперь Кис погрузился в медитацию, пытаясь уловить тонкий голосок своей интуиции. Но голосок

то ли молчал, то ли помехи были на связи, то ли коньяк затопил коммуникации – подсказка не проходила.

– «Два раза и помедленнее», говорите? – произнес Кис. – Меня это устраивает. Так что давайте еще раз и помедленнее: вы решили сделать заявление в прямом эфире на всю страну, что вы не убивали вашего мужа... Так? И вы всерьез думаете, что это должно вас спасти?

– Конечно! Теперь все будут интересоваться моим делом! И им не так-то просто будет меня запереть и потом тихо от меня избавиться!

– Им? Кому – им?

– Милиции, мафии! Знаете, что спасло Солженицына от пожизненной психушки? То, что о нем говорили журналисты всего мира! Теперь будут говорить обо мне, и это свяжет по рукам и ногам тех, кто хочет со мной разделаться!

Кис почесал нос. Она сумасшедшая, эта девица? Мегаломанка? Уж не устроила ли она весь этот спектакль, чтобы «журналисты всего мира» заговорили о ней? Жаждет славы? Может, и мужа своего с этой целью прихлопнула? Слава Солженицына ей в таком случае, конечно, не светит, а вот слава Герострата^[4] – вполне...

– И как же вам удалось пронести пистолет на телевидение?

– В сумочке. – Майя удивленно пожала плечами.

– Ах, в сумочке, – ехидно протянул Кис. – Я, может, и купился бы на эту байку, да только ведь там металлодетектор стоит на входе!

– Вот как? Я не обратила внимание.

– Ага, и металлодетектор на вас внимания не обратил!

– Выходит, не обратил. Я же прошла с пистолетом! Может, эта штуковина не работала?

– Временная неисправность? Такое, знаете, бывает время от времени с техникой...

Так он и поверил этой девице. Хотя чем черт не шутит... Надо будет выяснить этот вопрос, если возможность представится...

Пока что у Алексея сложилось вполне отчетливое ощущение, что девица водит его за нос. Он не видел смысла в дальнейшем разговоре: все равно наврет.

Тем не менее не удержался и снова задал вопрос, скорее, по инерции профессиональной привычки:

– Вы собирались куда-нибудь выходить сегодня?

– Я? Нет...

– Тогда почему вы так одеты? Это одежда не домашняя. Выходная.

– С чего вы взяли? Вы думаете, что домашняя униформа всех женщин – грязный фартук и старый халат? Не завидую тогда вашему семейному счастью. Я думала, у вашей подруги Касьяновой побольше вкуса!

Кис поморщился:

– Оставьте мою личную жизнь и мою женщину в покое, это не ваше дело, девушка. Кстати, нескромный вопрос: сколько вам лет?

– Двадцать шесть, – гордо ответила Майя, вскинув голову.

Чем она гордилась, Кис не понял. Тем ли, что выглядит на пятнадцать? Тем ли, что моложе

Александры, только что упомянутой? Глупая девочка, твои годы тоже набирают ход, от времени еще никому не удавалось убежать... И другие девочки, пока еще не родившиеся, скоро будут смотреть на тебя с точно таким же глупым высокомерием...

– То есть вы всегда так одеваетесь дома?

– Представьте себе!

– Кто, кроме вас, мог знать, что Марк должен был вернуться домой за паспортом?

– Послушайте, вы, сыщик! Это вы у меня в заложниках, а не я у вас на допросе! Черт подери, вы мне надоели! Все, спиритический сеанс вопросов и ответов закончен! Веня, ты его можешь где-нибудь запереть?

– Сделаем, – любезно откликнулся Веня.

– Эй-эй, не так быстро! – возмутился Кис. – Заложников надо кормить! Я голоден!

Майя фыркнула. Она опьянела.

– У тебя найдется что-нибудь для нашей маленькой компании? – обратилась она к Вене.

– Сделаем, – повторил Веня.

Большая кухня была отделана деревом и, если не считать печи, обустроена на европейский лад, с максимальным современным комфортом: все мыслимые машины и агрегаты имелись в полном составе. Деревянный квадратный стол был укомплектован венскими стульями. Скатерти не было, под тарелками лежали плетеные циновки-салфетки, посуда из желтой керамики и букет лесных колокольчиков в такой же желтой кружке оживляли настольный пейзаж. Любопытный тип, этот Веня. С виду похож на философа-отшельника, но ни комфортом, ни эстетикой хозяин дома вовсе не брезговал.

На время еды Майя снизошла до того, что детектива освободили от наручников, но Веня рядом со своей тарелкой положил пистолет, бесстрастно сообщив, что стрелять будет без предупреждения. У его непрошенных хозяев наметилось, кажется, разделение труда: пистолетом ведал теперь Вениамин, Майя же с видимым удовольствием распорядилась его наручниками, словно пацанка, открывшая для себя новую игру.

В ответ на сообщение Вени Кис только плечами пожал: мол, дело ваше, если охота, так стреляйте. Он ел с аппетитом тушеное мясо Вениного приготовления и никуда убежать не собирался. Его любопытство было разогрето так, что от него, казалось, валил пар, как от чугунка с мясом. У него в запасе имелся миллион вопросов, да время пока не пришло их задавать.

Из окна кухни он видел свою «Ниву», загнанную во двор. Нужно будет спросить у девчонки, куда она подевала свою машину, на которой, как Кис понял, она приехала в Останкино...

Ночь он провел на вполне приличной кровати в отдельной комнате. Неудобство заключалось лишь в том, что одной рукой он был прицеплен к спинке при помощи собственных же наручников. Когда Кис попытался было торговаться – мол, а если пописать захочется? – Майя ему с усмешкой посоветовала писать под себя.

Нахалка.

Впрочем, Алексей ночами спал крепко, никогда не вставал ни пить, ни писать. И торги вел исключительно ради того, чтобы покачать свои демократические права.

И все же эта ночь оказалась тяжелой, прикованная рука мешала поворачиваться, он недоуменно

просыпался, не понимая, в чем дело, потом вспоминал, опять проваливался... Ключ от наручников Майя прикарманила, но у Киса на самом деле был еще один, на связке домашних ключей – страховался на случай легкой потери маленького ключика. Связка осталась при нем, в кармане брюк (Кис решил спать одетым) и давила бедро, однако он воспользоваться ключиком не торопился: пока не имело смысла обнаруживать его существование.

До него доносились голоса, Майя с Веней о чем-то говорили, он слышал ее плач и глухое гудение его успокаивающего баса... Показалось, что слышит чмокания, звуки поцелуев. Кто он ей, подумал Кис сквозь сон, друг? Родственник? Любовник? Сообщник?

Прислушиваться было лень, и он снова засыпал... Под утро ему слышалось урчание мотора машины, в этой деревенской тишине каждый звук выделялся неожиданно и четко, но вникать тоже было лень; и даже когда он увидел Майю на пороге своей комнаты, молчаливо смотревшую на него, – вникать все равно было лень, и утром он уже не знал, сон ли это был или его странная похитительница действительно навещала его ночью...

И зачем? Что она хотела разглядеть в темноте?

Крепко ли пристегнут наручник?

* * *

– Кофе, – ответил Серега. – Ты его хорошо делаешь. Он у тебя какой-то бархатный.

– Это не я, это аппарат эспрессо его хорошо делает. Правда, нужно уметь выбирать кофе, иначе никакая машина тебя не спасет.

– И все-то ты знаешь, Александра! – польстил Серега. – А как надо выбирать кофе?

– Очень тонкого помола. Это мне один итальянский ресторатор объяснил. А лучше итальянцев никто не умеет делать кофе. Вот еще только в Португалии кофе так же хорош.

– И везде-то ты побывала, Сашка! – мечтательно произнес Серега. – Завидую...

– Петрович, кончай болтать невесть о чем, не томи, рассказывай!

Петровичем Кис, а вслед за ним и Александра, звал Серегу из-за места работы на Петровке.

– А я вот кофе старым дедовским способом делаю: покупаю в зернах и сам мелю, – гнул свое Серега: он любил заставлять себя упрашивать.

– И варишь в турке, знаю. Вопрос вкуса. Но «бархатного», как ты выразился, кофе у тебя никогда не получится, в домашних условиях его так тонко смолоть невозможно. Держи, уже готов.

– А нельзя ли чашку побольше? Эта уж больно на наперсток смахивает!

– Аппарат делает одновременно две чашки кофе именно такого размера, видишь? Я просто его заправлю еще раз, будет тебе вторая чашка. И даже третья.

– Кофе не жалко, тонкомолотого?

– Серега, ты для чего пришел?

– Как для чего? Кофе пить!

– Нет, милоч, кофе еще заработать надо! Рассказывай!

– До чего ты меркантильная, Александра!

– Какая есть. Кому не нравлюсь, те могут сделать кругом и шагом марш, – усмехнулась она.

– В том-то и несчастье, что нравишься, – театрально вздохнул Серега и завел глаза к потолку, чтобы выразить всю меру своего восхищения.

Сереге, старому другу Алексея с тех еще времен, когда оба работали оперативниками на Петровке, Александра действительно нравилась. Холостяк с большим стажем, Серега был весьма хорош собой – ладно скроенный блондин с правильными чертами лица и лукавыми серыми глазами. Дамам он представлялся исключительно так: «Сергунчик». Как-то Александра обронила, что это не самый поэтический вариант его имени в глазах прекрасного пола. Серега долго хохотал.

– Эх, голубушка, умная ты, умная, а не сечешь! Ну-ка, скажи, с чем рифмуется «Сергунчик»?

– Попрыгунчик, – скорчила смешную гримасу Саша. – Кузнечик такой, прыг-прыг.

– То-то и оно! И у малышки (Серега всех женщин без разбору называл «малышками») в черепушке сразу угнездится мысль: этого – не захомутать! Упрыгает, когда захочет! Поняла теперь, интеллектуалка, какой здесь тонкий психологический расчет?

«Малышки» у Сереги никогда не переводились. Однако, по ему самому непонятным причинам, ни одна не увлекала его настолько, чтобы он рискнул жениться. Зрелище семейного счастья своих коллег Серегу нисколько не вдохновляло: одни жены звонили без конца, доводя своих мужей до нервно-матерных ругательств; другие не звонили никогда, что не мешало, однако, их мужьям материться, но этак мрачно, сквозь зубы, поминая вскользь древнейшую профессию. А третью категорию, заботливых и преданных самочек, нянчащих детей и тихо жалующихся на зарплату мужа, Серега просто не выносил. Это было слишком скучно. Вот если бы Александра...

Впрочем, чего там – это женщина друга. А для Сереги друг всегда значил больше женщины. Даже такой, как Александра.

– ...Общую схему ты уже знаешь, так что я сразу о деталях, – заговорил он, повинувшись ее требовательному взгляду. – Первое: охрана ничего не видела, не слышала. Когда до них донесся визг Майи, они первым делом бросились к окну. Один из них заметил пистолет, лежавший на ковре. В тот момент, когда они ворвались в дом, Майя уже держала пистолет в руках. Охранник убежден, что это был «макаров» с глушителем. Второе: сосед по даче ковырялся у себя в саду и вроде бы видел, как что-то черное – или кто-то в черном – перемахнул через забор Щедринских. Задний забор выходит к лесу, в нем высокая калитка. Он толком не успел разглядеть, но все же нечто метнулось через забор, и ему кажется, что это был человек, одетый в черное с головы до ног. Вроде ниндзя.

– Забор высокий? Нужна особая сноровка?

– Норм ГТО [\[5\]](#) хватит. Через калитку можно перелезть, там наверху есть перекладина. Основная задача – подтянуться на руках. Если хоть средненькие мускулы есть, то остальное элементарно. Третье: выстрел был произведен в спину, в область сердца, с довольно близкого расстояния, метров шесть – экспертиза скажет точнее, – от противоположного окна, выходящего в сторону заднего забора, за которым лес. Окно было раскрыто, стреляли, возможно, через него. При минимальных навыках обращения с оружием это достаточно просто сделать.

– То есть его жена могла?

– Вполне. Один из охранников показал, что учил ее стрелять – по просьбе мужа.

– И научил?

– Ну, талантов она не проявила, стреляет пока плоховато, но я ж тебе говорю – расстояние было небольшим... Щедринский хотел, чтобы жена носила с собой пистолет, когда выезжала в город: она категорически не желала, чтобы ее сопровождала охрана, и ездила всегда одна. Но своего пистолета у нее

якобы не было, муж собирался ей купить какой-то небольшой, дамский, да не успел. Тем не менее на телевидении она воспользовалась пистолетом «вальтер».

– Она могла купить сама!

– Могла, – кивнул Серега, – но об этом ничего никому неизвестно. Зато пуля макаровского калибра. Без самого пистолета точнее ничего сказать нельзя. Замечу, что женщины, как правило, таким серьезным оружием не пользуются, предпочитая маленькие пистолеты. Тем более что у Щедрина уже есть свой «вальтер».

– Но как же она прошла с оружием на телевидение? Там ведь металлодетектор на входе!

– Этого никто до сих пор не понимает. Телевизионщики ломают голову, охрана получила взбучку.

– Следы возле дома остались?

– Ни одного. Сухо, жарко, под окном гравий, на подоконнике чисто. Отпечатки пока не идентифицировали, их много – в доме часто бывали приемы. Теперь четвертое: Майя заходила в бар до того, как направиться на телевидение. Бармен нам сам позвонил: у него работал телевизор, он увидел свою недавнюю клиентку в кадре с пистолетом и сразу позвонил. Рассказал, что она заказала у него коньяк и рассеянно смотрела на экран. Шла передача Усачева. Вдруг клиентка подскочила как ужаленная, выпила два глотка коньяку и ринулась из бара, не расплатившись.

– То есть надо понимать, что идея влезть в эфир ей пришла именно в баре, когда она увидела Усачева? Но для этого надо было знать, что в передаче будет кусок прямого эфира. Или вовсе не знать, что передачи бывают в записи, и думать, что они все идут прямо в эфир. Поскольку она заканчивала факультет журналистики, то последнее исключается.

– Может, к нам работать пойдешь? – польстил Серега.

– У нее связи на телевидении?

– Верно.

– Она все должна была знать: и про «живую» вставку...

– Верно.

– ...и пропуск ей должен был кто-то заказать...

– Верно.

– ...и студию она нашла безошибочно...

– Верно.

– ...и охрана ее пропустила...

– Оп, неверно! Она не стала подниматься на второй этаж, где студии. Там у входа в студийный коридор имеется дополнительный пост охраны, ты права. А эта хитрая бестия отправилась этажом выше, туда, где аппаратные. Она, видимо, знала, что сотрудники ленятся защелкивать дверь – им всем уже крепко намылили шею за халатность. И она спустилась в студию из аппаратной.

– То есть она очень хорошо ориентировалась на месте для человека, который не работает на телевидении. Она туда часто ходит... У нее там... Подруга? Любовник? Или она делает для них материалы?

– Подруга. Алена Ситникова. Часто встречаются в обеденный перерыв в баре Останкина, чтобы поболтать. Алена не раз водила Майю по студиям и аппаратным, девушка интересовалась. А Ситникова работает редактором у Усачева. Мы с ней пока не успели побеседовать, но непременно это сделаем в

ближайшее время.

– Думаешь, это все не случайно?

– Пока ничего не думаю. Могла и впрямь из любопытства ходить, туда кто только не шастает: телевизионщики водят родственников, друзей, родственников друзей и друзей родственников и так далее. Народ любит родное телевидение и проявляет здоровое любопытство. Из чего не следует, что каждый, походивший по студиям и аппаратным и поглазевший на известных ведущих, начнет впрыгивать в эфир с пистолетом. С другой стороны, она ведь туда пронесла каким-то образом «вальтер»! Намеренно или нет? Никто не знает. Можно ли предположить, что она его носит привычно и постоянно в сумочке, а металлодетектор просто дал временный сбой? Телевизионщики темнят, не хотят признать, что могли лажануться с контролем... Или эта Щедринская заранее придумала какой-то хитрый способ протащить оружие? По частям за несколько визитов, а потом свинтила в туалете? Раздобыла пластиковый пистолет? В таком случае – она уже террористка. Пока у нас одни вопросы, Саша.

– Дашь мне координаты этой Ситниковой? Я хотела бы с ней встретиться.

– О, я смотрю, мои труды не пропали даром! Решила в детективы заделаться?

– Серега, не хохми. И без тебя голова кругом идет.

– Держи, вот здесь ее рабочие телефоны.

– Кто мог знать, кроме его жены, что Щедринский должен был заехать домой за паспортом?

– Я, пожалуй, всерьез начну тебя агитировать в сыск идти. У тебя с логикой до странности хорошо...

– Элементарно, Ватсон, – отмахнулась Александра.

– Вот с элементарной-то логикой почему-то у женщин как раз и проблема!

– Мачо гнусный. Давай к делу.

– Никто и все. Охрана, сотрудники на работе, даже посты ГИБДД. Или тот, кто его паспорт намеренно вытащил из портфеля, чтобы вынудить Щедринского вернуться домой.

– Жена?

– Возможно.

– Серега, не крути! Что ты сам думаешь? Со всеми оговорками, что выводы делать преждевременно?

– Хитрая ты, Александра, слова прямо с языка стягиваешь!

– Так я же тебя знаю. Она может быть опасна для Алеши, эта ненормальная Майя? И ненормальная ли?

– Честно тебе скажу: пока не понимаю. Тем не менее мы ее объявили в розыск по подозрению в убийстве и за взятие заложника. Кроме того, ей грозит большая показательная порка за то, что вломила в прямой эфир и пронесла оружие в святая святых. Вреда от нее особо никакого не случилось, наоборот – такое скандальное происшествие в кадре только повысило рейтинг передачи. Но телевизионщики в штаны наложили: легкость, с которой она попала в эфир, заставила их сильно призадуматься, и не только о своей безопасности, но и о государственной безопасности вообще. Этот вопрос сейчас обсуждается на правительственном уровне – так ведь недолго и государственный переворот совершить! Как там у Ленина? В первую очередь брать вокзалы и телеграфы? Вот-вот, если бы вождь пролетариата дожил до наших светлых дней, то непременно добавил бы телевидение в свое учение о переворотах... К тому же у нее могут быть серьезные неприятности из-за взятия заложника. Выглядело это достаточно смешотворно, но, как ни крути, вывела она Киса под дулом пистолета. Что же до убийства ее мужа... Если это преступление

преднамеренное, то слишком оно непродуманно, слишком много глупостей она наделала, по многим статьям можно ее обвинить. Если же это убийство непреднамеренное, то не было для него никакого повода. Обычно подобные убийства случаются в ссоре, но Щедринский вернулся домой неожиданно и жену, похоже, даже не видел. Во всяком случае, времени для того, чтобы поссориться и дойти до убийства, у них было маловато. Я вполне допускаю, что стреляла не она, а ее могли действительно подставить – намеренно или нечаянно. Сосед ведь видел кого-то в черном, мелькнувшего над забором... Майя эта вечно в наушниках, ничего не слышит, знающий человек мог залезть в дом и спокойно погулять по нему... И паспорт вытащить, и Марка Щедринского подстеречь. Окна открыты, жарко. Желаящим убить Щедринского и подставить его жену – сплошное раздолье. А дальше... Девушка изнеженная, привыкла к благополучию, а тут – труп мужа на полу в крови, пистолет... Истерика с ней случилась, это точно. Все говорят, что с мужем жили очень хорошо, ссорились редко, да и кто ж не ссорится? Охранники показали, что в последний месяц два раза скандалили и они слышали, как Майя кричала, что хочет жить спокойно.

– А они жили беспокойно?

– Ее мужу угрожали. Мы нашли два письма, отпечатанные на компьютере, – то ли антисемиты написали, то ли братки какие-то.

– Что почти одно и то же. В связи с чем угрожали?

– В письмах не сказано. Мы забрали все деловые бумаги Щедринского, будем изучать, встречаться с его партнерами по бизнесу. Пока ничего не могу сказать конкретнее. Но он же крупный бизнесмен, а у них, сама знаешь, всегда есть что делить.

– Вернее, что не поделить.

– И так можно выразиться.

– А что она говорила на телевидении насчет мафии? Какие-то материалы у нее якобы есть... Удалось узнать?

– Пока нет. Но нашли одно письмо с угрозой и ей: «Когда комар пищит, его прихлопывают». Охрана говорит, что вроде были и другие письма, но нам ничего не удалось найти. А где обещанная вторая чашка? Я честно отработал!

– Несу, Петрович, несу... Иными словами, выходит, что с девушкой истерика приключилась и она решила таким экстравагантным способом заявить о своей невинности на всю страну? – поставив перед Серегой чашку, спросила Александра со странной интонацией.

– Очень возможно, что так оно и есть. Конечно, другому бы в голову не пришло, но Майя эта журналистка, хоть и не работает...

– Да нет, она вдруг недавно сподобилась на несколько статей.

Серегу бросил внимательный взгляд на Александру поверх чашечки, которую неуклюже держал в своей ручище.

– Чую я, «статейки» тебе не по вкусу... Профессиональное соперничество? – прищурился он.

– Побойся бога, о чем ты? Пару месяцев назад она попросила меня прочитать ее статью и высказать мнение. Статья была с претензией на проблемность, видимо, поэтому она и обратилась ко мне, я же «проблемная» журналистка. Майя проанализировала ряд романов, написанных женщинами, и заявила, что у русских женщин очень плохо со вкусом.

– А у них на самом деле хорошо?

– Дело не в этом. Хорошо ли, плохо ли, но Майя лихо назвала плохим вкусом все то, что попросту не

соответствует ее личному. Иными словами, она сделала ровно то же самое, что и критикуемые ею дамы: навязала свой личный вкус как эталон.

– Вполне типично для женщин!

– Для домохозяек да. А в журналистику лучше с такими представлениями не соваться. Что я ей и посоветовала. После чего она все-таки опубликовала глупый матерьяльчик в глупом журнальчике для женщин. Как делать макияж: лицо «до» – лицо «после». Надо заметить, что «до» было куда лучше... Хотя это уже вина специалиста по макияжу. Или вот: «В этом сезоне будет модно белое...» Будет модно – где? В каждой стране своя мода, которую задают свои модельеры. Если это мода из Парижа, так и пиши, если ты в Америке или в Италии подсмотрела – тоже не худо бы указать, если ее отечественные искусники предлагают – так фамилии называй! Погода, даже в моде, указывается вместе с ее географическим положением!

– Все вы, бабы, злюки и друг друга ненавидите! – ухмыльнулся Серега.

– Я говорю всего лишь о профессионализме, вернее, о его отсутствии. А если рассуждать, как ты, милый мой, то любое негативное мнение нужно считать проявлением зависти. Когда ты, Петрович, говоришь о ком-то «он козел», я же не подозреваю тебя в том, что ты этому «козлу» завидуешь?

– Сдаюсь, ты права, беру свои слова обратно, – поднял руки Серега. – Твои статьи умные и философские, и я в них ни бельмеса не понимаю. Никакого сравнения с дамскими советами. В них я, правда, тоже ни хера не смыслю.

– Я должна считать, что ты мне польстил?

– Несомненно! – горячо воскликнул Серега.

Александра улыбнулась и покачала головой.

– Меня другое беспокоит, – продолжала она. – Если девушка действительно по глупости или из-за истерики схватилась за пистолет и к убийству непричастна, то Алеша непременно возьмется это доказать. Он же у нас защитник вдов и сирот. И тогда он просидит с этой девицей невесть где и невесть сколько времени...

– Ты чего, Сашка, ревнуешь, что ли? – изумился Серега.

– Тебе не надоело мне приписывать то соперничество, то ревность? – возмутилась Александра.

Серега прищурился с загадочным выражением.

– За «соперничество» я уже извинился и взял свои слова обратно... А вот насчет ревности... Она хорошенькая, эта девчонка, правда? – хитро улыбнулся он. – Такая прямо ладненькая, сладенькая! Грудки такие симпатичные из-под маечки торчат, и животик такой аппетитненький...

Александра мрачнела на глазах. Гнусный Серега, все так же хитро улыбаясь, продолжал свои гнусные речи:

– Я бы эту славную малышку не пропустил...

– Ты пошляк, это всем давно известно!

– А Кис не такой, верно?

– Еще бы! Никакого сравнения с тобой, половым разбойником!

– Так чего ты волнуешься?

– Я вовсе не волнуюсь, – пожала плечами Александра. – Просто немного беспокоюсь... Есть такой

синдром... «Стокгольмский» называется...

– Что еще за шмасть такая?

– Экстремальная ситуация киднеппинга располагает при некоторых условиях к эмоциональному сближению между заложниками и похитителями... Один американский психиатр назвал это явление «Стокгольмский синдром»[\[6\]](#)... Нужно как-то сказать об этом Алеше. Психиатр утверждает, что если заложник знает о существовании синдрома, то он сможет противостоять его воздействию...

– Иными словами, «эмоциональному сближению»? – ухмыльнулся Серега. – Вот ты и попалась, голубушка! Ревнуешь ты, ревнуешь! Я тебя расколел! Все Кису расскажу!

– Не вздумай, поганец!

– Настучу, заложу, – пропел Серега, уворачиваясь от запущенной в него чашки, к счастью, пустой. – Великолепная Александра, невозмутимая королева – ревнует! Ура!

– Дурак. Больше кофе не дам.

– Дай. Я пошутил, – сделал Серега серьезную мину.

– Не дам.

– Чессна слово, пошутил.

– Мерзкий мачо.

– Согласен, на все согласен, даже друга родного готов продать! За чашку твоего кофе: у меня кофейный синдром!

– Держи свой кофе, продажная душа...

Прощаясь, Александра не удержалась и, заглядывая в лукавые Серегины глаза, переспросила:

– Не скажешь? Обещаешь?

Серега расхохотался и съехал по широким деревянным перилам.

– Так и быть! – прокричал он откуда-то снизу. – Только теперь тебя шантажировать буду! Бархатным кофе!

* * *

В жизни заложника есть, пожалуй, своя прелесть: никто не предлагает помыть посуду или вынести мусорное ведро. Наоборот, приглашают к уже накрытому столу, просят присаживаться и уговаривают не делать лишних телодвижений.

Кис позавтракал в компании странно молчаливых Майи и Вениамина. Лица их были то ли мрачны, то ли просто сосредоточенны.

Аль не выспались? Чем, интересно, ночью занимались, кроме разговоров? Кто и куда на машине ездил?

Ясно одно: Вениамин теперь полностью в курсе происшедшего. И, возможно, куда более полно, чем Кис. Впрочем, если он ее сообщник, то он в курсе уже давно...

– Надеюсь, вы хорошо спали? – поинтересовался Кис.

– А вам-то что? – хмуро спросила его Майя.

– Не грубите старшим, девушка. Если спали хорошо – то успокоились. Если успокоились – то в

состоянии соображать нормально. А если в состоянии соображать нормально – то очень быстро поймете, что свою функцию заложника я уже выполнил: вывел вас с телевидения и помог вам скрыться. Счет за услугу, так и быть, я вам выставить не буду, чего уж там, прогулялся в свое удовольствие под дулом пистолета, но предпочел бы откланяться незамедлительно. Был очень рад познакомиться, спасибо за гостеприимство.

– Это все? – хмыкнула Майя.

Кис кивнул. Вениамин невозмутимо убирал посуду со стола.

Выбраться с этой дачи было на самом деле более чем просто. Снять наручники запасным ключом, одним движением отобрать у этой шмакодявки пистолет, а хромоногий Веня вряд ли мог представлять для него угрозу. Но именно потому, что Алексей знал, что он может это сделать в любой момент, он не торопился, позволяя любопытству диктовать его поведение.

– Тогда слушайте, – прищурила глаза Майя. – Теперь я знаю, зачем вы мне нужны. Я с вами поступлю классически, как поступают с заложниками: попрошу за вас выкуп!

– У кого? – изумился Кис.

– У вашей подруги Касьяновой.

– Боитесь, что вам наследства окажется недостаточно?

– Ну что вы, наоборот, – любезно откликнулась Майя, – я, как положено жене богатого мужа, занимаюсь благотворительностью. И намерена исключительно поправить финансовое положение вашей подруги.

– Да оно у нее и так вполне... – Кис никак не мог понять, куда метит эта шельма, у которой даже глаза запылали зеленым огнем от удовольствия. – И каким же образом?

– Благодаря мне она заработает бешеные гонорары! Потому что она будет писать серию статей об этом убийстве! Редакционное расследование!

– Если вы не в курсе, Александра криминальной хроникой не занимается.

– Так займется, – пожала плечиком Майя. – Вы, кажется, забыли, что это в качестве выкупа за вашу драгоценную особу! Или она вами не дорожит? – ехидно добавила она.

– Вот как? – уселся поудобнее Кис. – А под угрозой чего? Вы меня убьете и в лесу закопаете? Ухо отрежете и ей пошлете, чтобы веселее репортажи писались?

– Вполне возможно...

– Или вы меня запрете в этом доме до конца моих дней?

– Тоже вариант.

Майя откинулась на спинку венского стула и весело, с вызовом смотрела на Алексея.

– Есть и другие? – догадался Кис.

– Есть.

– Например?

– Я вас соблазну. И уведу у Касьяновой, – вид у Майи был крайне довольный: видать, эта мысль ей очень нравилась.

– Типично женский ход, ничего не скажешь... А вам зачем?

– Как зачем? Чтоб веселее репортажи писались, как вы выразились!

– Ага... И вы, значит, собираетесь вот так прямо Александре и заявить: пиши статьи, а не то твоего мужика уведу?

– Пока не знаю, прямо я ей скажу или криво... Но я найду как, не беспокойтесь!

– Слушайте, Майя, а как насчет убиенного супруга? Вы вчера так рыдали, а сегодня готовы соблазнять незнакомых мужчин... Не слишком ли резво? Вам следовало бы подольше поиграть роль неутешной вдовы.

– Чтоб вы знали, я никогда не играю роли. Вчера мне было больно из-за смерти Марка, и я плакала. Сегодня у меня другое настроение и другие заботы: мне надо себя из беды выручать. Поверьте, это достаточно захватывающее занятие, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

– Себя, любимую?

– Именно. Я никого и никогда не любила так, как себя. И Марк это знал. Он принимал меня такой, как есть, и мою любовь в том объеме, в котором я могла ему дать.

– Это то, что вчера, на мой вопрос, любите ли вы вашего мужа, вы охарактеризовали словом «очень»?

– У каждого свои мерки.

– С этим трудно спорить... Вернемся к вашему «выкупу». Каким же образом, по-вашему, Александра будет вести «журналистское расследование»? Где она возьмет материал?

– Говорят, что Касьянова – хорошая журналистка. Вот пусть она это и докажет. Хороший журналист сумеет расколоть нужных людей. Но главным источником информации для нее будете вы. Вы начнете вести расследование, чтобы доказать, что я не убивала Марка. А ваша подруга Касьянова будет освещать ваше расследование в прессе. Только так я могу застраховать себя и от наших органов, и от убийц. Потому что вы их найдете.

Кис молчал. Вчерашняя мысль о том, что Майя позарез хочет прославиться любым способом, снова крутилась в голове. Надо же, ловко она придумала: и сыщика нашла, и прессу приспособила! Вот только вопрос: *когда* придумала? Этой ночью, которую провела с Веней в беседах? Кстати, кажется, слышались звуки поцелуев... Или снились?.. Когда придумала, вот в чем вопрос! Кто поручится, что это воздушное создание, которое так беззастенчиво любит себя, не придумало этот ход заранее, до того, как убить собственного мужа?

Откровенность, с которой Майя устранилась от выражения приличествующего случаю горя, поражало Алексея. Он знал только две категории людей: тех, которые страдают, и тех, которые страдания симулируют. А вот с такими, как Майя, он еще не сталкивался. Может, это какая-то неизвестная ему заковыка в менталитете нового поколения? У него чуть не двадцать лет разницы с этой девчонкой.... С этой наглой девчонкой, которая собралась шантажировать Сашу тем, что уведет его, Алексея! А у него она, козявка, спросила? Соблазнит она его, вы видели! Это мы еще посмотрим, нахалка малолетняя! Если, конечно, эта доморощенная Лолита не пошутила... Скорее всего, это лишь пустая бравада: и ее веселье, и ее дурацкие угрозы. Она провела, судя по всему, бессонную ночь, а теперь храбрится изо всех сил, строит из себя такую супер-пупер-героиню, раскованную сексуалку, как в каком-нибудь дурацком фильме, которые она наверняка смотрит пачками...

Он перевел взгляд на Вениамина. За весь их разговор с Майей он не обронил ни слова. Прибрав посуду, сел рядом с девчонкой и невозмутимо слушал ее бред. Вряд ли он ее любовник, она бы не стала при нем говорить, что соблазнит Алексея... Или он, как ее муж, согласен принимать ее чувства ровно в той

дозе, которую она готова ему отмерить? Не требуя большего? Смиренное обожание, сдобренное безнадежностью и оправданное простецкой философией «се ля ви» под маркой какого-нибудь буддизма? Веня ничем не выдал себя, ничем. Но Кис чувствовал, что Майя ему... Скажем так: Майя ему дорога. Как любимая женщина? Может, сестра? Племянница?

Кис никак не мог уловить, где истина. На каждое собственное сомнение у него были ответы как за, так и против. Ему позарез нужна была дополнительная информация, но, сидя на этой даче в наручниках, вряд ли он ее добудет...

– И как вы хотите, чтобы я вел следствие? В наручниках?

– Если мы с вами договоримся и я вам поверю, то мы их вам снимем.

– Чтобы вы мне поверили, нужно сначала, чтобы поверил вам я.

– Так поверьте, – дернула плечиком Майя. – Что вам мешает?

– Отсутствие информации.

– Как вы хотите ее получить?

– Во-первых, я должен знать побольше о вас. О вас обоих. И вы должны ответить на мои вопросы без истерик и соплей, я уже со вчерашнего сыт ими по горло. Во-вторых, мне нужна связь с одним моим другом, который уже наверняка располагает массой интересных сведений по вашему делу.

– Исключено. Никакой милиции.

– Тогда зачем вам я? Как вы вчера выразились, мент?

– Вы – частный детектив. Это не одно и то же, вы ни перед кем не отвечаете за результаты расследования. Разве что передо мной. Но у вас, по определению, не может быть желания во что бы то ни стало упечь меня в тюрьму и закрыть дело. У вас нет начальства, и вас не могут подкупить те, кто хочет меня устранить. Хотя бы по такой простой причине, что вы находитесь здесь, под нашим присмотром!

Алексей задумался. Милиции она боится. Это можно понять: убила ли она мужа или ее действительно подставили – пока в этом разберутся, она будет находиться под стражей, после чего совсем не факт, что ее отпустят: это уж как следствие повернется...

– Хорошо, тогда так: я буду держать связь с Александрой, а она станет получать всю нужную мне информацию от моего друга.

– Через Интернет, – сказал Вениамин. – И под моим контролем.

– Пожалуйста, – кивнул Кис. – Начнем?

* * *

Веня провел Алексея в подвал, где оборудовал себе кабинет. Это была большая комната без окон, с искусственным освещением, почти без мебели, если не считать компьютерных столов и металлических стоек с сейфообразными ящиками для бумаг. В кабинете находились два компьютера в сети со всем причитающимся арсеналом: сканнером, двумя принтерами, цветным и черно-белым, и модемом.

Алексей, получивший от обоих обещание добросовестно ответить на его вопросы, с Майей, однако, беседовать не торопился. Он не был готов услышать ее ответы, вернее, не был готов их оценить – у него пока не существовало никаких критериев для их анализа. Он намеревался сначала узнать побольше от Вени.

Но Веня оказался не слишком разговорчив. Кис выяснил, что Вениамину тридцать семь лет, что он

был головастым компьютерщиком, разработчиком сложных программ для крупных фирм на заказ, в связи с чем работал дома. Работа хорошо оплачивалась, Веня жил безбедно, со временем в придачу к городской квартире купил дом и перебрался сюда, на чистый воздух. Куда это «сюда», Кис так и не сумел узнать, место его нахождения держалось Веней в секрете. Из-за забора были видны только сосны, до Вениного жилья не доносились звуки человеческих голосов, только отдаленный шум редких машин и не менее отдаленный лай собак. Именно он и навел Алексея на мысль, что какое-то поселение находилось довольно близко. А учитывая наличие водопровода (ванная, туалет), телефона (Интернет), а также вполне приличной насыпной дороги, ведущей к дому – Кис слышал шуршание гравия под колесами, – населенный пункт должен быть относительно крупным, с дачками «новых русских», в котором все блага цивилизации имелись в наличии и откуда для Вениамина протянули коммуникации. Что должно было стоить баснословные деньги, и чем больше расстояние, тем баснословнее.

На вопрос Алексея о его отношениях с Майей Веня охотно и доверительно рассказал, что знает ее с детства, всегда обожал как младшую сестренку, защищал-опекал, добровольно отведя себе роль старшего брата. Поэтому неудивительно, добавил он гордо, что со своими бедами Майя всегда приходит только к нему.

– А беды есть? – ухватился Кис.

– Нет, – пояснил Вениамин, – то, что Майя считала бедами, являлось на самом деле крошечными проблемами: кто-то не так посмотрел или не так сказал, обещал и не сделал – обычные вещи, с которыми мы сталкиваемся ежедневно и давно воспринимаем философски; но эта девочка жизни не знает, так уж вышло, и ей каждый раз мелкий обман или колкое слово в новинку. Вот теперь у нее действительно беда, но это первый раз в жизни. Потому-то она так и растерялась.

– То есть, – решил уточнить Кис, – вы не любовники?

– Я вам уже сказал, – сухо ответил Веня. – Майя мне как сестра.

– Вы верите тому, что она рассказала?

Вениамин посмотрел на него удивленно: «Она никогда не врет».

На нескромный вопрос о причине его хромоты Веня пояснил коротко: с мотоцикла упал, и поторопился сменить тему, открыв текстовый редактор:

– Можете писать вашей подруге все, что хотите. Это письмо никто не перехватит, и никто не узнает его содержания. Кроме меня, разумеется. Вы пишете – я отправляю, получаю ответ и контролирую содержание переписки.

И, предложив Кису располагаться за компьютером, покинул его одного.

Главный разговор – с Майей – был еще впереди. И главной темой в главном разговоре – существующий якобы у нее компромат. Было бы отлично, если бы удалось до этого разговора выудить хоть какую-нибудь информацию у Сереге. О чем Кис и намеревался попросить Александру.

Алексей написал первую фразу: *«Солнышко мое, у меня действительно все в порядке, кроме того, что я по тебе страшно соскучился...»* – и задумался. Веня предупредил, что будет знать о содержании писем...

Кис зачеркнул сначала «солнышко мое» – он не умел быть нежным публично. Затем убрал всю фразу целиком. И написал новую: *«Сашенька, не волнуйся за меня. Мне придется побыть немного в доме...»*

Вычеркнул «в доме» – Веня предупредил, чтобы никакой информации о своем местонахождении он не передавал.

«Мне придется побыть немного с моей похитительницей, так сложились обстоятельства», – написал он новую фразу.

За его спиной вдруг раздался голос Майи – Кис, погруженный в сочинение таких вдруг непростых строчек, не услышал ее шагов.

– Ваша подруга будет ревновать.

– Вы не знаете Александру, – ответил Алексей, не обернувшись. – Она не ревнует никого и никогда. Вы не понимаете наших отношений, и будет лучше, если вы прекратите в них соваться.

– Ну-ну, – Майя хихикнула. – Дело ваше. Лично меня это вполне устраивает. А что это за «обстоятельства», которые вас удерживают тут?

– Ваш пистолет, – холодно ответил Кис. – Неприлично читать чужие письма, между прочим.

– И вы всерьез думаете, что я стану стрелять, если вы захотите сбежать?

– А вы так всерьез не думаете?

– Я? Не знаю. Узнаю только тогда, когда вы сделаете попытку.

– Вы уйдете отсюда или нет? Я не могу писать, когда вы стоите у меня за спиной и читаете!

– Не уйду. Веня уехал и велел мне вас стеречь, – сказала Майя, поигрывая пистолетом.

– Куда?

– За своей машиной. Он ночью пригнал мою, а свою оставил в Москве. А теперь за своей поехал.

– Где вы оставили вашу машину?

– В одном дворе... Там дома напротив телецентра, ну я и завела машину во двор. Повезло, что ее не угнали. У меня «Смарт»^[7]...

– Почему во дворе? Почему вы не поставили на стоянку возле телецентра?

– Да там никогда мест нет! А я торопилась... Бросила на первом попавшемся свободном месте. Вот Веня и поехал ее выручать. А теперь отправился за своей. Кроме того, он должен мне купить кое-какую одежду.

– Он знает ваши вкусы?

– Мы так давно дружим, что это неудивительно. Мы оба из Днепропетровска, жили в одном дворе. Веня с детства меня защищал и опекал... Он стал моим первым советчиком в выборе нарядов, его основная профессия – дизайнер, между прочим. Это он уже в последние годы переквалифицировался в программисты. Успешно, как видите. Веня вообще очень талантлив.

– *Дружите*, значит? – спросил с нажимом Кис.

– Ну... что-то типа того.

– Типа? Это как?

– Ну... – Майя замялась. – На самом деле Веня когда-то был в меня влюблен... Даже чуть жизнь не покончил самоубийством, из окна прыгал, ногу так сломал, что теперь хромает, – кость плохо срослась... Я до сих пор себя виноватой чувствую...

Вот тебе и мотоцикл, подумал Кис. Кто из них врет?

– Он ваш любовник? Бывший любовник?

– А вам-то что за дело, собственно? Это к убийству Марка не имеет никакого отношения! Занимайтесь

тем, что вам было поручено! Пишите вашей ненаглядной Касьяновой, чтобы начинала работать. Да поживее! А не то я ей напишу сама... Уверяю, что ни вам, ни ей мое письмо не понравится!

Кис разозлился. Он резко обернулся, выбил пистолет из ее руки и, вскочив со стула, ухватил нахалку двумя руками, скованными наручниками. Зажал под мышкой, как бандероль, прижав к боку так, что Майя зависла почти в горизонтальном положении над полом.

– Слушай, детка, – процедил сквозь зубы Алексей, – а я тебя уверяю, что свернуть тебе шейку мне ничего не стоит! И пистолет мне не мешает. И твой приятель – или кто он там тебе – тоже, ясно? И если я здесь нахожусь до сих пор, то это не из-за твоих щенячьих угроз, а потому что я сам так решил!

– Да? – сказала Майя, болтая ногами в воздухе. – И почему же вы так решили? Я вам понравилась? Вам не хочется со мной расставаться?

Кис плюхнул ее на пол. Майя поднялась с лучезарным видом, подобрала пистолет, навела его на Киса и нежно проговорила:

– Мне тоже было бы жалко, если бы вы вдруг покинули нашу маленькую компанию. Пожалуй, в следующий раз я все же буду стрелять.

...«Сашенька, родная, за меня не волнуйся. Все будет в порядке. Мне нужна информация об этой истории, узнай у Сереги максимум и передай на этот адрес. Больше ничего добавить не могу, мои письма под контролем».

Веня вернулся только к вечеру. Некоторое время они шептались о чем-то с Майей в прихожей, затем разговор явственно перешел в спор, и Майя резко вошла в гостиную, где Кис устроился в кресле с одной из Вениных книг. Веня возник следом, пытаясь ухватить Майю за локоть, но она только отмахнулась, прошипев:

– Пусти! Алексей Андреевич, у меня к вам вопрос! – звонко произнесла она жизнерадостным пионерским голосом. – Как к специалисту! Дело в том, что, пока Веня находился в своей городской квартире, его навестила милиция. И полюбопытствовала, что ему известно о моем местонахождении. Разумеется, Веничка, как верный друг и товарищ, заявил, что он ни сном ни духом, знать не знает и ведать не ведает. Телевизор не смотрит и даже не слышал о подобном происшествии. Как вы думаете, может ли милиция явиться сюда? Мы вот с Веней поспорили: он говорит, что надо делать ноги, а я считаю, что никто сюда не явится, по крайней мере в ближайшее время. Рассудите нас, Алексей Андреевич!

– Откуда вам известно мое отчество?

– Так ведь вас Усачев по отчеству величал! – удивилась Майя. – Я слышала, пока спускалась в студию... Так как?

– Думаю, что некоторое время у нас... у вас, – поправился он, недовольный тем, что уже объединил себя со своей похитительницей, – у вас есть. Если, конечно, Веня выглядел достаточно убедительно.

Майя улыбнулась и погладила Веню по плечу.

– Конечно же, убедительно, на Веню можно всегда и во всем положиться!

Веня довольно засиял. Разве только хвостом не завивал по причине его отсутствия.

– А куда вы это собрались «делать ноги»? – поинтересовался детектив. – У вас есть запасные варианты?

Веня посмотрел на Майю, Майя посмотрела на Веню.

– Нет у нас запасных вариантов. Но зато у нас есть несколько дней, если верить вашим словам... И детектив, который сумеет распутать это дело, если верить словам Усачева!

* * *

Ночью Майя возникла в дверях. Кис не спал, лежа на кровати одетым, с пристегнутой рукой, перемалывая в уме всю полученную за последнее время информацию.

Он не сразу понял, что это такое молча стоит на пороге его комнаты, – какой-то плюшевый медведь, увеличившийся вдруг до человеческих размеров. Потом дошло: на Майе был большой темный – кажется, коричневый – махровый халат, видимо, Венин, в котором она совершенно утонула.

Алексей прикинулся спящим.

– Вам, наверное, неудобно спать пристегнутым? – тихо спросила она, то ли на всякий случай, то ли не поверила, что он спит.

Кис помедлил, но все же ответил:

– Ничего, сойдет.

– Вы даже не разделись.

– С наручниками сложновато.

– Хотите, я вам помогу?

– Благодарю, не стоит.

– Может, вас расстегнуть?

– Расстегните.

– А вы не сбежите?

– Нет.

– Почему?

– У меня нет такой привычки. Когда я ухожу, я предупреждаю.

– А где гарантии, что так оно и будет?

– Нигде.

– Тогда я вас не расстегну.

– Как хотите.

Она подошла к кровати. Села на краешек. Наклонилась над ним, разглядывая в темноте его лицо.

– Вы мне не верите? – прошептала она.

– Не знаю.

– Я не убивала Марка.

Она потянулась к его груди и просунула два пальца под застежку рубашки. Пошевелила ими и расстегнула пуговицу.

– Речь шла, насколько я понял, о наручниках, а не о пуговицах.

– Вы неправильно поняли, – ответила Майя и расстегнула еще одну пуговицу.

Потом еще одну.

Потом все.

Кис молчал. Он растерялся.

Она прикоснулась губами к его ключице.

– Майя... – проговорил он тихо, – если вы думаете, что это аргумент, который поможет вам убедить меня в вашей невинности, то напрасно...

– Вы мне нравитесь, – сказала она, подняв на секунду голову и снова опустила ее. На этот раз он ощутил прикосновение нежного языка к своей коже.

Положение было совершенно идиотским. Одна рука пристегнута к изголовью кровати, другая свободна, но... Что ей делать? Ударить девчонку? Как-то некрасиво, право... Отпихнуть, оттолкнуть?

Алексей никак не видел себя в роли оскорбленной невинности. Не по-мужски это – отпихивать женщину, которая тебя целует... Даже если она это делает против твоей воли.

Но как следовало себя повести, он совершенно не представлял. Он не хотел ее ласк, ему не нравились эти провокации. И потом, Александра... Он любил ее, он хотел ее, и ему не нужна была никакая другая женщина.

Так и не придумав, что делать со свободной рукой, Алексей закинул ее за голову.

Майя гладила его грудь, время от времени прикасаясь осторожным, будто пыталась распробовать Алексея на вкус, поцелуем. Ее волосы свесились над ним, щекоча его кожу и обдавая ароматом духов. «So pretty», вспомнил он название. Эта паршивка была действительно pretty...

Пока Кис мучился в выборе своей линии поведения, в дверях – явление номер два – возник Веня. И молча уставился на открывшуюся ему сцену.

– Там друг ваш, Веня, – сообщил Кис не без злорадства, – беспокоится, куда это вы пропали.

Майя подняла лицо и удивленно посмотрела на Веню, без всякого, однако, смущения.

– У тебя все в порядке? – глухо проговорил «старший брат».

– Да, Веничка, – нежно прожурчала Майя, – не волнуйся. Мы тут просто беседуем.

Ого-го, да тут интересные вещи происходят! Уж не ревнует ли «старший брат» «сестричку»? Любопытно. «Сестричка» меж тем ничуть не сконфузилась, только головкой чуть дернула, хотя поза ее была весьма красноречива. И спокойненько так Вене сообщила, что они беседуют, хотя Веня прекрасно видел, как именно...

– Правда, Алеша? – добавила Майя.

Эти слова хлестанули его.

По невесть каким причинам сложилось так, что друзья его звали Кис, люди посторонние – Алексей, а то и по отчеству, Алексей Андреевич, а Алешей его звала одна Александра... И надо же, эта мышь рыжая туда же! Какой он ей, к черту, «Алеша»!

– Послушайте, милая девушка, шли бы вы баиньки, – раздраженно буркнул он.

Майя откинулась, проведя рукой, будто бы нечаянно, в районе ширинки. Проверяет реакцию на свои поцелуи? К счастью, если она и была, то уже исчезла при слове «Алеша».

– Почему ты меня называешь «милой девушкой»? Что значит – «милая»? Так к горничным

обращаются! – надула губки Майя.

Та-ак, они уже оказались на «ты». Интересно. Днем он, правда, сгоряча ей тыкал, держа под мышкой, но то было злое «ты», а не интимное, как сейчас.

– К старшим надо на «вы» обращаться, – сказал Кис сухим воспитательным голосом.

– Я всегда на «ты» с теми, с кем занимаюсь любовью, – пожала плечами Майя. – Веня, ну что ты стоишь? Иди ложись, тебе говорю. Я скоро приду.

Куда она придет? К Вене в койку? Черт знает что тут творится! Если Веня – «старший брат», то это называется – инцест...

– Я с вами не спал, – сказал он так же холодно, намеренно заменив выражение «заниматься любовью» на циничное «спать».

– Так будете!

Майя вновь коснулась поцелуем его груди, прихватив попутно легонько зубами сосок, и поднялась.

– Ты еще тут? – обратилась она к Вене, замершему, как Каменный гость, на пороге комнаты. – Пойдем, видишь, я же сказала, что скоро приду...

Она покинула его комнату, не обернувшись.

Место укуса еще долго горело на груди Алексея. Он так и не заснул в эту ночь.

* * *

...Он так и не заснул в эту ночь. Он выждал, пока затихли шорохи в доме, расстегнул наручник и приоткрыл дверь своей комнаты. В доме было несколько помещений. Входная дверь с крыльца вела в просторные сени, в которых было три двери: слева, справа и прямо. Правая таила за собой лестницу в подвал: именно там был оборудован кабинет. За левой находились ванная и туалет, совмещенный санузел, немыслимый люкс для деревенского жителя. Прямо была дверь в гостиную. Из гостиной четыре двери, по две с каждой стороны, вели в кухню и три комнаты. Одну занимал Алексей, и сейчас он был намерен выяснить, как расположились остальные.

Гостиная была пуста. Лунный свет высвечивал кресла и упирался в бочку-бар. В углу стояла клюка Вени. Через спинку одного из кресел был небрежно перекинут Майин пиджачок, поверх которого свисал тот самый душистый шарфик, в тонком шелке путался лунный луч. Алексей прокрался к первой двери и прислушался. Тихо. Ко второй: тихо. Чтобы выяснить диспозицию, оставалось только одно средство: открыть хотя бы одну из дверей. Кис осторожно нажал на ручку первой: в образовавшемся проеме был виден спящий Вениамин, который, словно почувствовав потревоживший его взгляд детектива, недовольно всхрапнул. Вроде бы Веня один в постели...

Кис все же решил заглянуть во вторую комнату: может, эта мелочь, Майя, просто не видна за Венией? Он направился к следующей двери и вдруг напрягся: до него донеслось едва слышное шлепанье босых ног. Кис быстро и бесшумно спрятался за креслом.

Майя, совершенно нагая, вышла из комнаты и, просияв белым телом в лунном луче, пересекла гостиную в направлении туалета. Не дойдя, она свернула, приблизилась на цыпочках к двери, ведущей в комнату Алексея, и прислушалась. Естественно, в комнате стояла тишина. Майя, помедлив, пошла к туалету.

Как только она в нем скрылась, Кис тихонько пробрался к себе. Он быстро залез под одеяло и, едва протянул руку, чтобы застегнуть наручник, как дверь приоткрылась и Майина мордочка сунулась в проем.

Кис оставил руку вытянутой, авось в темноте не разглядит, что наручник не надет.

Должно быть, она не заметила. Через пару минут, в течение которых Кис старательно изображал беспробудный сон – от усердия даже похрапывал, – дверь благополучно закрылась.

Итак, перевернулся на спину после ее ухода Алексей, что мы имеем? Майя не спит с Веней. Точнее, Майя *сегодня* не спит с Веней. Может, спала вчера или будет спать завтра... Было бы естественно предположить, что на второй день после убийства любимого мужа безутешная вдова не станет прыгать в постель к другому мужчине, даже если этот мужчина ее любовник...

Было бы, конечно, естественно, да, – но только не с Майей. Эта вдова вовсе не была безутешной. Веня – не Веня, но к Алексею-то она явно клеилась! Какого черта? Что ей понадобилось от него? Нимфоманка с повышенной сексуальной возбудимостью? Кокетка, множащая свои победы и способная кончить только оттого, что внесла еще одно имя – нет, еще одно тело – в свой список? Из тех, у которых тщеславие – самая эrogenная зона? Или она и впрямь решила таким образом расположить детектива к себе и завербовать его в союзники?

Из всех возможных объяснений Алексей исключал лишь одно: что Майя могла вот так с места в карьер им увлечься. Он никогда не был сердцеедом и соблазнителем, в его взгляде никогда не теплилось обещание-понимание, как, например, у Сереги. Вот Серега это умел: смотрел так ласково, словно еще чуть-чуть, и обнимет. И поцелует. И все остальное тоже непременно сделает. Почему-то на женщин это действовало безотказно. От него словно лучи исходили, такие нежные, такие теплые сексуальные лучи, которые кидали в объятия коварного Сереги практически всех, что попадали в периферию его зрения. Проблемы начинались потом, когда выяснялось, что лучи обманчивы и ничего, кроме этой эфемерной субстанции, Серега давать своей новой подруге не намерен.

Но Алексей был совсем не таков и хорошо осознавал это. Если он к чему и располагал, то скорее к доверительности, к дружбе, а вовсе не к страсти. У него была тьма-тьмущая таких подружек, чужих жен и любовниц, приходивших плакаться в его жилетку и твердивших о его замечательной душе. Если дамы иногда и покушались на его тело, то в основном ведомые желанием отомстить своим мужьям или любовникам – как раз из той разновидности, к которой принадлежал Серега, – и немного забыться. «Ты такой славный», – говорили они с некоторым сожалением, многозначительно беря его руку и заглядывая в глаза, но Кис слышал недосказанное: «...вот только я почему-то люблю не тебя, а моего мерзавца...»

Таких далеко заходящих утешительных акций Алексей, как правило, избегал и деликатно спроваживал подружек обратно к их мужчинам.

Была, разумеется, и другая категория – у какого холостяка ее нет! – одиноких женщин, пытавшихся устроить свою личную жизнь. Но Алексей свою личную жизнь устраивать не собирался: развод напрочь отбил охоту. После того как он узнал, что жена изменяла ему с его лучшим другом и при этом оба честно смотрели Алексею в глаза в течение почти года, – ряды его друзей сильно поубавились, а на женитьбу развилась стойкая аллергия. К тому же он чувствовал: одинокие женщины желали приобрести мужа вообще. Не его, Алексея Кисанова, – а просто заполнить пустующую вакансию мужа, кем бы он ни оказался.

Александра... Каким-то невероятным образом вышло так, что она, самая желанная и самая недоступная, неожиданно оказалась первой и единственной в его жизни женщиной, которая хотела именно его. О чем она ему прямо так и заявила – Александра считала, что слово «хочу» всегда говорит правду, а слово «люблю» – всегда лжет...

Сначала он ей не поверил. Он отказался. Он слишком привык к роли палочки-выручалочки, которую ему навязывали, когда другого мужика, которого действительно *хотят*, почему-либо под рукой нет. Потом

сдал позиции, не потому, что поверил, а потому, что любил. И вот тогда-то он понял, что она сказала правду...

То, что у них было, не могло называться словом «секс», оно было слишком ничтожно, это слово, слишком примитивно; то, что у них было, не могло называться словом «любовь» – Александра ввела цензуру на это слово, она слову не верила.

То, что у них было, не имело названия. И оттого было еще прекрасней...

...Так какого черта эта девчонка к нему пристаёт?

* * *

Утро встретило Киса неожиданностью: на стуле возле его кровати лежало три пары новых мужских трусов – не так давно Александра подарила ему точно такие, они назывались «боксер». Это были трусы-шортики в обтяжку («в обнимку», – говорила Саша) черного, серого и темно-синего цвета. Более того, под трусами оказалась еще и упаковка импортных носков.

– Это вам, – улыбнулась ему Майя, явившись отстегивать наручник.

Кис было вскинулся – что, мол, за подарки такие интимные, он их принимать не собирается! – как Майя добавила:

– Не можете же вы ходить в одном и том же белье все время!

И его аргумент испарился сам собой. Он только буркнул:

– Спасибо за предусмотрительность. Можете в таком случае и костюмчик новый купить. С ботинками.

Наскоро позавтракав кофе с бутербродом, Алексей спустился с Веней к компьютеру.

Веня, проделав ряд неуловимых в своей быстроте манипуляций, вышел на какой-то скромный, блеклый англоязычный сайт. На Венин адрес пришло несколько писем, среди них ответ от Александры:

«Надо понимать, что тебя охраняет свирепый отряд бандитов с автоматами, иначе ты был бы уже дома».

Кис не понял его интонацию. То есть он, конечно, почувал упрек и сухость тона, но вот чего он не понял – так это почему. Александра всегда была столь невозмутима, она никогда ни в чем его не упрекала, это было просто не из ее арсенала...

«Сашенька, прости, не могу написать ничего конкретного, мои послания прочитываются. Поверь, никакой опасности для меня нет, но я пока не могу вернуться. Я должен разобраться в этой истории...»

Вот наказание! Слова все какие-то фальшивые... Но как объяснить Саше, что азарт захлестнул его с головой? Как объяснить ей то состояние, которое Ванька называл «Кис в сапогах», когда семимильные сапоги сами несут его в направлении загадок и он уже не властен над собой, он уже сладострастно вгрызается зубами в сочную плоть тайны и не сможет остановиться, пока не оглодает ее до скелета простой и ясной схемы преступления?

«...но для этого мне нужна твоя помощь в передаче информации. Думаю, что ты уже встречалась с Петровичем и можешь мне пересказать, что у него есть в заглавнике. Ему скажи, что все путем, пусть не дергается. Надеюсь, что я тоже сумею принести ему кое-что в зубах. Жду, целую, скучаю...»

Алексей позвал Веню, который тут же отправил письмо. Ответ от Саши пришел невероятно быстро,

как будто она сидела у компьютера и ждала его послания. Он гласил: «Стокгольмский синдром?»»

– Что это? – спросил Веня. – Шифр?

– Не знаю, – честно ответил Алексей.

– Если это шифр, то я перекрою вашу переписку, – сурово заявил Веня.

– Да ради бога, – раздраженно откликнулся детектив, – я вам в сыщики не набивался!

Компьютер снова пикнул, сообщая о получении письма, и на этот раз текст его гласил:

«Не обращай внимания, Алеша, я просто неудачно пошутила. За меня не волнуйся, я вовсе не беспокоюсь, ты знаешь, что я всегда с уважением отношусь к твоим делам, и раз ты находишься до сих пор вместе с этой девушкой – значит, так нужно. Вот тебе все, что к данному моменту удалось узнать...»

Далее шла информация, которую Саша получила от Сереги.

Цензор и цербер Веня милостиво согласился распечатать текст, и Кис, забрав его с собой, направился к себе в комнату, чтобы перечитать и вдуматься в каждую строчку.

А Вениамин, как только детектив покинул подвальный кабинет, вышел на Интернет и набрал словосочетание «Стокгольмский синдром». После чего он распечатал найденный текст и понес его Майе.

Майя, прочитав, загадочно улыбнулась.

Ее улыбке могла бы позавидовать сама Мона Лиза.

Кис был доволен: не подвела его интуиция! Соврала девчонка, соврала. Мужа ее застрелили из «макарова», который она унесла с места убийства, прихватив с собой; однако на телевидение явилась с «вальтером». И проскочила через металлодетектор. Желających доказать, что все это случайно, просим пройти вперед. Да только напрасный труд, все Кису яснее ясного: акция была запланированной и продуманной. Если бы и впрямь сдуру, с истерики, – девчонка поперлась бы с «макаровым» прямо в объятия умного аппарата. Ан нет – она знала, что с «макаровым» на телевидение не пройти, и явилась с другим пистолетом. Как его протащила – другой вопрос. Или не протащила, а заранее припрятала где-то в недрах Останкина. Может, даже у той самой подруги Ситниковой, в редакторском столе...

Что ж, отлично: теперь ему есть о чем поговорить с Майей.

Алексей позвал ее через окно: Майя паслась у грядки с клубникой, выставив хорошенький задик, обтянутый в простые джинсовые шорты (впрочем, «простые» шорты стоили явно непростых денег) – должно быть, одна из вчерашних Вениных покупок. Золотистые волосы были собраны в два пышных хвоста по бокам, легкая короткая маечка на бретельках, по размеру похожая больше на лифчик, прикрывала верх. Впрочем, шорты тоже больше напоминали трусы, чем верхнюю одежду, открывая нижние полукружья ягодиц. Услышав Алексея, она распрямилась и лучезарно улыбнулась:

– Клубники хотите?

– Хочу, – буркнул Алексей, глядя на ее измазанные красным соком губы. Интересно, она нарочно выставила попку? Или просто увлеклась сбором клубники?

Майя внесла тарелку с ягодами, поставила перед Алексеем.

– Я их не мыла, – сообщила она, – у Вени здесь все, – она обвела рукой пространство, – экологически чистый продукт!

– Сядьте. О продуктах потом.

Майя уселась, закинула голую, едва тронутую нежно-золотистым загаром ногу на ногу.

– Пока что поговорим об оружии. Вы сказали, что вашего мужа застрелили из того же самого пистолета...

– ...который я приставила к вашему виску, – подхватила Майя.

И не успел Кис со всей суровостью уличить ее во лжи, как она добавила с ясной улыбкой:

– Я вас обманула. Марка застрелили из «макарова». С глушителем. Он лежит у меня в машине.

– И... Зачем вам понадобилось меня обманывать? – Кис несколько растерялся от неожиданного поворота разговора.

– Так ведь я вас взяла в заложники! Под дулом пистолета! Не могла же я вам признаться, что пистолет мой, «вальтер», всего-навсего муляж! Вы бы тут же сбежали, – ехидно усмехнулась она.

– Муляж? – изумился Кис. – Почему муляж?

– Интересный вы, право. Неужто я могла бы пройти на телевидение с настоящим оружием? Как вы проницательно заметили, там стоит металлодетектор на входе!

– Иными словами, – холодно заключил Кис, – к походу на телевидение вы подготовились основательно. И в очередной раз солгали мне, заверив, что все вышло случайно, «от отчаяния»!

– До чего же вы подозрительны... Это профессиональное? – полюбопытствовала Майя.

Но Кис не ответил, строго глядя на нее. Единоборство взглядов длилось некоторое время в полном молчании. Майя сдалась первой, ее улыбка погасла, и она сухо пояснила:

– Я давно заказала муляж, в целях личной безопасности. Марик собирался купить мне настоящий пистолет и сделать на него разрешение. Я даже стала учиться стрелять, я вам вчера говорила. Но пока не очень получается. Я оружие не люблю.

– Что значит «в целях личной безопасности»?

– Эта точная копия «вальтера» всегда лежит в моей сумочке. Я специально выбрала карманную модель, чтобы пистолет в сумочку влез. И если что – я могу его вытащить. Никто не догадается, что это всего лишь игрушка...

– Женщины обычно «в целях личной безопасности» носят баллончик со слезоточивым газом!

– Ну вы что, совсем ничего не понимаете? Ведь баллончик – это когда уже к вам подошли! Уже приблизились, уже хватают за руки и прочие места... А пистолет – он удержит на расстоянии, он не подпустит человека с дурными намерениями!

– Зато легко спровоцирует выстрел со стороны «человека с дурными намерениями». Раз вы вооружены – то к вам и отношение другое.

– Послушайте, я же не в бандитских разборках участвую! Мне нужно на случай, если вдруг какая пьянь-дрянь пристанет! Знаете, как мне пришло это в голову? Один из наших знакомых, большой ценитель оружия, заказал себе муляж, точную копию какого-то испанского пистолета редкой марки. И вечно его всем показывал, хвастался. Коллекционеры, они же ненормальные! Так вот, возвращался он как-то из гостей, предмет его гордости был с собой. И тут наш знакомый увидел, как какой-то мужик силой запикивает женщину в машину. Он, недолго думая, выхватил свой муляж, навел на машину и – остановил бандита! А потом милиции сдал, которую по мобильному вызвал. Эта история и навела меня на мысль, что было бы неплохо обзавестись подобной штукой. Я не люблю ездить с охраной, но одной, признаться, тоже беспокойно... Так я и заказала мой «вальтер». Выбрала по энциклопедии карманную модель... И с тех пор

он всегда со мной. Он из пластика, но с виду не отличишь. Когда на телевидении милиция направилась ко мне, я о нем вспомнила и о той истории со знакомым вспомнила... Вы уж меня извините, господин детектив, но я вас захватила в плен игрушкой.

Кис подавленно молчал. Он был почти уверен, что на сей раз Майя сказала правду. Она и впрямь взяла его игрушкой, она их всех взяла игрушкой... Как младенцев, как полных идиотов. Признаться, в этом было что-то оскорбительное. Мало того что «писюха с пистолетом» – так еще и «писюха с игрушкой». Сделала она их всех, эта девчонка, уделала, как полных лохов.

– Покажите мне «вальтер».

Майя принесла и подала ему «пистолет», с усмешкой наблюдая за лицом детектива. Кис взвесил в руке, внимательно рассмотрел. Муляж.

– Только не забудьте, что у меня теперь есть настоящий «макаров», – ослепительно улыбнулась ему Майя. – Так что не вздумайте затеять побег.

– Как давно вы заказали эту штуковину?

– Да уж скоро год как будет.

– Вы понимаете, что я эту информацию проверю?

– Сделайте одолжение.

– Сделаю. А пока расскажите о вашем компромате.

– Надо думать, что я больше не выступаю в качестве подозреваемой?

– С чего вы взяли?

– Мне так показалось.

– Вы ошиблись. Пока я просто допускаю, что вы сказали правду. И с тем же успехом допускаю, что вы в очередной раз солгали.

– Я не убивала Марка.

– Не стоит труда, девушка. Либо я это докажу – либо я докажу обратное. Ваши слова ничего не значат. Редко бывает, чтобы преступник взял да сообщил: «Я – это я, берите меня тепленьким»... Давайте ближе к делу. Если вы и впрямь не убивали, то тогда мне нужно понять, в каком направлении искать убийцу. Поэтому выкладывайте все о вашем компромате.

– Не могу. Это секретная информация.

– Тогда до свидания. Я пошел домой.

Он встал. Еще бы секунда, и он бы демонстративно вытащил ключик от наручников, расстегнул бы их прямо перед Майей, дал бы в зубы Вене, если б тот попался на дороге, и...

– Сядьте! – властно прикрикнула на него Майя.

Алексей удивленно поднял брови: она им командует?

– Я неправильно выразилась, – мягче добавила она. – Я очень мало знаю на самом деле. Я пыталась узнать побольше и, видимо, засветилась. Но скоро я буду располагать серьезной информацией, уверяю вас! Я жду сообщения от одного человека, который обещал мне достать видеозаписи и копии документов. За бешеные бабки, разумеется.

– А что, если вы начнете сначала?

– Хорошо, – улыбнулась Майя. – У меня есть подружка, Алена, она вечно повторяет, что у меня неструктурированное мышление... Она права, да? Вы это тоже заметили? Ну, я постараюсь по порядку... Итак, дело было у нас дома. Марк собрал очень большую компанию, примерно четыре месяца назад, на свой день рождения. Было человек пятьдесят, наверное. У нас дом большой, комнат много: столовая, гостиная, кабинет, бильярдная, комната-кинотеатр... После застолья народ разбрелся по углам. Я пошла наверх, в спальню, сменить одежду и поправить макияж. Спускаясь, нечаянно услышала разговор в кабинете – лестница наверх как раз рядом. Речь шла о каких-то поставках, я сначала не поняла чего. Потом вдруг до меня дошло, что говорили о женщинах. Что две из них сбежали и обратились в полицию Брюсселя, в связи с чем возникли проблемы. Я замерла на ступеньках, встав так, чтобы меня не было видно за поворотом лестницы. Стало немного хуже слышно, но я боялась, что кто-нибудь меня заметит... Потом заговорили про «дурь». «Дурь» – это ведь наркотики, да? Вот я так и подумала... Тоже какие-то партии, которые куда-то бесследно делись, и какого-то Фомича надо за это наказать... По разговорам у меня сложилось впечатление, что эти двое – всего лишь исполнители, пешки, хотя и крупные. Что-то вроде посредников, передаточных звеньев. За ними – точнее, над ними – кто-то другой стоит. Они упоминали одну фамилию... Возможно, это просто однофамилец, но человек с такой фамилией работает в Администрации президента.

Потом эти двое совсем сменили тему, и я спустилась по лестнице не прячась. Мужчины меня заметили, заулыбались, я тоже, разумеется. Одного я узнала: он работает в правительстве Москвы. Второй мне был незнаком. Остаток вечера я делала над собой усилие, чтобы ничем не выдать моего особого интереса к этим двоим. Спросила у Марка, кто этот второй: он оказался крупным бизнесменом, с ним Марк много сотрудничал, и о нем я была наслышана...

Этот разговор не выходил у меня из головы. Примерно пару недель спустя в новостях передали об убийстве некоего наркокурьера. Его фамилия была Фомичев... Я вспомнила разговор: «Фомича надо наказать»... Все это очень зыбко, как вы понимаете, я делала сближения между словами и фактами почти вслепую, наобум, они могли не иметь ничего общего между собой... Но у меня разыгрался азарт, понимаете?

О, Кис понимал – все, что касалось азарта, он понимал самой своей плотью!

Он слегка кивнул в ответ Майе.

– Так вот, – продолжила она, – на главные действующие фигуры, как сообщалось в прессе, милиции выйти «пока» не удалось. И у меня появилось ощущение, что я держу – ну, почти держу – в руках ниточки, которые могут вывести именно на этих лиц! Я стала потихоньку интересоваться. То у Марка спрошу что-нибудь, то у наших друзей... Придумала, что хочу заняться всерьез журналистикой, что пытаюсь разобраться в бизнесе... В этой среде, если вы не знаете, говорят совершенно спокойно о нелегальном бизнесе, о сокрытии налогов – даже хвастаются друг перед другом, кто ловчее одурачил государство! – о взятках и подмазках, о способах перевести деньги за границу... Конечно, никто вам не скажет прямо: я продаю, к примеру, оружие. Просто скажут: ну а как же без него-то, без нелегального! Деньги-то надо зарабатывать! Подождите меня, – вдруг перебила Майя свой рассказ, – я сейчас.

Кис подумал, что девушке понадобилось в туалет, но Майя возникла в комнате через пять минут с новой тарелкой клубники.

– Угощайтесь, – поставила она ее перед Алексеем. – Я вам скажу одну вещь: вообще-то я человек совершенно беспринципный. Но тут меня разобрало! Если бы девчонки шли в бордели по собственному желанию – так вперед, красавицы, «пускай поет о вас страна»! Но их туда отправляют обманом и насилием! А наркотиками травят безмозглых детей! И это мне совсем не нравится. Тут я и подумала: я же журналистка – вот он, шанс, сделать громкий материал! Дома сидеть и ничего не делать прискучило,

подружки мои, сокурсницы бывшие, все где-то как-то устроились, а я одна сижу дома, вышиваю... Для начала стала интересоваться теми двумя, чей разговор я подслушала. Тот факт, что у них есть нелегальный бизнес, мне подтвердили. Какой – никто не сказал. Тогда я стала копать: решила найти такого человека, который бы сам в этих делах не был замешан, но осведомлен. Тут ведь вот как: кто не с нами, тот против нас. Подобный человек мог бы с удовольствием их заложить, конечно, если будет уверен, что я его не выдам. И я такого человека нашла. Вам я его не назову: обещание есть обещание. Он похож на одного французского актера, Тьерри Лермит, знаете? Так вот, назовем его Лермит. Пришлось глазки состроить и туманно намекнуть, что отблагодарю... Они бы все в очередь встали, кобели, если бы я их поманила! Этот – не исключение... Так что рад был услужить. Сам он мне много не рассказал, но обещал, что сведет с одним знающим типом. И свел. Тип этот, Бориска, скажу я вам, тот еще: глазки бегают, весь какой-то масляный...

– Фамилия у «Бориска» есть?

– Шутите? Боря, и все тут. Так вот, цену он заломил непотребную... Я пыталась торговаться, объяснила, что у меня такой суммы нет, а попросить у мужа я не могу, он ничего не знает о моих расследованиях. «Под мужа копаешь?» – ухмыльнулся Бориска. Я ведь тоже явилась инкогнито, Майя и Майя, без фамилии и адреса. Кто мой муж, какие у меня с ним отношения, Бориска знать не мог, но, как вам известно, люди судят о других в меру своей испорченности...

Бориска не желал уступать в цене. Переговоры зависли. Мне очень хотелось заполучить информацию, которую пообещал этот хряк. Он заверил меня, что может достать кассеты, что у него есть специалисты, которые сумеют записать любые разговоры в интересующем доме и на видеопленку, и на магнитофон... Я еще подумала, что я, может, тоже сумела бы – в конце концов, я ведь вхожа во все или почти все эти дома... Но где мне достать оборудование? Решила поразмыслить на эту тему...

И тут как раз эта записка: «Когда комар пищит, его прихлопывают». Как они узнали? Кто меня заложил? Бориска? Или этот, Лермит?

Скажу вам честно: я испугалась. Если ни на кого положиться нельзя, то лучше сидеть тихо. А то заказные убийства могут начаться и в моем доме... Лермиту я поклялась его никому не выдавать и не выдала, более того, я ему дала понять, что отблагодарю, – а он меня заложил? Или Бориска, которому я посулила безумные деньги? Больше некому было. Никто больше не знал...

– Вы уверены?

– Конечно.

– Что конкретно обещал вам Бориска?

– Как что? Доказательства! Я просила доказательства нелегального бизнеса – он взялся добыть. Сказал, что достанет видеокассеты с переговорами и в придачу постарается снять копии с некоторых документов. За отдельную плату, разумеется, этот жиртрест своего не упустит.

– Ваш муж ничего не заподозрил?

– Нет. То есть я и не скрывала, что интересуюсь бизнесом, я ведь ему первому сказала, что хочу взяться за журналистику. Но он отнесся скептически, предложил мне писать в женские журналы и даже договорился, что там напечатают любые мои материалы. Я, чтобы с ним не спорить, написала четыре небольших репортажа о разных женских глупостях, макияж там, прически, мода... – Майя дернула пренебрежительно плечиком.

Кису показалось что-то неестественное в этом жесте: «разные женские глупости» были явно ее стихией. Чего ж плечиком-то дергать? Снова зашевелилось недоверие. Впрочем, это, наверное, и есть то, что называют «женской логикой»...

– Вы не думаете, что ваш муж мог быть связан с этим бизнесом?

– Исключено. У него шел лес, стройматериалы. Ничего общего.

– Предположим... И на чем вы остановились с Бориской?

– Я все-таки решилась. Страшно-то страшно, но попади подобные материалы в мои руки – они тоже могли бы меня защитить, стать гарантией моей безопасности! Кроме того, я пришла к выводу, что даже если утечка информации о моем расследовании произошла, то никак не через Бориску. Он профессиональный компроматчик и, подозреваю, шантажист – такие умеют держать язык за зубами, когда надо... В результате согласилась на его цену. Как только он достанет материалы, он даст мне знать.

– И где вы нашли деньги, чтобы ему заплатить?

– У меня есть двоюродный брат, Лазарь. Я его Кузей зову, от слова «кузен». Он очень известный актер, красавчик и гей. Он, между прочим, тоже вхож в эти круги, его любят принимать у себя все деляги с нетрадиционной половой ориентацией. Впрочем, с традиционной тоже часто зовут: им льстит дружба с известным актером, и они рады ему прилично заплатить, только чтобы за столом посидел, ужрался и сделал вид, что он с хозяином дома на «ты». Вроде «свадебного генерала» у Чехова, помните? Вот-вот, тот же случай... Вот у Кузи я деньги и одолжила, чтобы заплатить этому гадкому Бориске.

– Следовательно, вы посвятили вашего кузена в эту историю?

– Вовсе нет! Я денег попросила, но зачем, не сказала!

– И он вам дал? Просто так, без малейшего вопроса?

– Именно. Лазарь-Кузя меня очень любит.

– А этот, Термит, он...

– Лермит.

– Ну да, Лермит, – он знал о вашем договоре с Бориской?

– Нет. С момента, как он меня свел с этим боровом, я его в дальнейшем не посвящала.

– Отблагодарили?

– Все еще ждет, – хмуро посмотрела на него Майя. – И долго будет ждать. Всю оставшуюся жизнь. Я своим телом не торгую.

– Только обещаете, – парировал Кис. – Если он понял, что вы водите его за нос, то мог вам и отомстить. Вы должны знать, как в этих кругах поступают с должниками, которые не желают платить.

– Но первое письмо с угрозой я получила намного раньше, чем он мог догадаться, что я собираюсь сачкануть!

– Первое?

– Ну да, – неохотно подтвердила она. – То, о котором я вам говорила. Второе было таким ужасным, что я его содержание даже от Марика скрыла... Что со мной сделают, если я не затихну... Там такая грязь была описана... Сценарий группового изнасилования, расписанный по ролям.

– По ролям?

– Вы уже размечтались, что там были указаны фамилии действующих лиц? Нет, там были номера. Номер первый сделает то-то, номер второй – то-то, и так до десятого номера... И фотографии пригрозили Марку прислать. Я это письмо сожгла в камине. О его содержании никто не знает, кроме вас. Марику я сказала, что опять получила письмо насчет комара, но что это наверняка связано с его бизнесом. Мне тогда

так нехорошо и страшно стало, я плакала, раскричалась, даже наши охранники сбежались...

– Ладно, Майя, – проговорил Алексей задумчиво. – Я попробую разобраться во всем этом. Но придется передать наш разговор Александре.

– Исключено!

– Вы же хотели, чтобы она вела журналистское расследование? – не удержался от ехидства Кис. – В таком случае, нужно давать ей информацию. Не волнуйтесь, без вашего согласия ничего опубликовано не будет. Кроме того, вы объявлены в розыск. Если вы не хотите, чтобы милиция вас разыскивала как убийцу, то нужно направить ее на правильный след!

– Ага, а они направят на мой след убийц!

– Майя, я знаю людей, о которых говорю! Поверьте, это не тот случай и...

– Почему я должна вам верить? Вы что, хорошо в людях разбираетесь?

– Я старше вас, и у меня есть опыт...

– Да у вас на лице написана патологическая честность!

Кис опешил. Неужто у него на лице что-то подобное прямо-таки написано?

– Глупости говорите, – сказал он строго, – что вы-то понимаете в людях? И в том, что у них на лицах написано?

– Да уж побольше вашего, – презрительно вскинула Майя голову. – Вы останетесь наивным, даже когда вам сто лет исполнится!

– Послушайте, то вы мне патологическую честность приписываете, то наивность, давайте прекратим этот дурацкий разговор...

– Все честные люди – наивны, – хмыкнула Майя, – вы разве этого не знаете? Вы любите правду, вы боретесь за справедливость, вы держите слово, вы не изменяете женщине, вы не предаете друзей, вы такой положительный, что меня уже тошнит! А вас все имеют, как хотят. Ваши друзья вас продают, ваши женщины вам изменяют... Но вы – вы живете безмятежно, полагая, что все вокруг существуют по тем же принципам, что и вы!

Кис встал и позвал Вениамина. «Письмо нужно отправить», – сухо скомандовал он и, повернувшись к Майе спиной, вышел из комнаты вслед за Веней. Но спина его чувствовала ее насмешливый взгляд.

Он тут же написал Александре подробное сообщение, закончив его словами: «Передай Сереге, чтобы действовали как можно осторожнее, это гадюшник».

Веня, прочитав текст, позвал Майю.

– Ты дала согласие, чтобы он все это отослал?

Майя махнула небрежно рукой:

– Пусть отсылает. Если меня пристрелят, он будет рвать на себе остатки седин до конца жизни!

Мерзкая, невоспитанная девица. Лишить прогулок, мороженого и кино за непочтение!

В ванной Алексей вглядывался в зеркало. «Седин» в шевелюре было совсем немного, а уж насчет «остатков» она и вовсе загнула!

Паршивка...

* * *

Александра сразу узнала эту девушку, пересекались где-то на светских мероприятиях: высокая блондинка, Алена была приметна издалека.

– Спасибо, что приехали, – улыбнулась Александра.

– Ну что вы! – сконфузилась Алена. – Это вам спасибо, что в гости позвали.

...Накануне Александра попросила Алену о встрече и предложила место на выбор. Алена выбрала – у Саши дома: учитывая то, как она осматривается теперь в квартире, скорее всего, из любопытства: об Александре Касьяновой ходило много слухов и разноречивых мнений.

– Просто расскажите мне о ней, – сказала Александра. – Все, что можете.

Они устроились за маленьким столиком, где Александра накрыла все для аперитива: оливки, чипсы, орешки. Алена пила мартини, Александра – джин с тоником.

– Майя, как и вы, любит джин с тоником, – улыбнулась Алена.

– Начало обнадеживает, – кивнула Александра.

– Я не могу поверить, что она и в самом деле такое учудила. Все это – ворваться в эфир, пистолет, похитить заложника – совершенно не ее стиль! Она такая несерьезная, она – ребенок, которого все опекают и который абсолютно не способен на самостоятельные шаги... Да еще на такие крутые «подвиги»!

– Тем не менее она это сделала, – сдержанно заметила Александра.

– Да. Я могу это объяснить только одним: она просто слетела с катушек. Майка – существо балованное и капризное, облелеянное со всех сторон, и вдруг – кровь, мертвый муж, пистолет...

– Вы не допускаете, что она могла застрелить мужа?

– Майка? Что вы, невозможно! Она и пистолета-то настоящего в жизни не видела! В сумочке с собой «на всякий случай» пластиковый муляж таскала, тот самый, при помощи которого она Алексея Кисанова в заложники взяла.

– Я уже в курсе, – сухо кивнула Александра. – А вот насчет «настоящих пистолетов» вы ошибаетесь. Щедринская училась стрелять по настоянию своего мужа. Из самого что ни на есть настоящего оружия.

– Вот как? И неужто научилась? Она даже крышку от банки открутить не в состоянии, вечно кого-нибудь звала на помощь!

– Возможно, что это всего лишь имидж, не более. Уловка, причем вполне классическая, – склонила голову набок Александра. – Такая беззащитная, хрупкая, что все и кидаются ее обслуживать! Очень удобно, между прочим... Уверяю вас, большинство этих «хрупких» созданий вполне способно свернуть горы, когда им надо.

– Да нет, и вправду у нее руки слабые – даже не представляю, как она в них может удержать такой большой пистолет, как «макаров»! И потом, это все равно ничего не доказывает! Зачем ей Марка убивать? Она его любила, а уж как он в ней души не чаял, так в это и поверить невозможно! Все сокурсницы умирали от зависти. Майка взбалмошная, это да, – но убить? – Алена покачала головой.

– Майя знала о передаче Усачева или попала в эфир случайно?

– Знала. Мы как раз об этом говорили недели за две до ее выхода...

Алена поведала их разговор в баре, сильно сократив ту часть, которая касалась комментариев Майи

по поводу самой Александры.

– Только вы не подумайте, что Майя все распланировала заранее! – закончила свое повествование Алена. – Ей наверняка все это пришло в голову в самый последний момент!

Александра не ответила на восклицание Алены. Эта девушка была ей вполне симпатична, но доверия не вызывала: не потому, что Алена говорила неправду, а потому, что в ней чувствовалась та наивность, которая свойственна людям с доброй и открытой душой... Как, например, Ксюше, младшей и любимой сестренке Александры.

– У нее есть любовник? – спросила она только.

Александра старалась изо всех сил скрыть свое раздражение, но все же голос ее был сух, и сухость эта относилась не к сидящей напротив Алене, а к той девице, которая увела Алешу под дулом пистолета в неизвестном направлении...

Ревновала ли она? Александра сама не знала, как это называется. Когда больше года тому назад Александра предложила Алексею Кисанову, давно в нее влюбленному, своеобразный союз, в котором слово «любовь» было поставлено под запрет, она не могла и представить, что постепенно силы притяжения, бросившие ее к этому человеку, превратятся в мощное гравитационное поле, прочно втянувшее в себя их обоих. Она по-прежнему не говорила о любви и даже мысленно избегала этого слова, поскольку была убеждена, что под ним скрываются совершенно разные отношения, чаще всего полные эгоизма и подсознательного – или сознательного – расчета; но сейчас, когда Алешу оторвали от нее, она неожиданно почувствовала: больно. И страшно. Страшно хоть на секунду себе представить, что возможна жизнь – без него. Она была абсолютно невозможна, эта жизнь. Категорически невозможна, смертельно. Они вдруг оказались сиамскими близнецами с общей системой кровоснабжения, и их разделение могло привести к летальному исходу. Во всяком случае, для нее....

И Александра, сраженная наповал этим открытием, теперь пыталась выяснить и понять, существует ли реальная угроза их разделения.

– Любовник? Я уверена, что нет. Я вам сказала, Майка – ребенок. Все, что ей нужно, – чтоб ее баловали. Марк ее баловал, Марк ей давал все. Зачем ей любовник?

– Может, проблемы в сексе?

– Мне кажется, что у нее во всех аспектах было благополучно, включая этот.

– Кажется?

– Ну, Майя мне ничего на эту тему не говорила, но я так думаю. Такие вещи часто чувствуются, вы знаете...

– Тогда тщеславие.

– Доказать, что она способна сводить с ума других мужчин? Да кому доказывать? Себе? Она это и так знала, даже слишком хорошо. Другим? И другие это знали.

– Вам никогда не приходилось встречать людей, абсолютно благополучных с точки зрения посторонних, внешне далеко не обиженных богом – и при этом с развитым комплексом неполноценности? Такие люди не устают доказывать всем то, что и так вполне очевидно. Потому что никак не могут доказать это себе.

– Встречала, – ответила Алена. – С одним таким типом я работаю.

– Усачев, – кивнула Александра, – понимаю. Агрессивность, жажда выставить других на посмеище – всегда результат комплекса неполноценности. В женском варианте – неумное желание быть впереди всех

других особ женского пола, которые воспринимаются исключительно как соперницы.

– Майя тщеславна, да. Собственно, как все хоро... – взглянув на Александру, она поправилась: – Как большинство хороших женщин... Потом, конечно, в ней есть это желание – покорять. Она из Днепропетровска и, как это часто свойственно провинциалам, приехала завоевывать Москву.

– Посредством мужчин.

– Да. Как большинство хороших провинциалок. – Алена почему-то упорно желала вписать Майю в общий контекст.

– Не будем все валить на бедных провинциалок. Столичные красотки карабкаются вверх, используя те же ступеньки к успеху: мужские койки.

– Разумеется. А все же провинциалки напористее.

Александра посмотрела на Алену. Подтекст ясен: будучи достаточно красивой женщиной, Алена по койкам не шастала – этот метод продвижения по службе явно не входил в ее принципы – и лишь только с горечью наблюдала, как обходят ее в карьере «напористые провинциалки».

– Довольно распространенное явление, – сочувственно улыбнулась Александра в ответ. – И относится не только к столицам, но и к чужим странам: аборигены в них просто живут, а пришельцы – выживают. Иными словами, изо всех сил борются за существование, довольно быстро обходя инертных аборигенов... Так почему же вы думаете, что у Майи нет любовника?

– Во-первых, он ей просто не нужен: с Марком она уже достигла таких вершин, что дальше просто некуда.

– А если бы нашла еще богаче? Или еще известнее?

– Тогда бы она просто развелась с Марком. «Еще богаче и еще известнее» ей в качестве любовника не интересен – что он может ей дать? Лишний подарок? Нет, в таком случае Майка сумела бы стать его женой, чтобы воспользоваться всем: и богатством, и положением.

– А если бы Марк ей развод не давал, она бы его убила?

– Нет, – твердо ответила Алена. – У вас складывается ошибочное мнение о Майе. Она практична, она тщеславна, да, – но она не способна на убийство. Как вам ни покажется странным, Майка очень добра и отзывчива. Она многим помогала на курсе, могла, не задумываясь, последнее отдать.

– А бывало «последнее»?

– Ну, строго говоря, «последним» оно было на пять ближайших минут. К ней с удивительным постоянством притекало все, что ей требовалось, – и деньги, и шмотки, и развлечения.

– Хорошо. А во-вторых?

– Влюбиться Майка не могла: она очень эмоциональна, но совсем не романтична. Честно говоря, никогда не доводилось ее видеть влюбленной. Вот в нее – сколько угодно... И в-третьих, она бы мне проговорила. И потом, Марк был довольно ревнив. Он требовал отчета о ее времяпровождении, постоянно звонил и спрашивал, где она и с кем. В таких условиях трудно заводить романы на стороне...

– Как знать. Бывают особые таланты – вдохновенных врунов. У меня есть одна знакомая, которая годами водит своего мужа за нос. Ее любимый афоризм: «Если женщина успела натянуть трусы, она ни в чем не виновата!»

Алена рассмеялась.

– Нет, Майка врать не умеет. Привирать – это да, но врать по-настоящему, стройно и логично, да еще

и постоянно? Нет, такого таланта я за ней никогда не замечала. Она совет – а потом забудет, что именно. Ее слишком легко поймать.

– Она умна?

– Трудный вопрос. Иногда порет чушь. Иногда неожиданно блещет четкой и точной мыслью. Не поймешь. Она очень спонтанна.

– По крайней мере, не глупа?

– О нет.

– Как вы расцениваете ее выходку на телевидении?

– Как полный бред. Майя иногда говорит или делает раньше, чем думает. Получаются глупости. Я вам сказала, она очень спонтанна, непосредственна.

– Куда, по-вашему, она могла поехать?

– Это невозможно предугадать. У Майи есть деньги, и она могла взять любой билет на любой вид транспорта в любом направлении...

– Сомневаюсь. Если она с заложником, то вряд ли потащит его под дулом пистолета на вокзал или в аэропорт, а если бы она была без него – он бы уже просто появился в этой квартире.

– Понимаю... Но у Майки есть еще невероятное количество друзей, готовых для нее в лепешку расшибиться.

– Мужчин?

– Конечно. С женщинами у нее не очень дружба получается, женщины в большинстве завистливы, а она слишком непосредственна в своем эгоизме...

– Но вы с ней дружите. Значит, получилось?

– Я в некотором смысле исключение... Меня не задевает ее самомнение и ее выходки, на которые большинство девочек реагирует болезненно... И она это знает и ценит во мне... Хороший снимок, – указала вдруг Алена на небольшую фотографию Алексея, стоявшую на письменном столе.

Алеша был на ней снят вполоборота, что выгодно подчеркивало красивую линию его подбородка с небольшой впадинкой; его каре-зеленые, «ореховые», как называла их Саша, глаза смотрели в объектив с нежностью – снимала его Александра, и нежность была адресована ей... Он был действительно очень хорош на этой фотографии – снимок запечатлел то редкое мгновение, когда лицо его не было защищено обычным скептическим выражением бывалого полицейского – легкой смеси усталости и разочарования, с примесью честности и суровости. Здесь был настоящий Алеша, тот, которого она одна знала, тот, которого она... Которым она дорожила.

– Да... Мне тоже нравится, – сдержанно согласилась Александра.

– Что-то в нем есть такое... Про таких говорят – «интересный».

Алена хотела добавить: «И боюсь, что Майка им заинтересовалась», но не отважилась.

Но Александра не поняла, с какой стати ее гостя пустилась в обсуждение Алешиной фотографии. Ей это было неприятно, она не любила, когда влезали в ее интимное душевное пространство.

– Насколько я понимаю, Алена, – решила она закрыть тему, – вы никак не можете мне подсказать направление, в котором нужно искать вашу подругу и моего друга?

– Рада бы, но...

– Ну что ж, и на том спасибо... Пойдемте за стол? Боюсь, что уже все остыло...

– Вы только не подумайте, – говорила Алена, следуя за Александрой, – что я пытаюсь ее покрыть, совсем нет! Напротив, я бы очень хотела, чтобы ее нашли поскорее! Майка, я вам говорила, иногда поступает и говорит не подумавши, но при этом она делает глупости с азартом ребенка, который играет в войну с найденной гранатой и не отдает себе отчета, что граната может разорваться у него в руке...

* * *

К вечеру Алексей получил новое сообщение от Александры: история с муляжом полностью подтверждалась.

Кис был даже разочарован. Полученная информация практически подтверждала рассказ Майи, не оставляла никакого зазора, куда могла бы поместиться ложь, чем Алексей бы немедленно воспользовался. Даже бармен подтвердил, что идея девушке пришла в голову именно в его баре, буквально у него на глазах. Значит, либо Майя не соврала, либо она очень уж ловко все придумала – и придумала, предусмотрев так много деталей, что это было практически невероятным.

Алексей не знал, чего ему больше хотелось: чтобы Майя оказалась виновной или чтобы она не имела никакого отношения к убийству мужа. Она его довольно сильно раздражала своей нахальной самонадеянностью, своим вызывающим эгоцентризмом; но в то же время в ней было что-то трогательное, даже нахальство ее было по-детски непосредственным и воспринималось, скорее, как шалость... На нее невозможно было всерьез обижаться, как на котенка, который тебя оцарапал... Кис понимал, отчего мужчины всегда наперегонки мчались опекать эту девчонку (о чем ему сообщила Александра со слов Алены)... Да, он чувствовал, хоть и не сумел бы выразить словами эту... эту...

В общем, эту ее особенность.

* * *

Не выспавшись прошлой ночью, Кис провалился мгновенно в сон. Глубокий, вязкий сон со смутными сновидениями, из тех, что никогда не вспомнить поутру.

Он не сразу понял, что его разбудило. Показалось, что затрезвонил будильник. Слепо уставившись в темноту, он вдруг осознал: это был не будильник. Это был... визг.

Майин визг!

Майин? Визг?

Кис вслушался в ночь. Тихо.

Показалось?

Нет, не показалось! До него донесся шорох, неясный звук какой-то возни и вдруг тихое мычание Майи, как будто ей зажали рот. И неразборчивое мужское бормотание.

Веня?

Что происходит? Сцена ревности? Попытка изнасилования?

Алексей быстро нашарил связку ключей, отомкнул наручник и неслышно скользнул к двери. Резко распахнул.

В гостиной никого не было, но звук доносился из сеней, дверь в которые была раскрыта настежь. В

слабом отблеске лунного света, струившегося из окна гостиной, вырисовывался высокий мужской силуэт. Это был не Веня.

Кис не сразу разглядел Майю – она почти растворилась в черном мужском силуэте и в той тени, которая упала от Алексея, но через мгновение его глаза опознали светлый контур ее обнаженного тела. Мужчина держал ее спиной к себе, обхватив одной рукой горло, второй зажимая рот. Майя, завидев Алексея, промычала: «ум-мии-са...». Мужчина, коротко выругавшись матом, прижал ее крепче.

«Умм-и-ийя», – мычала Майя из-под ладони. Алексей никак не мог понять, что она хочет сказать, да и ситуация не располагала к поискам смысла странного слова «умийя»...

Убийца! – вдруг понял он. Вот что хотела сказать Майя – убийца!!!

Кис шагнул к темной фигуре.

– Назад! – рыкнул мужчина. – Назад, я сказал! Не то удушю эту б...ь!

За спиной у Алексея возник встрепанный Вениамин, сонно и дико озираясь. В руке он держал Майин трофейный «макаров».

Алексей подскочил к Вене, резко выдернул из его руки пистолет и навел на мужскую фигуру:

– Руки вверх, быстро.

– Это что за х...ня. – Мужчина еще крепче сжал Майино горло. Она захрипела. – Что за козлы...

– Считаю до трех и стреляю, – прикрикнул Кис.

– Стреляй, бя, в эту дуру попадешь, – сообщил черный мужчина.

– Раз... Два...

«Три» не было. Кис свалился, оглушенный ударом по затылку.

* * *

Из обморока его выдернул яркий свет, проникший сквозь веки. Кис сел и, щурясь, огляделся, с трудом соображая, что к чему. На нем оказались наручники, а обнаруженная им мизансцена была такова: Майя, одетая в Венин медвежий халат, забилась в угол кресла, обхватив руками колени, Веня сумрачно восседал в другом кресле с пистолетом в руке, а на полу лежал труп мужчины с простреленной головой.

– Кто его? – спросил Кис.

– Я, – ответил Веня, не глядя.

– А меня кто?

– Тоже я.

– Чем?

Веня кивнул на свою трость: она и впрямь была увесистой, особенно ручка. Кис потрогал затылок: шишак был немаленький.

– Зачем?

– Боялся, что вы Майю застрелите.

– А вы, стало быть, хорошо стреляете?

– Я охотник.

- Так я вроде тоже не пекарь.
- А кто вас знает, – мрачно процедил Веня. – За себя-то я уверен. На медведя ходил, так-то.
- Уж не на охоте охромели ли?
- На охоте, – буркнул Веня.
- А сказали – с мотоцикла упали.
- Браконьерствовал я. Не люблю распространяться.
- Ага, вот уже и третья версия Вениной хромоты.
- Кто это такой?
- Не знаю, – пожал плечами Веня. – Убийца.
- Майя?
- Н-не знаю, – еле выдавила она. – Н-никогда не видела...
- Придется вызывать милицию.
- Вас не спросили! – вскинулся Веня.
- У вас другие планы?
- Не ваше дело.
- Тем не менее...
- Тем не менее вам придется заткнуться, – грубо оборвал его Веня.
- Не выйдет. Расскажите, как все произошло, Майя.
- Налей мне, Веничка... Вам тоже? – откликнулась Майя.
- Пожалуй. Немного коньяку.
- Знаю, – буркнул Веня. – Имел удовольствие изучить ваши дорогостоящие вкусы!
- Он направился к бочке-бару с крайне раздраженным видом.
- Что же делать, – философски заметил Кис, – заложники всегда вводят в расходы. Так как было дело?

...Она хотела пойти в туалет, она всегда встает по ночам.

Правда, подумал Кис. Он это наблюдал прошлой ночью.

Она была совершенно голой, она всегда спит голой.

Правда. Это он тоже наблюдал...

И она была босиком, она любит ходить босиком по дощатому полу.

Правда. И это тоже...

Полусонная, она неслышно вошла в сени, и тут ей что-то послышалось за входной дверью, шорох какой-то.

– Шорох – какой? – перебил Кис. – Как если бы кто-то пытался открыть дверь?

Нет, она услышала просто странный шорох за дверью. Она до сих пор не понимает, как отважилась – наверное, спросонок, – но она открыла дверь. А за ней...

За ней стоял незнакомый мужчина! Она завизжала от страха. И вот тогда мужчина бросился на нее,

схватил и зажал ей рот. Она пыталась вырваться, отбиться...

Остальное они знают.

«Знают»! Это она сильно преувеличила...

– Он не попытался объяснить, зачем явился?

Майя вскинула удивленные глаза: а разве такое бывает?

– Бывает. Например, говорят: тихо, не кричите, я вам ничего не сделаю, если не будете оказывать сопротивления. Давайте все ваши ценности, и до свидания.

– Нет, никаких комментариев не было.

– То есть зачем он приходил, никто не знает. Может, и не убийца вовсе. Может, вор. Может, из соседней деревни... Дайте мне его обыскать.

Майя кивнула, и Веня молча отомкнул наручники и посторонился. Кис сходил на кухню за резиновыми перчатками, которые приметил возле раковины, вернулся и присел на корточки перед неподвижным телом.

Крупный брюнет с густыми черными бровями, лицо без признаков интеллекта, мощный торс спортсмена. Пулевое отверстие во лбу, что соответствовало положению Вени по отношению к мужчине. Одет просто: серые дешевые брюки, синяя футболка с накатанным рисунком футболиста с мячом, тоже китайская дешевка. В карманах почти ничего не было: связка из трех ключей, мятая жвачка с налипшими крошками табака и совсем маленьким клочком бумажки, на котором теснилось странное слово «*Лиск*», написанное от руки.

Кроме того, у мужчины была с собой небольшая ручная сумка из черного кожзаменителя. В сумке оказался самодельный складной нож, вполне пригодный для того, чтобы кого-нибудь зарезать; еще одна упаковка жвачки, неначатая; шариковая ручка, кошелек – около тысячи рублей и двести долларов мелкими купюрами. Сложенный вдвое обычный почтовый конверт, пустой, вместо адреса надпись «5000». Мобильный телефон.

Кис расстегнул брюки мертвеца, задрал футболку: тело волосатое, мускулистое, чистое – не в смысле гигиены, а без наколок.

Перевернул мужчину. Из-за расстегнутых брюк выскользнул на пол пистолет, ранее заткнутый, судя по всему, за ремень сзади. Снова «макаров», заряженный, но без глушителя. И то, с глушителем неудобно за ремень засовывать... На мощной шее мужчины блеснула золотом массивная цепь. Спереди она не была видна, скрытая футболкой.

Алексей сложил все свои трофеи в сумочку из кожзаменителя, прицепил ее к себе на пояс – во избежание того, чтобы остальные прикасались к вещественным доказательствам, – и затем приступил к последней находке. Он аккуратно стащил цепь с шеи. Вещь довольно дорогая, что не вязалось с дешевой одеждой мужчины. Но самое удивительное было то, что на цепи висело кольцо с бриллиантом. Маленькое, женское.

Кис поднял ее перед собой, крупный бриллиант вспыхнул в свете лампы.

– Майя... – прошептал Веня. – Это же...

На лице Майи застыло выражение ужаса. Она не могла оторвать глаз от цепи со сверкавшим бриллиантом.

– «Это же» – что? – требовательно произнес Кис.

– Это... Мое... – выдавила Майя.

– Каким образом?

– Я не знаю... Не знаю! – выкрикнула она. – Я этого человека никогда не видела! Я ему не дарила свое кольцо! Вы теперь снова подумаете на меня!

– А можно без истерик? – поинтересовался Кис.

– Постой, Майечка, успокойся, детка. Я, кажется, понимаю... – проговорил Вениамин. – Этот тип просто украл твое кольцо! И знаешь когда? – Веня поднялся и потряс в воздухе руками. – *Когда он приходил Марка убивать!* Именно так... Господа, мы имеем перед собой убийцу Марка Щедринского! – торжественно провозгласил бородач.

Кис скептически прищурился.

– По-вашему, человек, пришедший с целью убийства, будет тратить время на поиски драгоценностей? Убийцы, а тем более наемные, практически никогда не грабят своих жертв.

– Ему не нужно было искать... – слабым голосом произнесла Майя. – Я не очень часто кладу вещи на место. Должно быть, бросила где-то в гостиной, а он увидел и взял... Это и вправду он – убийца Марка?! Вы тоже так думаете?

– Где именно бросили?

– Не помню... Я никогда не помню, что куда положила...

– Так, граждане. Вызываем милицию, – распорядился Кис. – Теперь у нас нет выбора. К тому же это в значительной степени снимает с Майи подозрения.

– Ага, только вы забыли, что убил его я! – встрял Веня.

– Правомерная защита.

– Люди, которые его послали, имеют большие деньги и связи. А ну-ка, отгадайте с трех раз, куда повернется следствие? Кто выйдет сухим из воды, а кто сядет? И наши три свидетельства ничего не стоят против денег и связей! Стоит мне под суд попасть – из фирмы меня попрут, а такая работа на дороге не валяется! Если меня посадят – прощай, свобода. Если ваши честнейшие коллеги меня сдадут мафии – прощай, жизнь. Оно мне нужно, все это?

– Вы уже имели дело с милицией, да? – вдруг догадался Кис.

– Диссидентствовал по молодости, – буркнул Веня.

– Диссидентствовал, браконьерствовал... Чего еще делали? Уж расскажите сразу!

– Так, все! Кончен бал, погасли свечи. Давайте на покой. В спальню. Кстати, как вы от наручников избавились?

– Майя забыла их застегнуть, – нахально соврал Кис.

Майя никак не отреагировала. Возможно, поверила. Или просто не расслышала. Ее всю трясло в кресле.

– На этот раз я их сам застегну. Уж я-то не забуду, будьте спокойны, – заверил его Веня и махнул пистолетом в сторону комнаты Алексея. – Вперед, в кровать. У нас тут дела есть. Вы нам мешаете.

– А вам не приходит в голову, что вы подставляете Майю, которую вы, по вашему выражению, любите, как сестру, защищаете, помогаете, утешаете, опекаете... Я ничего не упустил из вашего нежного списка? В таком случае для нее было бы куда лучше сдать этот труп по протоколу. И ее дело закрыто.

Алексей слегка загнул насчет «закрыто», но того требовала ситуация.

– Не говорите глупостей! Ее дело будет так же открыто, как и мое. В ее интересах, чтобы никто не знал, куда подевался убийца! Иначе станет известно, что он задачу свою не выполнил, и за Майей начнется настоящая охота. Вот тогда ей уже не уйти!

– Это все из-за вас... – вдруг медленно проговорила Майя. – Из-за вас, да! Вы сообщили на Петровку, хотя я вас предупреждала, что меня убьют... Вот, чудом не убили, спасибо Вениамину... Если ваши дружба-менты меня просто-напросто не продали, то, значит, полезли со своими варварскими методами задавать вопросы туда, куда не следовало.... И вот – результат. Эх вы, горе-детектив! От таких честных дураков, как вы, которые доверяют всему миру, – одни неприятности приключаются, – горько и презрительно проговорила Майя. – И вправду, шли бы вы лучше спать. Хоть вреда от вас не будет, от спящего...

Кис, понукаемый дулом пистолета, направился в спальню.

– В лесу закапывать будете? – спросил он по дороге.

– Вас не касается, – буркнул Веня.

Он добросовестно пристегнул руки Киса к спинке, на этот раз обе, пропустив цепочку за перекладиной.

– Зря ты его сюда привезла, одна морока с этим детективом, – проворчал Веня в гостиной. – Лучше нам от него избавиться, да поскорее.

Ответа от Майи не последовало.

«У философа нервишки-то стали сдавать!» – злорадно подумал Кис. Он не доверял Вениамину. Его спокойствие с самого начала показалось Кису напускным, невозмутимость – фальшивой, его глубоко посаженные темные глаза – излишне настороженными, чего не смогла скрыть маска доброжелательности. Кроме того, он к Майе относился явно не как «старший брат», он в нее был влюблен сильно и, видимо, давно. А вот Кису солгал. И про мотоцикл тоже. Может, и про охоту наврал, а правда заключается в версии Майи – прыгал в окошко из-за несчастной любви... Конечно, Веню можно и понять, распинаться о своих чувствах перед незнакомым человеком он не обязан, но... Но Кис не любил, когда лгут, даже если понимал почему.

Спустя некоторое время Алексей услышал, как неравномерные шаги Вениамина простучали по лестнице крыльца. Скрип деревянной двери подсказал ему, что Веня, по всей видимости, открыл сарай. Металлический лязг засвидетельствовал об открывающихся воротах. Шум мотора, хлопанье крышки багажника.

Итак, Веня погрузил тело в багажник, а из сарая взял, скорее всего, лопату... – расшифровал звуки Кис. Он понимал, что Веня сейчас совершает большую ошибку, пряча труп. Это может невероятно усложнить всю эту историю с Майей. Но Кис, прикованный к кровати, ничего не мог предпринять. На этот раз он отнесся к своему положению вполне серьезно: Веня был в таком состоянии, что, сделай Кис одно неверное движение, этот отшельник-охотник пристрелил бы, не задумываясь, и его. И закопал бы за компанию в лесу. Так что выбора у Алексея не было.

Что, впрочем, до некоторой степени утешало: избавляло от мук совести. Поскольку, будь детектив сейчас на ногах, он был бы обязан вмешаться и не допустить сокрытие убийства от правоохранительных органов.

Голова все еще гудела от полученного удара. Итак, за Майей охотятся. Что означает, во-первых, что она рассказала историю правдивую; во-вторых, что ее нашли. Следовательно, она в опасности. Кто мог знать или вычислить ее местонахождение? Алексей, как бы Майя ни называла его честным дураком, был

убежден, что Серега и ребята, с которыми он работает, не могли продать полученную от Киса информацию тем, кто заинтересован в устранении Майи. Серега был настоящей ищейкой, азартной и преданной своему делу, которое не променял бы ни на какие коврижки; да и коврижки у него постоянно каким-то образом водились: не то чтобы Серега жил шикарно, но далеко и не бедно. Кис подозревал, что многочисленные дамы сердца охотно его баловали, но никогда не вникал – не его это дело. И команду вокруг себя Серега сколотил надежную, он за своих ребят ручался, как за самого себя. Не говоря уж о том, что, «продав» Майю убийцам, Серега бы таким образом обрек и Киса... Нет, это совершенно невозможно представить.

Более того, чтобы продать информацию, надо ее сначала иметь, а милиция могла найти данные об их местонахождении только двумя способами: либо обратиться к хакерам, чтобы отследить адрес, с которого пришли к Александре письма, либо вести долгие расспросы всех Майиных знакомых, чтобы заподозрить именно Веню. Первое практически исключалось: у компьютерщика Вени защита должна быть высшего класса. Второе было тоже маловероятным: на такой отсев имен и адресов требовалось время. Что же до «варварских расспросов», то Серега и сам имел опыт немалый, к тому же и Кис его предупредил, что нельзя потревожить гадюшник...

Однако как же убийца (или те, кто его послал) вычислил местонахождение Майи? Не говорила ли она кому-либо по телефону, где прячется? Какой-нибудь подружке ляпнула?

– Майя! – позвал он.

Ответа не последовало.

– Майя! – крикнул он погромче.

Но она так и не появилась.

Почему, если это и впрямь убийца Марка и если он явился теперь убить Майю, он не воспользовался ни пистолетом, ни ножом? Не ожидал, что она сама перед ним появится, да еще и в голом виде? И к тому же сразу завизжит? Не исключено, хоть и непрофессионально. Но профессионалов высокого класса в деле убийства мирного населения не так уж много, и вряд ли имеет смысл открывать всенародное движение за повышение их квалификации... Так – шушера, обмылок, какой-нибудь спортсмен-неудачник, таких нынче много развелось на черных делах...

Или он пришел с иной целью? Допустим, выпытать у Майи, что у нее реально есть из компромата, о существовании которого она так лихо заявила на всю страну? Но это было бы глупо, зная, что Майя в доме не одна. А он это знал, раз зажал ей рот.

Тогда – выкрасть ее? В таком случае где-то неподалеку должна находиться его машина. К тому же такие мелкие купюры в долларах всегда имеют при себе владельцы машин на случай разборок с гаишниками. Однако ключей от машины при киллере не было. Завтра надо будет осмотреть окрестности...

Ладно, в эту ночь они больше ничем не рискуют, понятно. Но оставаться в этой избушке теперь нельзя. Только куда податься? Оптимально – уговорить ее пойти на Петровку. Но вряд ли Алексей в этом преуспеет. Кроме того, надо будет Сереге сообщить о покушении на Майю... Если этот хромоногий сатир Веня не наложит вето на информацию...

* * *

Алексею удалось все-таки задремать, и он забылся в каком-то полубреду.

...Странно, он не слышал, как она вошла. Он не ощутил, как она расстегнула его рубашку. Его разбудили только горячечные поцелуи, которыми она покрывала его грудь и живот. Кис открыл глаза, и Майя, словно почувствовав, распрямилась, вглядываясь в темноте в его лицо. Она сидела на нем верхом в

медвежьей коричневой шкуре Вениного халата, который сползал с плеч и открывал грудь. Убедившись в том, что Алексей проснулся, она, не произнеся ни слова, потянулась к нему, и ее губы прильнули сначала к неглубокой впадинке на его подбородке, затем накрыли его рот... Ее волосы скользили по его коже. Глубокий вздох поднял его грудь, руки непроизвольно дернулись – он сам не знал, для чего: оттолкнуть или прижать шелковую душистую головку к себе? Но они были надежно пристегнуты к спинке кровати. Майя получила его тело в безраздельное пользование.

Ни он, ни она не проронили ни слова. Он лежал неподвижный, распятый, изумленно наблюдая за тем, как Майя хозяйничала на его теле – хозяйничала умело, отрешенно и сосредоточенно, словно совершала какой-то одной ей ведомый ритуал, в котором Алексей приносился в жертву неким богам, как это делали при помощи секса жрицы Египта... Она поднимала в нем волну наслаждения и удерживала ее, терзая его плоть для того, чтобы, доведя его до иступления, дать ему отдышаться и вновь вызвать волну, еще большую... Алексей с трудом сдерживался, чтобы не застонать, – он не хотел, он не считал возможным в этом участвовать, если уж эта наглая девчонка его насилует, так пусть насилует, но он тут ни при чем...

Но он был при чем, пусть и молчаливо; это его тело рвалось к ее дразнящим и в последний момент ускользающим губам, к ее рукам, вспархивающим тогда, когда уже, казалось, сейчас наступит та развязка, тот финал, о котором он уже был готов молить ее... Но нет, он молчал, и пощады ждать не приходилось, он уже переступил ту грань наслаждения, за которой начиналась невыносимая мука, – но она неожиданно оказывалась новым наслаждением, неслыханным, неиспытанным, страшным в своей разрушительной силе.

Изредка в темноте ее глаза, блестя, вглядывались в его лицо, ему казалось, что он читает в них безумие, что она и впрямь жрица, совершающая жертвенный ритуал, и сейчас все закончится тем, что она достанет острый нож и полоснет его по груди, и страшнее всего было то, что он понимал, что этот жест будет равен оргазму и он умрет в содроганиях немыслимого экстаза...

Они кричали оба, он – глухо, сквозь зубы выпуская рвущийся стон, она – закинув голову назад, громко и гортанно, когда она наконец смилостивилась над ним и медленно впустила его в себя, сжимая его бедра коленями. Они выгнулись оба – он, пристегнутый наручниками, дугой над кроватью, она на нем, откинувшись назад, закинув руки за голову, будто ее тоже пристегнули невидимыми наручниками к воздуху над ее головой... И именно в этот момент появился в дверях Веня и молча смотрел на эти два лука, натянутых тетивой страсти, на две дуги их тел, разнонаправленных, но сходящихся в одной общей точке соприкосновения...

Когда затихли голоса и расслабились мышцы и Майя обессиленно рухнула на грудь Алексею, Веня уже исчез. Был или не был? Все равно. Все уже было равно, не осталось сил, ни физических, ни душевных, и они оба поплыли на блаженных волнах упоительного отдыха... Ему вдруг показалось, что она плачет, пару раз содрогнулось на нем ее легкое тельце, несколько еле слышных вздохов, и мокрая лужица слез у него на груди, – но он ничего не сказал, не спросил, почему-то казалось, что он понимает. Его понимание определялось перечнем, в котором состояло убийство ее мужа, попытка убить ее саму этой ночью, потом то, что было с ними, – уже только от этого можно заплакать... Это отходняк, попросту говоря... Возможно, если бы руки его были свободны, он все же погладил бы эту головку, лежащую у него на груди. Но они не были свободны. И он еще раз порадовался тому, что ему не пришлось встать перед выбором.

Майя затихла, ее тело расслабилось, отяжелев и потеплев, как тяжелеют во сне дети, и Алексей почувствовал, как уходит вместе с ней под ласкающие воды сна.

Ему снилась Александра, сочный зеленый луг, залитый ярким утренним солнцем, она стояла по другую сторону луга, розовея в легкой дымке нагим телом, и махала ему призывно легким шарфиком из бронзового шелка – Алексей где-то его уже видел, этот шарфик, и даже знал, как он пахнет: французскими

духами Картье с каким-то английским названием, – и он рвался к ней, к этому телу, к этой женщине, в которой было сосредоточено все его счастье, вся самая суть его жизни... Но проклятый луг оказался затоплен водой, он был ловушкой: как только нога Алексея ступала в жирный изумруд травы, он начинал проваливаться и тонул, тонул... Он вырывался, он выпрыгивал обратно туда, где стоял, – все так же безнадежно далеко от Александры, не умея приблизиться к ней хоть на шаг, хоть на шажочек... А Саша все смеялась, все махала ему шарфиком...

Потом он вдруг услышал звуки выстрелов, он понял, что стреляют в Майю, он хотел бежать к ней, но луг снова не пускал его. Ни к Александре, ни к Майе. Зеленый луг взял его в плен...

Он проснулся, уже не зная, что было сном и что не было, но царапины и укусы горели на его коже. Все равно не верилось и не понималось. Это было, да, – но что это было? Почему оно было? Зачем, отчего? Опустошенность, изумление, потрясение, восторг, отвращение водили хоровод в его мыслях и чувствах, и хоровод этот назывался хаосом...

Был почти полдень, никто к нему не шел, и он тоже не стал никого звать, чтоб отстегнули. Голова гудела, теперь уже неизвестно отчего: от удара ли клюкой по затылку (у Вени там свинец в ручке, что ли?) или от пережитого ночью потрясения... Он был – наверное, спасибо надо Майе сказать – прикрыт одеялом и чувствовал, что брюки его и прочие предметы туалета находятся на своем месте. Что уже было совсем неплохо, не хватало только, чтобы Веня зашел и застал в голом виде с пристегнутыми руками...

Черт! Он даже не заметил, погрузившись в марево своих ночных потрясений: он не был пристегнут! Наручников на нем не было.

Алексей, однако, медлил вставать. Прислушивался: в доме было тихо. Ага, вот чьи-то шаги. Легкие, Майины...

– Проснулся? – Она была очень бледна, лиловые круги легли под глазами, волосы затянуты в строгий пучок на затылке.

Алексей сел на постели. Он не знал, как реагировать на ее фамильярное, но без тени улыбки «проснулся?», он не знал, что надо – или не надо – говорить после такой ночи; ему бы хотелось просто спросить ее: «Зачем? Зачем вам это нужно?», но вопрос был бессмысленным, потому что она все равно не ответит. С другой стороны, у него были вопросы поважней.

– Доброе утро, – сказал он в ответ самым нейтральнейшим тоном. – Вам следовало разбудить меня пораньше, у меня много дел.

– У тебя больше нет никаких дел, Алеша. Ты свободен. Можешь уходить. Если хочешь, позавтракай сначала, Веня приготовил омлет с грибами.

Та-а-к, вот это новости! Ей-богу, тронуться можно от этой девицы!

– То есть я больше не заложник? – решил уточнить Кис.

– Нет.

– И чему я обязан моей свободой?

– Веня считает, что моя затея с тобой была неразумной.

– Ты спрашивала его мнение перед тем, как подобрать пистолет киллера? – Кис совершенно не обратил внимания на то, что тоже перешел на «ты».

– Нет...

– А перед тем, как сунуться в прямой эфир?

– Нет...

– А теперь вдруг решила спросить?

– Дело в том, что... На самом деле я всегда сама принимаю решения. Но мне трудно что-то решить, когда рядом со мной двое мужчин, несогласных между собой. И, поскольку вы согласия не достигнете никогда, мне придется отказаться от одного из вас.

– От меня.

– Да, – кивнула Майя. – Веня – мой старый друг, я не могу ему не доверять.

– Понятно, – сказал Кис. Майино решение его задело. Но он не желал этого показывать. – Завтракать не буду, спасибо. Умоюсь и поеду.

Он прошел мимо Майи, оставшейся стоять в дверях, едва не толкнув ее плечом. Она смотрела ему вслед, пока он шел в ванную, и Алексею показалось, что она была разочарована.

Он вышел из ванной спустя минут пятнадцать, Майя сидела в гостиной, словно ждала его. Алексей молча прошел мимо нее к окнам. Осмотрел, проверил ручки. Все так же молча он снова прошел мимо, не глядя на нее, отворил дверь в ее комнату, изучил в ней окно, затем постучал в дверь Вени.

– Его нет, – произнесла Майя. – Он поехал за покупками.

Кис вошел, глянул на окно, вышел. На очереди была входная дверь. Майя встала и пошла за ним, с любопытством наблюдая за его действиями. Замка была два, оба очень простые.

– Веня не опасается грабителей?

– У него нечего грабить, – ответила Майя. – А что ты делаешь?

– Пытаюсь понять, как убийца собирался попасть в дом. В тот момент, когда ты открыла дверь, он, скорей всего, просто осматривал ее, чтобы решить, каким способом лучше забраться...

Кис вышел во двор, Майя за ним. Он огляделся. Забор был хоть и высок, но вполне одолим. Одна из крупных елей росла почти вплоты, с той стороны можно было забраться сначала на нее, затем легко прыгнуть на крышу сарая, а с него на землю.

– А что ты теперь ищешь?

– Хочу понять, как он во двор попал.

– Понял?

Алексей объяснил. Майя ответила ему восхищенным взглядом.

– Прямо как детектив какой-то, – сказала она.

– Он самый. Только не в книжке, а в жизни, что значительно хуже... А это что?

К забору был прикреплен листок с нарисованной от руки мишенью. Мишень была пробита с краю пулей.

– Я тренировалась.

– И как?

– Вот... Одна из четырех... – она улыбнулась, словно извиняясь за свою неметкость.

Кис вспомнил звуки выстрелов во сне. Их было как раз четыре.

– Послушай, Майя... Ты решила довериться мнению Вени... И что Веня предлагает?

Нет, нет, он не хотел задавать этот вопрос! Он вовсе не желал вступать в конкуренцию с Веней! Алексей ненавидел навязываться: если его не зовут, не хотят, то и не надо, до свидания. Но, черт возьми, вопрос вырвался помимо его воли: он боялся, что без его участия эти двое наломают дров... И тогда он уже ничем не сможет помочь. А случись что с Майей – он знал, будет считать виноватым себя.

– Пока ничего.

– Да ты хоть отдаешь себе отчет, что тебе оставаться тут нельзя? – взорвался он, не выдержав. – Рискуешь не только ты, но и твой Веня!

– И ты тоже, – грустно ответила Майя. – Если останешься с нами. Я эгоистка, но не до такой степени, чтобы подставлять других из-за моих глупостей...

На несколько секунд эта фраза растрогала его, почти до комка в горле. Но тут же эмоции были сбиты простой мыслью: совершенно очевидно, что после подобной фразы он должен проявить благородство и заявить, что он ее не оставит. Иными словами, Майя вовсе не хотела, чтобы он уходил. Тогда что происходит – Веня ее вынуждает? Как все это понимать прикажете?

Послышался шум мотора. Возвращался Веня.

– Дай я тебя поцелую... – драматически прошептала Майя. – На прощание...

Она встала на цыпочки и поцеловала его в губы. Ночные сцены нахлынули на Алексея, в голове помутилось, он еле устоял на ногах. Черт бы ее побрал, эту девчонку, она его нарочно провоцирует! Что за игру она ведет?!

Майя вытащила из кармана наручники и печально вручила их Кису:

– Твоя вещь, забирай. Мне чужого не надо.

Веня въехал во двор. Выбрался из машины, хмуро поздоровался с Алексеем и стал вынимать сумки из багажника.

– Алексей Андреевич нас покидает, – сообщила Майя. – Я ему сказала, что он больше не заложник, и он решил уехать.

– Скатертью дорожка, – откликнулся Веня, искоса глянув на Киса.

– Э-э, нет, – заявил Кис, – так дело не пойдет! – Он уселся на ступеньку крыльца и вытащил сигареты. – А ну-ка, рассказывай, что ты затеяла, Майя? Сначала ты меня активно выпроваживаешь, а теперь заявляешь, что я решил вас покинуть, чуть ли не с намеком, что в беде?

– Проверка на вшивость, – весело сообщила Майя. – Я дала тебе элегантную возможность струсить и отвалить отсюда, спасая свою шкуру. А ты ею воспользовался.

– Вот кретинка, – в сердцах сказал Кис. – Психолог доморощенный. А ты не подумала, что...

– Что ты гордый? Подумала. Только поздно. Я иногда слишком поздно соображаю.

«В лесу родилась елочка, в лесу она росла...» Детский сад, право слово.

Хотя...

То, что произошло ночью, мало вязалось с детским...

Хотя...

В самозабвенном ее нахальстве – или в нахальном самозабвении? – что-то есть тоже детское... Такое природное, первобытное, первозданное, не ведающее условностей и сомнений...

Боже милосердный, ну что ей стоило похитить кого-нибудь другого?!

Кис хотел осмотреть окрестности дома в надежде найти машину, на которой приехал ночной убийца, но Веня его не пустил.

– Раз вы остались – то по-прежнему на правах заложника. Я за вами буду следить, никакой инициативы без моего контроля и никаких телодвижений без спроса. За ворота вы не выйдете, я не хочу, чтобы вы знали, где находится мой дом. И с Интернетом покончено, вы тут находитесь без права переписки.

Майя на эту раздраженную тираду только плечами пожала: мол, что я могу сделать, хозяин здесь Веня.

Веня отправился на поиски машины сам. Кис меж тем благоразумно решил позавтракать – раз уж остался. Поедая остывший омлет с грибами (ничего не скажешь, Веня хорошо готовил!), он расспрашивал Майю, которая составила ему компанию, налив себе чашку чаю. Его интересовали звонки, исходившие из этого дома.

Оказалось, Майя звонила дважды, оба раза по мобильному телефону Вени. Первый звонок, еще позавчера, – семейному шоферу, охраннику и наиболее доверенному лицу по имени Гоша, чтобы узнать, как поступили с телом Марка. Гоша просил не волноваться, тело в холодильнике морга, будет ждать, пока Майя Максимовна сможет присутствовать на похоронах.

Второй звонок, вчера, был Бориске. Майя узнала, что обещанные материалы готовы и ждут ее. Она как раз хотела сказать об этом детективу, но тут убийца... Сами понимаете, слегка не до того было...

– Больше никому?

– *Дважды*, дорогой Алеша, – это, к твоему сведению, означает, что я звонила *два раза*. И я тебе уже сказала кому! Собственно, тебе зачем?

– Как-то ведь убийца вас вычислил! Поскольку за ребят я уверен, как за самого себя, то...

– И напрасно. В себе-то нельзя быть уверенным, а уж в других...

– У вас, Майя, очень ограниченное представление о людях.

Он намеренно вернулся к «вы» – он вовсе не хотел, чтобы она подумала, что он остался здесь в надежде на еще одну ночь с ней. Нет, он не только не хотел, чтобы она так подумала, – он и самой ночи не хотел!

Впрочем... «Не хотел» – это не совсем то слово... Он бы предпочел *избежать*, вот так будет точнее. Если она вдруг снова явится, он ей это скажет прямым текстом.

Майя в ответ только фыркнула:

– Знаете, в вашей упрямой и тупой порядочности есть в конечном итоге что-то пикантное!

– Короче, – проигнорировал ее выпад Кис, – ваши звонки могли оставить следы на определителях. И по ним вас вычислили те, кто вами интересуется. Другого объяснения я не вижу.

– Вы и остались здесь из-за нее!

– Из-за кого – «нее»? – напрягся Алексей.

– Из-за вашей непомерной порядочности, – пожала плечами Майя.

Спасибо всем богам Олимпа сразу: его хотя бы не подозревают в том, что он остался «из-за нее» – из-

за Майи!

– Ну не будьте вы таким букой! – улыбнулась она. – У меня есть для вас интересная новость: я вас нанимаю, Алексей Андреевич. Вы больше не заложник.

– У Вени на этот счет другое мнение.

– Мнение Венички можно оставить за скобками. Ваш гонорар меня устраивает.

– Вы еще не знаете какой.

– Не имеет значения. Вы согласны?

– Учитывая, что я и так уже три дня занимаюсь вашими делами...

– Эти три дня я тоже оплачу.

Кис усмехнулся:

– Да я не к тому. Просто, похоже, у меня нет выбора.

Вернулся Вень, сквозь зубы процедил, что никакой машины в окрестностях не наблюдается.

Странно. Не на электричке же приехал убийца? Все в его поведении как-то нелогично. Если он собирался Майю похитить, то, зная (или хотя бы предполагая), что в доме еще двое мужчин, хозяин и заложник, ночной гость должен был прихватить с собой тряпицу с хлороформом. Или, если модернизация уже охватила широкие слои киллеров, – баллончик с парализующим газом, чтобы девушку мгновенно и бесшумно нейтрализовать. И в этом случае машина должна находиться недалеко – ведь ему бы пришлось нести Майю на руках.

Но нет машины, и усыпляющих средств тоже нет. Следовательно, цель его была не выкрасть Майю... Мог ли он рассчитывать добиться от Майи сведений о компромате, зная, что в доме двое мужчин? Которые не могли не вмешаться? Сомнительно.

Тогда – он либо рассчитывал справиться один со всеми, либо он и не за этим пришел. Остается – пришел убить. Но почему не убил, пока она брыкалась в его руках? Не был готов? Не успел вытащить пистолет? Не успел достать из сумки нож? Решил, что еще успеет с девицей управиться, а пока просто пытался заставить ее замолчать?

Но в таком случае, увидев, что Майе удалось переполошить мужчин и уже нет никакого смысла скрываться, отчего же он не выхватил пистолет и не перестрелял всех троих?

Что-то ускользало в этом ночном происшествии от Алексея, что-то не вязалось, не выстраивалось в стройную схему... Что?

День шел вязко, тягуче. Голова была плохой, слишком много оказалось впечатлений для Алексея, выбивших его из привычного образа жизни.

Все уныло слонялись по дому и двору, словно узники психушки. Кис снова перемалывал в уме странное поведение киллера, крутя его во все стороны. Он стянул у Александры новое для него словечко «парадигма»^[8] и обозвал им свою систему подборки возможных объяснений одному факту. Саша над ним посмеивалась, но Киса словечко более чем устроило. Алексей стремился рассматривать вероятные причины как можно шире, включая случайные. Он всегда удивлялся, сталкиваясь в фильмах или книгах с фразой «интуиция подсказывает мне...», после которой доблестный сыщик быстро и безошибочно шел к финалу. С точки зрения Киса, подтвержденной весьма приличным опытом, интуиция была всего лишь одним из инструментов, причем далеко не самым совершенным, хотя и поражающим иногда своей

эффективностью. На самом деле возможных объяснений одному факту было всегда множество, и прежде чем довериться интуиции, Алексей желал рассмотреть всю «парадигму». Вот и сейчас он встраивал в «парадигму» очередное объяснение: киллер вовсе не имел намерения проникнуть в дом этой ночью, он просто осматривал дом, вычисляя, как в него лучше попасть. Но Майя поломала его планы, услышав шорох за дверью и распахнув ее с излишне поспешной гостеприимностью перед киллером... От неожиданности бедолага и повел себя так непрофессионально... Чем не вариант, а?

– Пойду клубники соберу, – сказала Майя.

– А я работать пойду, – заявил Веня и направился к подвалу. На пороге он вдруг остановился и улыбнулся широкой и неискренней улыбкой. – Ведите тут себя прилично! – натужно пошутил он и уколол Майю жгучим взглядом.

А ведь Веня ночью приходил... Да, приходил, Кис совершенно забыл об этом! И наблюдал всю сцену, вернее, самый ее интересный момент... Ну конечно же, Веня просто ревнует! Нет, куда там «просто» – Веня подыхает от ревности, Веня уже хватает воздух ртом, Веня отчаянно хлопает жабрами, Веня бьет в агонии хвостом по льду... Вот и причина его отвратительного расположения духа! Друг детства в статусе плюшевого мишки, названный братец Иванушка, ну-ну...

Сестрица Аленушка была права: не пей, Веня-Ваня, из копытца – в козленочка... В козла обратишься. С рогами.

Кис остался в гостиной один. Он посмотрел на Майю в окно, как она, выставив напоказ попку, собирает ягоды, и быстро отошел от окна, – нет, он не хотел на нее смотреть. И клубники не хотел.

Взгляд его упал на книжные стеллажи. На одной из полок лежал мобильный Вени. Такую возможность нельзя было упустить, и Кис с любопытством нажал кнопки. Высветились три последних номера, по которым звонили с этого телефона. Алексей запомнил их.

– Хотите позвонить?

Майя стояла в дверях с тарелкой ягод.

– Размышляю, как мы будем управляться без телефона, когда уйдем отсюда. Ни вашим, ни моим мы пользоваться не сможем. Думаю, не попросить ли у Вени его мобильный...

– А мы уйдем отсюда?

– Разумеется. Здесь оставаться нельзя, неужели непонятно?

– Послушай... Послушайте, а ведь у нас есть мобильник убийцы! По нему нас никто не вычислит, ведь никто не знает, что он у нас!

– Он выключен. Вам, наверное, известно, что, когда телефон включают, надо ввести пин-код. Вы его знаете?

– Нет, откуда...

– То-то, – отрезал Кис.

Не хватало им еще только звонков с заказами на убийства!

* * *

К вечеру все же вырисовался кое-какой план, хоть и смутный. Кис пригласил Веню с Майей в гостиную.

– Похоже, вы собираетесь сделать торжественное заявление? – Веня был все так же угрюм, его доброжелательность первых дней выпарилась безвозвратно, прокаленная в тигле ревности.

– Типа того, – кратко ответил Кис. – Можете наливать.

– Хорошая мысль, – отозвалась Майя, забравшись в кресло с ногами, – организуй, Веничка!

– У меня коньяк кончился. – Веня скосил глаза в сторону Киса.

– Так откройте другую бутылку, – невозмутимо отозвался детектив. – Там, в вашей бочке, в глубине.

– Вы у меня все облазили, да? – возмутился Веня.

– Я – детектив, и это называется «осмотреть». Не будьте жмотом, Веня. Я вас предупредил, что заложники вводят в расходы.

Получив из рук недовольного Вени свою рюмку, Кис приступил к делу:

– Итак, Майе здесь оставаться нельзя. Как только заказчики поймут, что исполнитель исчез, они заподозрят худшее и сюда будет направлен новый киллер, а то и целый отряд.

– Какая глубокая мысль! – всунулся Веня. – Без вас бы не догадались!

– Заткнись, Веня, – тихо сказала Майя.

Тот бросил на нее злой взгляд, но замолчал.

– Самым разумным было бы отправиться на Петровку, – сказал Кис. – А труп сдать. Глядишь, и найдется в милицейской картотеке этот тип, обрастет фамилией, биографией и списком черных дел – и раскрутятся от него ходы к заказчикам. А там, с высокой вероятностью, докажется и невиновность Майи.

Майя звонко расхохоталась.

– Так я и знала! Ну чего, спрашивается, можно ждать от мента, хоть и бывшего? Вы до такой степени предсказуемы, что я могу всю вашу логику, психологию и заодно всю вашу жизнь расписать наперед!

– Я тоже знал, что вы так ответите, – сухо ответил Кис. – И поэтому у меня есть второе предложение. Вы оказались между милицией и мафией. Милиции вы не доверяете – напрасно, но дело ваше, – мафии тем более. Значит, на данном этапе надо попытаться проскочить между ними. Конечная ваша цель, как я понял, – это собрать максимум доказательств, что ваша «мафия» не выдумка, что она реально существует, называется конкретными именами и представлена конкретными лицами, которые готовы на все, чтобы вас нейтрализовать, – от подставы до убийства. После чего вы хотите заручиться поддержкой и пристальным вниманием прессы к вашему делу, что станет, как вы считаете, гарантией вашей безопасности. Только тогда вы согласитесь обратиться к милиции. Я правильно изложил?

– Иногда вы меня радуете мыслительными способностями. А то я чуть было не разочаровалась в вас.

Вот так бы встал сейчас и отшлепал бы, прямо по этим ягодицам, что бесстыдно торчат из-под шортиков! И в угол бы поставил! На всю ночь!

– Правда, я надеялась, что вы сумеете убийцу найти, – добавила Майя ехидно. – Это было бы самым эффективным решением вопроса. Вас на телевидении так расхваливали, прямо лучше в мире нету сыщика! Но вы, похоже, не слишком прытко...

– Я ведь уже объяснил: мне нужна информация для расследования.

– А вам ее недостаточно?

– Шутите? У меня в руках только ваша версия да несколько расплывчатых сведений, которые я получил по Интернету. А теперь Веня и вовсе лишил меня связи!

– А разве убийца, приходивший ночью, не доказательство?

– Майя, у вас с головой все в порядке? – осерчал Кис. – Он ведь даже оружия не вытащил! Почему? Веня поторопился стрелять, и теперь мы не знаем, зачем он приходил и кто его послал! У него в карманах, совершенно случайно, не оказалось чистосердечного признания с указанием адресов и фамилий его нанимателей!

– Ох, ну не сердитесь вы так! Я просто не подумала! Я же вам говорила, я иногда плохо соображаю...

– Да и как этим доказательством воспользоваться? Кому его предъявлять будем, если ваш Веня тело спрятал? – Кис сурово посмотрел на Веню, тот опустил угольные глаза к стакану. – Короче, нам нужно не просто уходить отсюда, а отправляться к вашему Бориске за документами. Возможно, что в них и окажется та ниточка, которая приведет нас к заказчикам... Позвоните ему и договоритесь о встрече на завтра.

– Bravo, – вякнул Веня, – какая глубина мысли! Без ваших мудрых правительственных указаний народу совсем непонятно, как жить дальше!

Майя бросила на него уничтожающий взгляд, и Веня снова уткнулся в свой стакан.

– Безусловно, непонятно, – снизошел до ответа Алексей. – Вы, к примеру, подумали, что Майя в розыске? Что ее портретами располагает вся милиция? Что ее задержат на первом же километре?

О, он был доволен произведенным впечатлением! Майя смотрела растерянно, у Вени вытянулось и без того длинное лицо.

– А... что же делать? – Майя поежилась, как от холода, и вдруг собралась в комочек, как тогда, в первый вечер, обхватила колени руками, подбородок уперла в колени и стала похожа на маленькую затравленную обезьянку.

– Менять внешность. Гримироваться. Парик или перекрасить волосы, очки, другая одежда и так далее.

– Здорово! – напряжение исчезло, руки разомкнулись, колени расслабились, и она, поерзав, уселась по-турецки в кресле. – Маскарад, ура!

– Вряд ли мы чем-то рискуем сегодня ночью, – продолжал Кис, – но завтра здесь уже нельзя оставаться. С утра Веня должен купить вам все необходимое для маскарада.

– Э-э, нет! Я сама должна выбрать!

– Это опасно. Вам лучше не появляться в общественных местах.

– Но я не могу доверить мужчине такое тонкое дело!

– Вот как? Еще недавно вы утверждали, что Веня знает ваши вкусы и вообще дизайнер!

– Да, но... Маскарад – это не то же самое! Я еще сама не знаю свои вкусы в другом облике! И потом, в этой дыре – кто тут меня искать будет?

– К вашему сведению, ориентировка на вас распространяется по всем отделениям милиции, во всех городах.

Майя так расстроилась оттого, что забава не получалась, что Кису ее даже стало жалко.

– А я загримируюсь... – канючила она. – Я надену косынку, подведу брови черным, надену очки от солнца...

– Если мы с тобой вдвоем уедем, кто этого детектива сторожить будет? – неожиданно вписался Веня. – Ты ему еще и наручники вернула! Так хоть бы его приковали к креслу... Мы уедем, так он не только

в бар залезет, но и в компьютер! Нет уж, ты должна остаться!

Смешные, право. Как будто, если бы Кис уж так хотел залезть в компьютер, эта мелочь рыжая могла ему помешать! Впрочем, пусть тешатся иллюзией.

– Тогда оставайся ты! И сторожи его! А я в магазин поеду одна!

– Ты не знаешь города, – отрезал Веня. – Ты еще какого-нибудь мента остановишь и спросишь, как проехать, с тебя станется, – мрачно добавил он. – Сиди здесь, я сам тебе все подберу. С каких это пор ты перестала мне доверять?

– Майя, – строго сказал Кис, – прекратите капризничать! Вы не можете ехать в город. Точка.

– Хорошо, – надулась Майя, – черт с вами! Только имей в виду, Веничка, если ты мне не то привезешь, буду гонять тебя туда-обратно до тех пор, пока не буду довольна всеми покупками!

– Далее, – вернул их к теме Кис. – Майя меняет внешность, и мы едем вместе с ней, изображая супружескую пару.

Цыганские Венины глаза недобро сверкнули. Э-э, милый мой, теперь ты не оставил даже шанса на сомнения в природе вашей «дружбы» – по крайней мере, с твоей стороны!

– Это зачем? – процедил Веня.

Майя тихо, но вполне издевательски усмехнулась, глядя на него.

– Ищут молодую одинокую женщину определенного типа внешности, – спокойно пояснил Кис. – «Супружеская пара» не привлечет к себе внимания.

– Вы больше похожи на дедушку с внучкой, чем на супружескую пару! – не удержался Веня.

– Нынче такие супружеские пары в моде, – парировал Кис.

– А что ты волнуешься, собственно? – холодно спросила его Майя.

Веня почему-то сник от ее вопроса, как провинившийся школьник.

– Да нет, я... Ничего я не волнуюсь! Поезжайте, мне-то что!

– Вам тоже следовало бы сменить адрес на некоторое время, – обратился Кис к Вене. – Здесь оставаться опасно.

– Не ваша забота.

– Вениамин, вы взрослый человек и решать, естественно, будете сами. Но... Вы отдаете себе отчет, что, придя сюда по Майину душу и не найдя ее здесь, эти охотники вытрясут душу из вас? Причем в самом прямом смысле? И никто вам не поверит, что вы и в самом деле не знаете – а вы не будете знать, – где прячется Майя?

– Не глупее вашего! Сам разберусь.

– Хотелось бы в это верить... Или... Надо думать, что вы уже обо всем позаботились, но просто не хотите мне говорить... Да?

– Катитесь-ка вы... к чертям собачьим! – как истинный джентльмен, Веня удержался от мата при даме.

– Кроме того, вы должны понимать, что я при первой возможности должен буду сообщить об убийстве киллера.

– Имейте в виду, мы оба покажем, что стреляли вы и тело закопали в лесу вы! – вскинулся Веня.

Кто же ему поверит, Веничке? Слово Вени против слова Киса на Петровке? Ну, насмешил. Уж не

говоря о том, что Веничка наверняка оставил немало следов, по которым эксперты легко вычислят «могильщика»... Однако Кис не счел нужным возражать.

– Вы сможете завтра организовать нам мобильный телефон на чужое имя?

Веня подумал, поскреб бороду. Итогом его размышлений было согласие.

– Ну что ж, брифинг можно считать оконченным. Пора на покой. Завтра нужно все сделать максимально быстро, к вечеру нас тут уже не должно быть... – подытожил Кис. – Я первый в ванную!

* * *

Он спал плохо, он ждал Майю, просыпался, прислушивался, не идет ли, снова засыпал и снова просыпался.

Она не шла.

Вот и хорошо, что не шла.

Черт возьми, она не шла!

Бог мой, он ее ждал...

Если бы пришла, сказал бы: уходите.

Но она не шла!!!

Он был разочарован.

Нет, он был зол!

Нет, он был в гневе!

На себя. За свое проклятое, предательское ожидание.

Мерзавка. Маленькая мерзавка, нагло влезшая в душу и в постель.

Алексей любит Александру. Алеша любит Сашу. Кисанов любит Касьянову.

К черту эту рыжую чертовку!!!

Некоторое время спустя, когда он счел, что Майя уже точно не появится и все спят крепким сном, Кис вышел из комнаты. Прислушался: тихо. Спустился в подвал, в компьютерную комнату. Включил компьютер.

Кис сам толком не знал, что именно хочет найти, но Веня так ревностно оберегал свой компьютер, что в конце концов раздражил любопытство детектива.

К компьютеру был подключен модем-автоответчик, и Алексей без труда обнаружил в проводнике его программное обеспечение. Что ж, для начала неплохо: на страничке конфигурации факсов он нашел данные Вениамина: простецкую фамилию Смирнов и номер его телефона. Адреса не было, но при наличии фамилии или номера телефона это будет легко установить. Хоть будет знать Кис, где гостил.

Следующим этапом был журнал модема, фиксирующий входящие звонки на этот номер. Стационарный телефон у Вени звонил крайне редко, за все эти четыре дня всего-то раза три, не больше. Речь, насколько Кис мог слышать, шла исключительно о работе, два из трех разговоров были по-английски. Жаль, что модем не фиксирует исходящие звонки, хотел бы Кис знать, кому звонили эти двое с домашнего телефона...

Но оказалось, что Венин модем фиксирует и исходящие тоже. Приятно иметь дело со специалистом

по компьютерам, все предусмотрено для лучшего обслуживания частных сыщиков...

Номер был всего один, датированный сегодняшним днем, звонки за предыдущие дни были стерты. Кис запомнил и его.

Теперь глянем электронную почту. Алексей решил написать Саше несколько нежных слов – со вчерашнего утра они не выходили на связь... Пусть завтра Веня злится, увидев, что Кис залез в его компьютер!

Однако, странным образом, никакой программы электронной почты он в компьютере не обнаружил. Значит, Веня пользуется связью только через Интернет... Но как выйти на нужный сайт, Кис не знал. Можно было бы покопаться в «Истории» интернетовских файлов – адрес сайта в ней непременно оставил следы... Но зачем, когда рядом стоит телефон? И у Алексея есть отличная возможность позвонить Александре, пока никто не подслушивает.

Было бы также очень неплохо позвонить по всем найденным номерам и узнать, кто и как на них откликнется. Но в доме было два аппарата: один наверху, в гостиной, второй внизу, у компьютера. Если набирать по нижнему, верхний может тренькать.

Подумав, Кис решил забрать верхний телефон-трубку с собой в компьютерную комнату.

Он тихо поднялся наверх и вдруг услышал голоса в Вениной комнате.

Алексей замер, прислушиваясь.

– ...мы с тобой обо всем договорились, отвяжись. Даже Марик знал и кушал.

– Да? И потому за тобой шпионил?

– Это его личное дело.

– Ты с детства была шлюхой!

– Эка новость!

– Приличные женщины себя так не ведут!

– Так не люби меня, Веня, не люби! Я неприличная, я шлюха, я тварь продажная, я плохая во всех отношениях. Не люби, не проси, не желай – забудь такую дрянь! Я тебя не уговаривала меня любить, между прочим.

– Знаю... Но не могу.

– А не можешь, тогда чтобы я больше не слышала подобных текстов! Иначе...

– Иначе что?

– Пошлю тебя к одной гостеприимной старушке, чертова бабушка называется!

– Это тебе не так просто будет сделать!..

– Ты мне угрожаешь?

Молчание.

– Это угроза, Веничка? – вкрадчиво переспросила она.

– Нет... прости... я вне себя от твоих выходов... – тихо забормотал Веня, и Алексей придвинулся поближе к двери, чтобы расслышать его слова. – Ты знаешь ведь! Знаешь, что я тебя люблю как сумасшедший... я тебе никогда не сделаю ничего плохого... Просто я не могу это видеть!

– Твои проблемы. Не хочешь – не смотри, я тебя не звала. Все условия между нами обговорены

давно, ты их принял, теперь выполняй!

Майя тоже понизила голос, и Алексей сделал еще шаг, едва при этом не уронив Венину клюку, приставленную к бочке. Но вовремя ее поймал и бесшумно водворил на место.

– И имей в виду, Веничка, – продолжала Майя. – ...Тсс ! – вдруг прошептала она. – Тебе не показалось... Ты не слышал ничего?

– Когда я с тобой, я ничего не слышу!

Тихое шлепанье босых Майиных ног приблизилось к двери, и Кис резво задвинулся за кресло.

– Ну и напрасно, – донеслось до него отчетливо, прямо из-за двери. – Жить надо свою жизнь, Веня. А не мою. Радуйся утру, радуйся вечеру, наслаждайся своим бытием. А не сохни из-за шлюхи... До чего мужчины глупы, боже ты мой.

– Только скажи, скажи одно: ты сдержишь обещание?

– Веня, ты всегда переспрашиваешь по десять раз?

– Я... Нет, прости, ты права, я просто...

– Ты просто дурью маешься, вот что!

– Если любовь называется дурь – тогда я ею маюсь...

– Я пошла спать.

Кис быстро проскользнул к себе в комнату и забрался в постель. К счастью, Майя проследовала к себе. Алексей решил переждать какое-то время – сейчас возвращаться в подвал было опасно.

Интересно, что за обещание дала Вене Майя? Что значит «мы с тобой обо всем договорились»? И что за смутная угроза прозвучала в Вениных словах?

Он задремал, однако скоро проснулся. В доме стояла тишина. Кис предпринял небольшое путешествие к обеим дверям: за Вениной слышалось негромкое похрапывание, Майина комната была безмолвна. Но она спала тихо, теперь он это знал.

Взяв телефон из гостиной, Кис снова спустился вниз. Набрал для начала единственный номер, зафиксированный модемом Вениного компьютера. На том конце отозвался автоответчик: «Вас приветствует туристическое бюро Агата...» Хм, турбюро? Уж не намылился ли Веня за границу? А что, его поведение...

Эта история с закопанным трупом, он ведь понимает, что когда-нибудь детектив выберется от них и сообщит – не может не сообщить! – об убийстве киллера... Как это Веня сказал? «Мы вдвоем покажем, что его убили вы»? Ерунда, бородач и сам понимает, что ерунда, детский лепет. Однако он на удивление спокоен.

Кис живописал Вене опасность, которой он подвергается, оставаясь в доме. Однако и страшная картинка не произвела на Веню никакого впечатления. Храбрый Веня нисколько не боится ни милиции, ни мафии. И вот каковы причины его храбрости: он здесь не останется! Свалит за границу. В вояж? Или по контракту на работу? Скорее, последнее. На работу, причем хорошо оплачиваемую – русские головы ценятся повсюду, среди компьютерщиков всего мира конкуренцию им составляют только индусы...

Из трех номеров, которые запечатлел Венин мобильный, два должны были принадлежать шоферу-охраннику Гоше и Бориске. Третий так и остался загадкой: его не признали ни Майя, ни Веня. Кис набрал их

в том порядке, в котором звонки были сделаны.

Первый же откликнулся сонным, но чеканным голосом: «Слушаю!» Такой дисциплинированный голос мог принадлежать только охраннику.

– Гоша? – спросил Кис.

– Так точно! – откликнулся голос, и Кису показалось, что Гоша даже щелкнул каблуками или, скорее, стукнул босыми пятками под одеялом.

Алексей отключился. Этот номер можно забыть.

Второй был похож на номер мобильного. Верно, по нему откликнулся автомат, сообщивший женским голосом, что абонент недоступен.

На третьем включился не менее дежурный автоответчик, предложивший перезвонить на данный номер попозже.

Ну что ж, Кис непременно перезвонит, будьте спокойны.

С бьющимся сердцем он набрал номер Саши. Ее нежный, сонный голос ответил ему, и он почувствовал, как его охватила нервная дрожь.

– Прости, родная, я тебя разбудил...

– О чем ты, Алеша, – выдохнула она обрадованно, – какая разница! Я так рада тебя слышать... Ты где?

– Все там же.

– В заложниках?

– Нет, уже нет. Пытаюсь разобраться в этом деле...

– Разумеется. Я достаточно хорошо знаю тебя...

– Девушка эта вляпалась всерьез, она в опасности. Прошлой ночью ее пытались убить, передай Сереге... Теперь она моя клиентка.

– Конечно, Алеша, я понимаю.

– У тебя все в порядке?

– Не волнуйся за меня.

– По Интернету мы больше не сможем связаться, но я позвоню тебе, как только будет возможность...

– Будет – так будет, а не будет – не страшно. Не дергайся. Ты же знаешь, я всегда жду тебя...

...«Любимый», – она хотела добавить «любимый»...

Но не сделала этого.

Кис отключился и невидящим взглядом уставился в компьютер. Сердце его разрывалось на части.

* * *

Он чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда две горячих ладошки сомкнулись у него на груди. Она действительно ходит бесшумно, эта Майя!

– Не спится? – раздался тихий голос у него за спиной.

Он промолчал.

– Ты меня ждал этой ночью, да?

На это он тоже не ответил.

Ладшки соскользнули ниже. Алексей был вполне строен, но непроизвольно втянул живот – и он себя ненавидел за это, за желание показаться стройнее, чем он есть. За желание понравиться ей.

– Что ты тут выискиваешь, ищейка? – Майя коснулась губами его макушки, где едва начали редеть волосы, и Алексей снова проклял себя, уловив подлый страх, что она заметит этот признак подступающей лысины. – Ты на меня работаешь или против меня?

– Доверяй, но проверяй, – буркнул Кис.

– А я сейчас Веню позову, – сладко пропела она, и ладошки скользнули еще ниже.

– Зови, – сказал он, из последних сил безразлично.

– Он тебя за свой компьютер убьет. Он за него и маму родную убьет, это его идол, он на него молится.

– А мне показалось, что он молится на тебя.

– Тебе всего лишь показалось, – вкрадчиво проговорила Майя, меж тем как ладошки достигли цели.

Алексей замер. Нет, это выше его сил.

Нет, этого он не выдержит.

Нет, пора этому положить конец!

Нет, эта наглая девица, эта рыжая бестия, эта малолетняя путана – она выводит его из себя!!!

Он вдруг распрямился и резко встал.

Майя, отброшенная его рывком, приземлилась на пол. Венин медвежий халат добровольно соскользнул с плеч, обнажив ее до талии, подвязанной пояском. Она комфортно уселась по-турецки прямо у его ног и подняла глаза. Выражения ее глаз он не понял. В них было, кажется, желание? В них было, похоже, обожание?!

Нет, он не собирался вникать! Он стоял, возвышаясь над ней, глядя на нее сверху вниз, не зная, что делать. Впрочем, он знал: надо было уйти. Но выражение ее глаз мешало. Оно было слишком смиренным. Оно было слишком беззащитным. Ну просто собачий преданный взгляд. Уйти – все равно как ударить. Ударить беззащитное животное, доверившееся ему... Черт знает что, одним словом.

Вот он и стоял. Возвышаясь над ней. Вид сверху открывал весьма интересный ракурс на ее грудь.

Она смотрела снизу.

– Ты не веришь, да?

– Чему? – спросил он сухо.

– Что я могу тебя любить.

– С какой стати?

– Ты не поймешь. Ты глупый, ограниченный мент.

– А ты тонкая душа, сложная и непостижимая?

– Примерно.

Надо было уйти. Надо было промолчать. Надо было...

Или просто: *не* надо было.

– Ты любишь Александру?

– Тебя не касается.

– Это не ответ.

Уйти! Не отвечать!

– Люблю.

– Почему?

– А так бывает: почему? Разве любят – почему? Любят, потому что любят.

– Ты глупый.

– Слушай, детка, шла бы ты...

– Ну ты же меня хочешь. Правда?

– Шла бы ты спать!

– Признайся!

Ну все, хватит! Кис сделал шаг назад.

– Подожди, не уходи! – Она обхватила его ноги и прижалась к ним щекой. – Ты понимаешь, что я люблю тебя *ни с какой стати*?

Он не ответил.

– Мне от тебя ничего не надо!

– Слава богу, повезло.

– Я тебя люблю *просто так*. Сама не знаю почему.

– А мужа, стало быть, ты любила не просто так?

– Это только добрый боженька любит нас всех просто так. А люди любят всегда за что-то. За красоту, за ум, за обаяние, за успех, богатство, власть и прочие составляющие. И ты, ты тоже вряд ли любил бы свою Касьянову, если бы она была укладчицей рельс...

– У меня никаких «составляющих» нет. Ни тех, ни этих. Так что можешь отдыхать.

– В том-то и дело! У тебя их нет, а я в тебя влюбилась!

– Сочувствую. Но ничем не могу помочь.

– Врешь. Ты ко мне равнодушен.

– Равнодушен – еще не значит любовь.

– Тоже верно.... Неужели ни капельки?

Молящий взор снизу, руки обвивают его колени. Скажите, пожалуйста, ну как в такой ситуации быть жестоким? Ну никак. Никак невозможно.

– Слушай, девочка... Видишь ли, дело в том, что...

– Сердце твое занято?

– Примерно так.

– А туда никак две женщины не поместятся? Пойми, мне ничего от тебя не нужно. Ничего! Мне не нужно замуж, мне не нужно денег – да у тебя их и нет, – мне не нужно... *Ничего*, понимаешь? Я просто хочу

тебя...

– Майя, давайте закончим этот разговор. Он нас никуда не приведет, все это бессмысленно...

– Пожалуйста, не уходи, ты даже не представляешь... Нет, я сама не понимаю почему, но меня так тянет к тебе... Мне нужно просто, чтобы ты ко мне прикоснулся... Я не знаю, что в тебе такое, что за тяга...

Самым диким во всем этом было то, что похожие слова он уже слышал!

От Александры.

И, повторенные Майей, они вызвали в нем протест – она не имела права говорить и чувствовать так же, как Саша! Она была совсем другая, эта Майя, она была примитивной распущенной девчонкой, она была...

И в то же время, невероятным образом, эти Сашины слова, произнесенные «распущенной девчонкой», открывали потайную дверцу в его душу... Дверцу, которую он считал бронированной!

Она приподнялась, и ее руки заскользили по его брюкам – вверх. Алексей решительно не знал, что делать.

– Умоляю, молчи, ничего не говори, просто молчи и не мешай мне, прошу тебя... – горячно бормотала она.

Уйди!

Она встала на колени, ее пальцы вцепились в застёжку его брюк.

Немедленно уйди!

Первая пуговица.

Он стоял, как парализованный.

Вторая пуговица.

Вот сейчас, прямо сейчас – уйди!!!

Третья пуговица.

Кис схватил Майю за запястья, сильно сжал. Она подняла к нему лицо, полное мольбы. Кис молча откинул ее руки и вышел из комнаты. Майя осталась стоять на коленях, посередине, одна, глядя в пол.

У него снова разрывалось сердце.

Проклятье!

О сне и речи быть не могло. Майя виделась ему так, как он оставил ее: полуобнаженную, на коленях, с опущенной головой, рассыпанными по плечам волосами, прямо Мария Магдалина – смиренная и униженная. Униженная им. Он испытывал стыд – никогда еще не приходилось ему унижать женщину. И жалость. Два эти чувства каким-то неведомым образом переплавлялись в другое, которому он не хотел даже подбирать слова. Но оно лезло само: *желание*. Образ этой смиренной грешницы, униженной им, распял его, раскалял его до умопомрачения.

Остаток ночи он думал о давней истории с женой, о ее измене. До него вдруг сейчас дошло все то, что он упустил раньше: сначала ее легкую отрешенность, бродячую улыбку, некстати появлявшуюся на губах, – тогда он не догадался, совсем не догадался, что это вестник надвигающейся любви, другой любви, не к нему... Тогда она еще была нежна с ним по ночам, она еще продолжала любить его, уже начиная любить

другого... Потом ее отчуждение, холодность, попытки избежать близости с ним... И тогда он тоже ничего не понял, ничего. Мог ли он ее остановить? Нужно ли было ее останавливать? Или просто надо было самому все осознать и сказать: иди. Иди к нему, раз уж так вышло... Но он не понял, не заметил, не догадался.

Потом – воспринял как предательство. Они все скрыли от него – она и его лучший друг, Славка. Тогда Алексей был однозначно уверен в своей правоте: они должны были прийти к нему и сказать прямо: так, мол, и так.

А вот теперь... Теперь вдруг ему показалось, что он понимает: это было невозможно. Чтобы сказать ему, они должны были быть уверены в своих отношениях. А отношениям нужно время. Вот не может же он сам сказать сейчас Александре: ты знаешь, так вышло, я тут немножко увлекся одной девчонкой... Нет, конечно, нет! Собственно, говорить-то не о чем. А когда и если он сочтет, что есть о чем говорить, то для Александры это будет поздно. Она уже не простит. Она расценит как предательство. Точно так же, как в свое время Кис.

Но только этого никогда не будет. Он этого не допустит. Он сумел уйти сегодня. И так будет и дальше, как Колобок: я от бабушки ушел, я от дедушки ушел и от Майи уйду...

Да, уйду.

* * *

Он встал поздно, больной и хмурый – бессонные ночи давали себя знать. Майя уже примеряла парик.

– Ну как, хороша я?

Она была лучезарна, никаких следов обиды или гнева за его бесцеремонность, которой он казнился всю ночь.

Кис деловито осмотрел все причиндалы. Парик был очень хорошего качества, светлый шатен, стрижка «каре»; темно-зеленая юбка до колен, короткий пиджачок того же цвета, простые кремовые босоножки на маленьком каблучке. Майя уже успела изменить макияж, придав рукам и лицу цвет легкого загара, помада с оттенком рябины, зеленоватые легкие тени. До того она почти не пользовалась косметикой, кроме туши для ресниц и легкой розовой, почти натуральной помады, и ныне этот макияж вкупе с одеждой и париком взрослил ее лет на пять и к тому же простил, придавая ей куда более скромный образ начинающей деловой женщины.

Алексей счел, что маскарад вполне удался. Майя, весьма довольная его похвалой, удалилась к себе в комнату собираться.

Однако через минуту Кис вежливо постучал в ее дверь. Майя открыла.

– Вы договорились с Борисом? – спросил он ее.

– Не могу его застать, – беспечно пожала она плечами. – Не отвечает.

– А как вы вообще условились?

– Что я позвоню и скажу, когда смогу прийти.

– Так звоните каждые пятнадцать минут!

Алексей счел рискованным брать машину – ни свою, ни Майину. Их номерами могла располагать не только милиция, но и те, кто охотится за Майей. А посты ГИБДД – они, за редким исключением, готовы услужить тем, кто готов платить за услуги...

Он вытащил из своей «Нивы» портфель, сложил в него кое-какие мелочи, запихнул туда же сумочку киллера со всеми его причиндалами, оба трофейных пистолета и мобильный телефон, который Веня сумел каким-то образом организовать для них. Кис не стал спрашивать, как именно: в Москву ли мотался для оформления или у знакомых одолжил – ему без разницы.

Майя собрала свои вещи в матерчатый рюкзачок, приобретенный Веней.

Кажется, все было готово.

Они стояли посреди гостинной, осматриваясь – ничего ли не забыли.

– Вы когда улетаете? – невозмутимо спросил Кис у Вени.

– Куда? – опешил Веня.

– За границу.

– С чего вы взяли... И вообще, это не ваше дело!

– Ну-ну, – сказал Кис. – Только улетайте поскорее. Повторяю, вам здесь нельзя оставаться.

– Не пойму, как только я раньше жил без ваших советов!

Веня вывез их на своей машине и оставил на въезде в Москву, у метро «Алтуфьево». Первым делом Кис купил телефонную карту и направился к автомату, пока Майя набирала на их новом сотовом телефон Бориски.

Домашний номер Александры не отвечал. На ее мобильный он звонить не стал: где она, с кем, в чьем присутствии будет говорить?

Он с тяжелым сердцем повесил трубку. И с чувством вины. Он не стал разбираться, откуда оно, это чувство: некогда. Может, потом... Сейчас есть срочное дело: Бориска.

Однако телефон Бориски, по которому Майя, поглядывая на спину Киса в автомате и нервно постукивая ножкой об асфальт, исправно звонила без остановки, по-прежнему не отвечал.

Кис взял у нее аппарат: «Диктуйте номер!»

– Я, по-вашему, не в состоянии сама правильно набрать? – обиделась Майя.

– Диктуйте!

Но чуда не произошло, и в руках Алексея автоответчик продекламировал все тот же унылый и безликий текст. Зато теперь Алексей знал, который из трех номеров принадлежал Бориске.

– Адрес его помните?

– Если мы играем супружескую пару, то придется вам напрячься и перейти на «ты», – заметила Майя.

Алексей вздохнул. Маленькая бестия была права.

– Так помните?

– Зрительно. Это в Черемушках.

– Едем, – сказал Алексей и направился к метро.

– На метро-о? – капризно удивилась Майя.

– Если вас... тебя не устраивает, тогда на такси, – проворчал Кис. – Деньги у тебя есть?

– Имеются.

– Прекрасно. У меня нет. Я на телевидение шел, а не в заложники. Так что вы меня берете на содержание.

– Как ты тонко заметил, заложники вводят в расходы.

– Во-во.

– Только ты со вчерашнего дня больше не заложник.

– Тем более. Накладные расходы за счет клиента, – буркнул Алексей.

Был ранний вечер, шесть часов, светло и жарко – лето. Алексей намеренно подгадал их поход к этому времени, когда народ начинает стекаться в жилые районы и легко раствориться в толпе. К тому же был шанс, что деловой Бориска тоже подтянется к дому.

Он жил в непритязательной пятиэтажке. Кис не удивился: он уже не раз сталкивался с тем, что люди, весьма не бедные, но занятые сомнительными делами, предпочитают не засвечиваться роскошными квартирами и престижными адресами.

Однако на звонок в дверь никто не ответил. Они решили подождать.

Спустя час на звонок по-прежнему никто не отвечал. Они перекусили в кафе у метро, снова вернулись. Борискина квартира молчала, телефон тоже.

Найдя укромную лавочку во дворе, они прождали до часу ночи. В начале второго Кис осторожно разбудил Майю, прикорнувшую у него на плече.

– Я попробую заглянуть в квартиру. Сиди здесь, никуда не уходи... Хотя нет, тебя нельзя оставлять одну, мало ли, пьянь какая... Пошли.

Они поднялись снова на четвертый этаж. Кис, позвонив безрезультатно в дверь, достал отмычки и тонкие резиновые перчатки – две пары, одну из которых протянул Майе: «Надень». Он провозился долго, замки были хитрыми, но все же уступили спустя минут двадцать.

Они шагнули в темную прихожую. Кис достал фонарик.

– Сколько тут комнат? – прошептал он.

– Две, смежные.

Он направил луч на дверь, тихо приоткрыл. В свете, падавшем из окон, можно было разглядеть комнату метров в шестнадцать, исполнявшую роль гостиной и кабинета одновременно: круглый обеденный стол, покрытый клеенкой, другой стол, письменный, с компьютером. Беспорядок царил в доме редкостный, вещи валялись повсюду, видеокассеты вперемешку с бумагами покрывали стол и пол.

– Ну и бардак, – прошептала Майя.

– Тсс, стой здесь, не двигайся. Это не бардак, это следы обыска.

Майя молча вцепилась в рубашку Алексея.

Кис обвел лучом фонарика всю комнату, всматриваясь в детали, после чего, отцепив от себя Майю и велел ей не двигаться с места, прошел вперед, к двери в другую комнату. Тихо ее распахнул, направил луч в глубину.

Предчувствие его не обмануло. В этой комнате тоже все было вверх дном, а возле широкой кровати, посреди вещей и бумаг на полу лежал труп. Мужчины.

Кис вернулся к Майе. В темноте глаза ее блестели, она смотрела вопросительно на Алексея.

Кис взял ее за руку.

– Пожалуйста, спокойно, ладно?

Она быстро закивала головой, если не сказать – затрясла.

– В той комнате труп.

Майя сильно сжала руку Алексея, но ничего не сказала.

– Нужно, чтобы ты посмотрела на него: это Борис или нет. Сможешь?

Она перевела дыхание и снова кивнула.

– Тогда пойдем. Держись за мою руку, старайся не наступать на вещи.

Они продвинулись к спальне, и Кис навел луч на мужчину. Он лежал на животе, голова была повернута в сторону кровати. Большое лопуховое ухо нелепо торчало вверх. Кис обошел крупное тело, ведя за собой Майю, присел на корточки, осветил лицо мертвеца. Над переносицей мужчины чернела аккуратная дырочка, входное отверстие от пули.

– Смотри внимательно, это он?

Майя снова судорожно кивнула – казалось, она лишилась дара речи.

Кис дотронулся до мертвеца. Тело было холодным, трупный запах уже ощущался отчетливо. По всей видимости, Бориска был убит пару дней назад.

Кис распрямился.

– Сомневаюсь, что мы найдем здесь то, за чем пришли... – он обвел рукой комнату. – Скорее всего, за этим же приходил тот, или те, кто убил Бориску...

– А может, его убили из-за чего-нибудь другого? – робко спросила Майя.

– Попробуем понять. Когда ты говорила с ним по телефону?

– Позавчера, утром.

– Что он тебе сказал, слово в слово?

– Что он сумел раздобыть то, что я просила... Документы и видеозаписи...

– Документы в каком виде, не сказал?

– На дискетах.

– Хорошо. Здесь не так мало света с улицы, поэтому займись сбором всех дискет, которые найдешь в квартире. Положи к себе в рюкзак, мы их просмотрим потом. По ходу дела загляни в бумаги, которые тут валяются, если что-то тебе покажется любопытным – зови меня. Видеокассеты собери в отдельную стопку. А я пока в компьютер к нему наведу.

Майя опустилась на четвереньки и стала ползать по полу, собирая отовсюду дискеты и заглядывая в разбросанные по полу листки.

В компьютере Кис обнаружил два жестких диска. Папки с различными документами были на обоих. Побегав мышкой минут пятнадцать по экрану и не найдя ничего любопытного, хотел уж было выключить компьютер, но внезапно его осенила мысль. Он снова открыл «Проводник», отыскал в меню нужные параметры и выбрал строчку «Показывать скрытые файлы и папки», ОК. После чего заново уставился в список документов. На втором, дополнительном диске высветилась папка, которая называлась «Майя». Он щелкнул на нее.

– Кажется, я нашел, – сказал он спустя некоторое время. – Речь шла, как я помню, о борделях и о наркотиках?

– Да...

Кис пошел в туалет, открыл стенной шкафчик, за которым прятались трубы, – в таких типовых квартирах хозяева почти всегда хранят инструменты именно здесь. И впрямь, за дверцей оказались ящики с инструментами, а в одном из ящиков нашлась и маленькая отвертка.

Вернувшись к компьютеру, он выключил его и, установив фонарик так, чтобы луч падал прямо на компьютер, стал отвинчивать боковую панель.

– Что ты делаешь? – прошептала Майя.

– Жесткий диск вынимаю, – ответил Кис. – Эти дискеты, – кивнул он на стопку, собранную Майей, – могут содержать важную информацию, мы их использовать для записи не сможем. А чистых нет. Что у тебя?

– Вот, это все, – она указала на две стопки, дискет и видеокассет. – В бумагах ничего интересного не обнаружила, насколько можно разглядеть в этом свете, а в ту комнату я ходить боюсь.

Кис включил видеоманитофон.

– Садись и просматривай кассеты. Нам их не в чем унести, к тому же с видеоманитофоном у нас напряг. Просматривай начало, потом проматывай треть и снова смотри. Если ничего, имеющего отношение к вашему договору, нет – ставь следующую. Время терять нельзя.

Майя села перед телевизором на пол, ноги по-турецки, и стала проматывать кассеты. Кис разобрал окончательно компьютер, вынул второй диск и поставил боковую панель на место.

Он спрятал диск в портфель и вернулся в спальню. Снова склонился к телу, но в тусклом свете фонаря он мог мало что разглядеть и сказать точнее, когда наступила смерть... Эксперты приедут и разберутся, что и когда здесь произошло. Похоже, Бориску убили сразу, а обыск делали потом. Он, видимо, открыл убийце дверь сам... Во всяком случае, дверь не была взломана, хотя замки хорошие и дверь укрепленная. Означает ли это, что Бориска знал человека, который пришел к нему? Или убийца представился слесарем, почтальоном, соседом снизу, посыльным (ненужное зачеркнуть)... Занавески не задернуты – скорее всего, убийство произошло позавчера во второй половине дня, когда еще было светло. Ночью осторожный хозяин не открыл бы «слесарю», а утром Бориска был еще жив и говорил с Майей по телефону...

С другой стороны, если его убили сразу, как только он открыл дверь, то почему тело оказалось в спальне? Что-то тут не вяжется. Тогда, допустим, он по каким-то причинам впустил убийцу в дом. Произошел некий разговор. От Бориски – под дулом пистолета, к примеру, – потребовали выдать информацию. Он пошел в спальню, может, там держал приготовленный для Майи пакет? И, как только убийца получил искомое, он выстрелил... Да, но если убийца получил искомое, зачем ему было делать обыск?

Нехотя Кис вернулся к телу, снова осмотрел. Ничего похожего на следы борьбы. Логично, под дулом пистолета не поборешься... Стараясь не дышать, Кис перевернул голову мертвеца. С другой стороны ухо оказалось разорванным и окровавленным. Кис вернул голову в исходное положение.

Тогда вот что получается... Убийца – очень возможно, что тот же самый, который приходил ночью в Венин дом, – потребовал от Бориски документы. Бориска попытался отнекиваться. И тогда убийца прострелил ему ухо... После чего тот счел, что лучше не спорить. Он пошел в спальню и так далее...

А обыск? Может, Бориска сделал неосторожное движение и киллер выстрелил раньше, чем получил

пакет с компроматом? Ну да, как же, держи карман шире, – такой аккуратный выстрел при неосторожном движении не получился бы...

Где-то должна находиться пуля, разорвавшая ухо Бориске. По ней можно установить место, с которого стрелял киллер. Но в этой темноте ничего разглядеть нельзя, а свет Кис зажигать не будет. Да ему, собственно, подробности и ни к чему. Самое главное он уже узнал.

Кис перебрал вещи и бумаги, валявшиеся на полу и на кровати. Ни дискет, ни кассет в этой комнате не обнаружилось.

– Что у тебя? – негромко спросил он.

– Пока ничего.

– Еще много осталось?

– Две.

Покончив со спальней, Кис снова вернулся в гостиную. Майя выключила телевизор:

– Ничего интересного.

Что ж, эту квартиру можно было покидать. У Киса оставалось только еще одно, последнее дело. Он направился к телефону.

– Какой номер у Вениного мобильного?

– Зачем тебе? – прошептала Майя.

– Ты ведь с него звонила Бориске.

Майя назвала номер, и Кис убедился, что он благополучно зафиксировался определителем.

– Ну, вот и ясно, как тебя нашли, – сказал он. – Мы можем уходить.

Ответа от Майи не последовало. Он обернулся.

Она сидела на полу, в углу, обхватив колени руками и уткнувшись в них носом. Юбка прикрывала колени, дурацкий парик закрывал лоб – сейчас в ней не было ничего вызывающего, ничего провоцирующего, ничего от ее обычной нахально-раскованной манеры. Маленькая испуганная девочка.

– Пойдем, – Алексей протянул ей руку.

Она подняла лицо, в глазах блеснули слезы. Ухватившись за руку, поднялась и побрела за ним к дверям, не выпуская его руки. И вправду, «дедушка с внучкой», вспомнил Кис Венины слова.

На улице она прижалась к нему, тихо всхлипывая. Он погладил ее по голове, вернее, по парику.

– Идем. Не стоит торчать под соседскими окнами.

Они поймали машину, но у ближайшего же телефона-автомата Кис велел притормозить, чтобы оставить Сереге на автоответчике короткое сообщение с адресом Бориски.

* * *

Такси привезло их на дачу Киса. Дача была маленькой и старенькой: две комнаты плюс застекленная веранда. Печка, рукомойник с тазом, в сенях ведро воды, удобства во дворе – лачуга против Вениных хором. Пахло деревом и немного плесенью – Кис редко бывал на даче, дом не протоплен, отсырел. Ночь оказалась довольно прохладной, он раскрыл все окна, впуская свежий воздух, и одновременно решил растопить печь, чтобы прогреть дом и прогнать застоявшийся запах плесени. Он провозился долго,

отсыревшие дрова не хотели разгораться, но наконец язычок пламени принялся с урчанием облизывать темные поленья.

Они пили чай из облупленных керамических кружек на веранде, за простым столом, сколоченным из досок еще отцом Алексея, под старым абажуром из апельсинно-оранжевого шелка с бахромой. Ночь тепло и уютно разместилась вокруг абажура, как кошка на батарее. Треск огня их успокоил, а чай разморил окончательно.

Алексей ждал на веранде, пока Майя мылась у рукомойника. Он закурил. Слишком много событий произошло за последние несколько дней, и все они никак не желали складываться в ясную картину. Он до сих пор плутал во тьме, на ощупь, выхватывая отдельные факты и не зная, как их соединить с остальными...

– Майя, у вас есть подруга, Алена, кажется? – крикнул он.

– Мы на «ты»! – донеслось до него.

– Ну да. У тебя.

– Имеется такая.

– Она тебе близкая подруга?

– Я не лесбиянка.

– Я не имел в виду...

– Близкая.

– Ты ей доверяешь свои секреты?

– Ну, смотря какие...

– Об этом деле говорила?

– В общих чертах.

– Что значит – «в общих чертах»?

– Сказала, что скоро достану компромат на высокопоставленных лиц.

– И все?

– Кажется, я упоминала, что речь шла о проституции и наркотиках.

– А о Бориске?

– Нет.

– А любовник у тебя есть?

Майя показала на террасе с полотенцем в руках.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ответь.

– У меня нет любовника.

– Интересно, почему я тебе не верю?

– Наверное, потому что ты недоверчивый.

– Или потому, что ты говоришь неправду?

– Ну, было несколько случайных связей...

– Случайных?

– Проще говоря, я спала с несколькими разными мужчинами. Но они не были моими любовниками.

Кису понадобилось некоторое время, чтобы уловить разницу.

– То есть, кроме постели, вас ничего не связывало? – решил уточнить он. – Никаких отношений?

– Именно. Зачем тебе?

– Ну кто-то же навел убийцу на Бориску! Следовательно, этот кто-то знал, что ты с ним в сговоре. Кто? Кому ты могла проговориться?

– Никому. Кроме Лермита, который меня с ним и свел... Думаешь, Бориску убили из-за меня?

– У него на определителе остался Венин номер. Похоже, что киллер, покончив с Бориской, направился прямиком за тобой, минус время, которое понадобилось, чтобы по найденному номеру телефона установить Венин адрес. Далее, у Бориски что-то искали. Учитывая, что мы не обнаружили обещанных тебе документов – во всяком случае, видеокассет, дискеты завтра просмотрим, – все говорит о том, что приходили за той информацией, которую Борис приготовил для тебя. И ее получили. На жестком диске эти материалы сохранились, они были спрятаны, и их не нашли. Или не искали.

– Значит, кто-то должен был навести убийц на Бориску? А уже через него они вышли на меня?

– Ну да.

– И кто же это?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Я понимаю... Глупости говорю... Может, и впрямь Лермит? Я устала, извини. Завтра, может, голова прояснится...

– Иди ложись. В маленькой комнате, я уже постелил. Я там тебе мою пижаму положил, если хочешь.

– А ты где будешь спать?

– Раскладушку поставлю.

– Спокойной ночи, Алеша.

Кис помедлил. Снова – «Алеша»...

– Спокойной ночи, Майя...

Он выкурил еще пару сигарет, размышляя. Потом вернулся в комнату, загасил огонь в печи, вымыл керамические кружки, поставил раскладушку, постелил на нее старое ватное одеяло, нашел в огромном сундуке под окном подушку. Постельное белье находилось в комнате, где спала Майя, он забыл взять заранее и теперь решил ее не беспокоить. Ему не привыкать спать одетым.

Майя показалась в дверях в тот момент, когда он собрался погасить свет.

– Может, ты будешь спать со мной? Там достаточно места, у тебя кровать широкая...

– Полуторная. – Он тайком улыбнулся: Майя была уморительно смешной в его пижаме.

– Ну, я за половинку сойду, а ты за целого.

– Мне вполне удобно на раскладушке, спасибо.

– Иди ко мне, – жалобно сказала она, – мне холодно, я никак не могу заснуть.

Кис встал, но, против ожидания Майи, пошел не к ней, а к большому сундуку и вытащил оттуда плед.

– Укройся еще и этим, будет тепло.

Он сильно сомневался в том, что ей холодно. Не более чем предлог, чтобы затащить его в постель, – печь топилась в общей сложности пару часов, в доме было не то что тепло – жарко.

Он забрался со страшным скрипом в раскладушку, укрылся с головой.

– Погаси свет по дороге, – донеслось из-под одеяла до Майи.

Она постояла с пледом в руках, растерянно глядя на неясную массу его тела на раскладушке, скраденную одеялом. Повернулась и, не сказав ни слова, погасила свет и закрыла за собой дверь в комнату.

Алексей уже начал засыпать, когда из-за двери до него донесся голос Майи:

– Я сразу поняла – тебя только изнасиловать и можно!

Кис посмотрел на часы: к его удивлению, прошло лишь десять минут с того момента, как она ушла к себе в комнату.

– Тебе руки отстегни – ты же не будешь знать, что с ними – или ими – делать! Что ты можешь, бедняжка? Что ты умеешь? Ведь в твои времена, как гласят предания, секса не было! – она громко засмеялась. – То ли дело в наручниках, – отсмеявшись, продолжала Майя из-за двери, – тут ничего уметь не надо, на полном, можно сказать, пансионе... Хотела бы я знать, как ты с твоей Касьяновой в постели управляешься! Она тебя тоже пристегивает? Чтобы не позорился? Или ей удалось тебя слегка отдрессировать?

Разозлился он, разозлился. Ох, как бы он... Он бы ей показал, нахалке, что он умеет! Да только...

Ничего он не будет доказывать этой вульгарной девице. Кис перевернулся на бок и демонстративно захрапел.

За дверью Майи наступила разочарованная тишина.

Но и на этот раз – обманчивая и короткая. Еще минут пятнадцать спустя она открыла дверь и встала в проеме, завернутая в плед. Может, ей и впрямь было холодно, нервный озноб?

– Не притворяйтесь, Алексей Андреевич, не притворяйтесь! Вы и так слишком много притворяетесь в вашей жизни. Такой положительный, такой правильный, такой порядочный, такой скромный, во всем умеренный – пьете умеренно, курите умеренно, на женщин смотрите умеренно... Вы – цивилизный монах, добровольно наложивший на себя тысячу запретов! А я вам – не верю! Я ей не верю, этой вашей благостной правильности! Вы сами уговорили себя, что так надо, но на самом деле в вашей душе бушуют страсти, и ваше робкое, трусливое воображение лишь иногда осмеливается ночами нарисовать запретные, грешные сцены... Вы не живете, нет, – вы пребываете в этой жизни визитером, осторожно присевшим на краешек стула, опутанным правилами приличий и всякими скудными понятиями «хорошо – плохо»! А ваши глаза в это время голодным волком смотрят на меня – на женщину, которая способна подарить вам неслыханное наслаждение! Но куда там, вы этот взгляд прячете! И ладно бы только от меня – от самого себя! Вы никогда себе не признаетесь, что мучаетесь ночами от жажды близости, что вы терзаетесь в попытках понять, играю я с вами или нет. О, вы прекрасно знаете, что стоит вам только меня позвать – и я приду, и ваша страсть, самые ваши потаенные желания будут насыщены и исполнены... Но нет, вам же нужно сначала разобраться, серьезно это с моей стороны или нет! Если это не более чем игра – ни мне, ни

вам индульгенция отпущена ни за что не будет! Вы ведь все делаете только всерьез! Но если вдруг вы сочтете, что это серьезно... А, здесь уже можно как-то чем-то себя – и меня заодно – извинить!

Но тут следующим номером вашей программы вступит размышление о верности, «серьез» того обязательно требует: а как же нравственный долг? А как же верность ненаглядной Касьяновой?! Ваша дисциплинированная душа запуталась в трех соснах примитивной морали... А жизнь-то ваша, Алексей Андреевич, ваша единственная и личная, – и вы рискуете ее растратить на раздачу придуманных вами и всем обществом долгов! Как пресно, как невкусно вы живете!...

– А вам-то что? – буркнул Кис из-под одеяла, в котором он, однако, оставил щелочку, чтобы видеть Майю. – Как хочу, так и живу, мое дело.

– Мне? Меня бесит это ваше благодушие! Меня ваша тупая железобетонная порядочность провоцирует, мне хочется ее разбить, поломать, выпустить вашу душу на свободу!

– Свобода несовместима с порядочностью?

Майя вдруг съехала по дверной притолоке на пол и села к нему в профиль, обхватив колени.

– Собственно... На самом деле мы все повязаны этими путами, никуда от них не деться в обществе... Но мне противно, когда люди врут себе! Будь сколько угодно порядочным, но знай, что в твоей душе живет бездна неудовлетворенных желаний, пропасть неизведанной страсти, – тогда, при этом знании, порядочность приобретает совсем другой смысл... Настоящий. Праведник, Алексей Андреевич, не тот, кто не ведает соблазнов. Праведник – это тот, кто честно себе признается, что хочет; точно знает, что может, но при этом все равно отказывается от соблазна. Вот признайтесь себе, что вы жаждете близости со мной, что желание уже прожгло ваши внутренности, что пламя пожирает ваш воспаленный эротическими видениями мозг; потом скажите себе: вот она, Майя, на расстоянии вытянутой руки, стоит только сделать один шаг...

Майя поднялась, сбросила с плеч плед и встала перед ним во всей красе своего обнаженного тела, устремив на него, прямо на щелку в одеяле, дерзкий и зовущий взгляд.

Алексей закрыл глаза. Потом открыл их. Если бы он и хотел сделать этот шаг, то не смог бы: его парализовало волной такой тяжелой страсти, что он не был в состоянии ни дышать, ни пошевелиться. Казалось, что грудь и все тело сдавило чем-то безжалостно раскаленным и увесистым, как каток для асфальта.

– А вот теперь, – проговорила она глубоким, внезапно охрипшим голосом, – теперь откажитесь от меня. Если сможете. Только тогда ваша порядочность равна мужеству. Только тогда вы – личность. А не пошлость и посредственность...

Она ступила назад, в комнату, волоча плед за собой, как мантию, и, пятясь, медленно закрыла дверь.

Занавес. Аплодисменты.

Кис с большим трудом перевернулся на другой бок.

* * *

Первым делом с утра Кис просмотрел все найденные у Бориски дискеты только для того, чтобы убедиться в том, что искомых материалов на них нет. После чего принялся развинчивать свой старенький дачный компьютер, чтобы вставить в него жесткий диск, изъятый у Бориски. Не зная модели компьютера Бориски, опасался несовместимости «железа»...

Но все обошлось, и вскоре «старичок» раскочегарился, опознал дополнительный диск и высветил его содержимое. Кис открыл Борискину секретную папку.

В ней находились сканированные копии документов и короткий комментарий, сделанный Бориской.

Из материалов, которые Кис прочитал внимательнейшим образом, следовало, что ряд крупных правительственных чиновников образовал фонд «Гаудеамус», целью которого была помощь и поддержка студенчества. Прямой задачей фонда являлась материальная помощь особо одаренным студентам – «формирование цвета нации и ее интеллектуального потенциала», как было сказано в программе фонда.

Фонд оброс разными ассоциациями и фирмочками, которые в русле основного направления решали тем или иным образом студенческие проблемы. До этого момента все было вполне пристойно. Но вот одна из таких фирмочек занималась вывозом студентов за границу: по обмену на учебу, на стажировку, в недорогие турпоездки, на летнюю работу во время каникул. Предусматривался также спортивный и культурный обмен: шахматный студенческий тур, фестиваль студенческих театров и так далее.

Судя по всему, именно эта фирмочка и служила «окном в Европу»: некоторые бумаги достаточно откровенно намекали на то, что «летние работы» планировались в борделях Бельгии и Голландии, а шахматисты и актеры вывозили в своих аксессуарах наркоту, идущую из бывших южных республик СССР.

Бумаги служили для внутреннего пользования, на них редко мелькали грифы, но все же среди них было несколько с названиями министерств. Сами по себе эти документы из компьютера едва ли могли служить доказательством, но навести на конкретные организации могли вполне и вызвать весьма пристальный интерес к себе соответствующих органов и прессы – тоже.

Кроме того, в секретном файле Бориски было четыре видеозаписи, но просмотреть их Алексею не удалось: у него не было нужной программы в дачном компьютере. Следовало эту программу срочно раздобыть. С Ванькой надо связаться, вот что. Пацан силен в информатике.

Но и без видеозаписей Кис не сомневался нисколько, что за подобную информацию могли убить. Собственно, уже убили – Бориску. И хотели убить – Майю. Кто следующий?..

С беспокойной душой Алексей набрал номер Вениамина.

– Когда вы уезжаете за границу?

– Откуда у вас мой номер?

– Веня, дело очень серьезно...

– Вам его Майя дала?

– Какое это имеет значение, повторяю, дело очень серьезно! Уезжайте, Веня, срочно уезжайте куда-нибудь.

– Вас послать или сами пойдете?

Кис покачал головой. Потом пожал плечами. Потом выругался вслух, обозвав Веню «м...ом», и набрал номер фирмы «Агата».

– Добрый день, Вениамин Смирнов, я хотел бы изменить дату моего отъезда...

– Минуточку... – откликнулся вежливый женский голос.

Кис подождал у телефона.

Через мгновение женщина снова заговорила, явно глядя в компьютер:

– Так... Вениамин Михайлович Смирнов... У вас билеты в Штаты на послезавтра. На какую дату вы хотели бы перенести...

Алексей отключился.

Хрен с ним. Не маленький. Авось до послезавтра ничего с ним не случится.

* * *

Майя встала около полудня, хмуро сообщила, что у нее болит голова и что она хочет есть.

Алексей только сейчас подумал, что холодильник пустой. Сам он с утра выпил литр чашку кофе с сухариками.

Пришлось отправляться в магазин за продуктами.

– Из дома не выходи, – наказал он Майе перед уходом. – Не хочу, чтобы тебя соседи видели.

– Боишься, что Александре наступят? – с издевкой спросила она, подбоченясь.

Кис удивился:

– При чем тут? Нормальная предосторожность: мало ли кто вздумает справки наводить о нас у соседей.

– А-а... – Майя улыбнулась. – А ты на меня не сердись?

– За что? – невозмутимо поинтересовался Кис.

– Ну, за то, что я тебе ночью наговорила?

– Ты разве что-то говорила? Я не слышал.

Улыбка стерлась с ее лица.

Вернувшись, он застал Майю за чтением Борискиных материалов. Она радостно вскочила ему навстречу.

– Среди всех этих шишек, которые упомянуты в документах, есть один, у которого работает Лермит!

– Хм, стало быть, под шефа копает. В таком случае, для него закладывать Бориску и тебя – смерти подобно. Вот только если хозяева сами его не заподозрили... Хорошо бы узнать, жив ли еще твой французский актер.

Отдав сумки Майе и велел ей приготовить завтрак – Майя скорчила недовольную мину, но Кис ее проигнорировал, – он занялся копированием секретного файла на дискеты.

Закончив, он откинулся на стуле и задумался. Нужно было принять решение, как действовать дальше. Но прежде он хотел уточнить некоторые вещи.

Прежде всего его интриговал неопознанный номер телефона, который был набран с Вениного мобильного. Два из трех номеров Кис уже установил: Майя сказала правду, они действительно принадлежали Бориске и охраннику Гоше. В принципе номера интересовали Алексея только для того, чтобы понять, каким образом вычислили местонахождение Майи. И теперь он это знал: с определителя Бориски. Но дело в том, что от третьего номера отреклись и Веня, и Майя. Веня заявил, что мобильным в последние дни вообще не пользовался. Майя настаивала, что звонила только по двум, а третий ей неизвестен. На повторный вопрос Веня нагрубил и послал детектива подальше.

Кис набрал загадочный номер: телефон по-прежнему не отвечал, сообщив женским голосом, что абонент недоступен.

Ладно, рано или поздно мы до него «доступимся». А пока что перейдем к следующему уточнению.

Он посмотрел на Майю: она хмуро жарила гренки с сыром. Девушка явно предпочитала быть

обслуженной, чем обслуживать. Кис тихо позлорадствовал: ага, принцесса, не все тебе пятизвездочный курорт!

– Куда Веня собрался?

Молчание.

– Майя?

– Зачем тебе?

– Среди всех моих многочисленных недостатков, которые ты так проницательно подметила, ты упустила самый главный: я страдаю повышенным любопытством и люблю совать нос в чужие дела.

Майя перевернула гренки.

– У него контракт на работу. За границей.

– Значит, я не ошибся. В США, не так ли? И что ты ему обещала?

Майя вскинула удивленные глаза. Кис ждал.

– Не поняла вопроса, – наконец ледяным тоном произнесла она.

– Майя, вот только давай без концертных номеров, ладно? Я слышал ваш разговор ночью. Если ты будешь мне врать, то я просто сдам тебя на Петровку. Либо ты мне доверяешь – тогда я могу попытаться тебе помочь, – либо нет. В последнем случае – до свидания.

– Но при чем тут наши с Веней отношения?!

– Возможно, что ни при чем. Мне просто нужна ясная картина всех событий. В конце концов, Веня, явно влюбленный в тебя, мог убить Марка!

– Зачем?!

– Как – зачем? Чтобы освободить тебя! Для себя, разумеется.

– Да? В таком случае он подослал убийцу ко мне тоже, не забывай! И к Бориске! Тоже мне, детектив! Надо же такое придумать! Веня! Да он комара не обидит!

– А почему ты так уверена, что убийство Марка связано с покушением на тебя и убийством Бориски? Ты и Бориска – здесь связь ясно прослеживается через собранный им для тебя компромат. А Марк – вовсе нет. Это могло оказаться случайным совпадением, его могли убить по другим, не имеющим отношения к твоим делам причинам. Ты ведь сама сказала, что ему угрожали. И угрозы были связаны с какой-то долей, верно? В таком случае убийство Марка не имеет никакого отношения к твоему «компромату».

– Его убили, чтобы посадить меня в тюрьму!

– Твой муж был крупным бизнесменом. Такими людьми просто так не жертвуют, чтобы подставить другого. Такие люди либо очень нужны, либо очень мешают. И если Марка убрали, то только потому, что он кому-то помешал. А тебя подставили заодно, а то и вовсе преднамеренно.

– Ты действительно веришь в то, что говоришь? Или ты просто хочешь сбить меня с толку? Да его тысячу раз могли снять выстрелом в любом другом месте! На улице, в машине, в аэропорту! Но нет, убийцам зачем-то понадобилось подстеречь его дома! Причем именно в тот момент, когда я слушала музыку наверху и даже не предполагала, что он вернулся за паспортом! И ты хочешь мне доказать, что меня «подставили заодно»?! Непреднамеренно?! Нет, Алеша, это было сделано очень даже преднамеренно, все было просчитано заранее, включая мои привычки!

– Что ж, доля истины в твоих словах есть. Но и в моих тоже: такими людьми для примитивной

«подставы» не жертвуют. И если наши доли истины совместить, то напрашивается другой вывод: Марк был сам замешан в тех делах, в которые ты сунула свой не в меру любопытный нос. И его убили, полагая, что именно он благословил тебя на твоё расследование и снабдил тебя необходимой базовой информацией... Для тебя же убийство мужа должно было послужить впечатляющим уроком.

– Но Марк ничего не знал о моих раскопках, ничегошеньки!

– Видишь ли, Майя, люди, которые решили убрать Марка, у него не спрашивали, знал он или нет: муж и жена – одна сатана, как известно. Эти люди вопросов не задают. Они делают выводы сами – верные или нет, но свои. И принимают меры в соответствии с этими выводами.

– То есть... Погоди... Выходит, что это я Марика подставила?

– Я этого не утверждаю. Но возможно.

Майя отвернулась от Алексея.

– Это только гипотеза, – мягко сказал он ей в спину.

– Я не хотела... – сдавленно произнесла она. – Я не подумала... Как всегда, не подумала о последствиях... О таких страшных последствиях...

– Гренки горят, – перебил Кис, опасаясь надвигающейся истерики.

Майя кинулась к плите, сорвала сковородку с огня и выложила гренки на тарелку. По дому разнесся резкий запах сгоревшего сыра. Она уставилась на обуглившийся хлеб глазами, полными слез.

– Не страшно, – сказал Кис, – это вполне можно есть.

Он разлил чай, достал две вилки и два ножа, аккуратно обрезаю подгоревшие края гренков, разложил их по тарелкам и тронул Майю за плечо.

Она послушно села, придвинула к себе тарелку. Алексей подождал, пока она немного успокоится, и вернулся к интересующей его теме.

– Ты мне так и не сказала, что ты обещала Вене?

– Ты инквизитор!

– Я инквизитор, садист и чудовище. И вместо сердца у меня камень, сразу предупреждаю.

– Давно заметила! Я тебя ненавижу!

– Польщен. Что ты ему обещала?

– И никто не придет меня спасти от этого людоеда!!!

– Никто, – с усмешкой подтвердил Кис ее худшие опасения. – Ну?

– Ну... Веня в меня влюблен, ты ведь это понял, да?

– Не сложно было.

– Ну да... Так вот, он так давно и так прочно в меня влюблен, что...

Она замолчала.

– Что?.. – поторопил ее Кис.

– ...Как бы это объяснить... Он столько для меня делает... Я Веней постоянно пользуюсь, он для меня вроде как паж – всегда готов услужить... Потом, он ногу сломал из-за меня.. В общем, я обещала ему награду.

– В виде постели?

– В виде того, о чем он мечтает.

– А мечтает он о близости с тобой, не так ли?

– Но при этом я обговорила с ним все условия: он не имеет права претендовать на мою свободу.

– Чем Веня тебя шантажирует? Что он знает о тебе такого, что может угрожать тебе?

– Ничего! – вспыхнула она.

– Я слышал ваш разговор, Майя.

– Ищейка!

– Именно поэтому ты меня и наняла. Так чем?

– Он... Он знает кое-что...

– Из тебя каждое слово клещами тянуть, что ли?

– Ну зачем тебе все это, объясни мне!

– Мало ли! Вдруг вы с Веней вместе затеяли убийство Марка, а теперь он грозит тебе выдачей! – невозмутимо ответил Кис.

– А убийство Бориски? Тоже мы? А киллеру я сама себя заказала, да? Ты на меня уже смерть Марка повесил, теперь еще и Бориску мне пришьешь, да?! – прокричала она, глотая слезы.

– Майя, – поморщился Кис, – не кричи так. Ответь на мой вопрос, и мы покончим с этим. Я не выношу тайн, когда расследую дело. Вот и все.

– Черт с тобой! У меня было несколько любовников, я тебе уже говорила. Один из них, очень высокопоставленный дядечка, потребовал от меня верности – за исключением Марка, разумеется. Дядечка и сам женат, его это устраивало. Я обещала... Но если он узнает, что у меня были одновременно другие мужчины, то может очень рассердиться. А дядечка этот, большой чинуша, способен сделать много неприятностей любому, кто перейдет ему дорогу. Он очень властный и не терпит, когда кто-то действует вопреки тому, что он хочет. Он мне измены не простит.

– Откуда Веня узнал о твоих связях?

– Я по глупости сама ему сболтнула. Ты не поверишь, но я его действительно долго держала за подружку. Знала, что он в меня влюблен, но никогда не думала, что Веня способен использовать мое доверие против меня... Вот и попалась.

– Дерьмо твой Веня.

– А теперь, когда у меня и так столько проблем, если Веня меня заложит, то... То мне уж точно никто не поможет... Даже ты!

– Иными словами, Веня тебя шантажирует. И ты пообещала ему награду...

– Да...

– И собираешься обещание выполнять? Или уже выполнила?

У Киса нехорошо заблестели глаза. Нет, у него ничего к этой развратной девице нет, совершенно нет... Но все же мысль о том, что она в одну и ту же ночь приходила к нему и спала с Веней... О, эта мысль, как хищная крыса, пожирала его внутренности!

Майя съежилась под его взглядом.

– Какое тебе дело?! – вдруг выкрикнула она. – Почему все мужчины считают меня своей собственностью?! Я свободный человек и распоряжаюсь своим телом и своими чувствами как хочу! Да завернитесь вы все, с вашей дешевой ревностью и дешевой моралью мачо! Вы все, все собственники, каждый из вас хочет распоряжаться мной! Крепостное право какое-то, средневековье! А я не желаю, чтобы мной распоряжались! Я сама выбираю, что, и с кем, и когда! Господи, почему этим миром правят мужчины, – взывала она, – эти недоразвитые скоты, у которых все мироздание крутится вокруг головки пениса!

Она плакала, Алексей чувствовал себя виноватым за всех мужчин сразу. По сути, она была права. Люди привыкли называть подобную свободу распущенностью, мораль почему-то всегда со всей строгостью приложима к женщине и никогда – к мужчине, который практически легализовал свое право на ветреность и неверность... Веди себя любая женщина, как Серега, ее бы давно припечатали крепким словечком. А Сереге – ничего, все сходит с рук, непостоянство даже составляет часть его обаяния...

Алексей никогда особо не задумывался об этом. Их отношения с Александрой сложились так, что никто не давал друг другу клятв и не задавал вопросов о верности, это считалось свободным волеизъявлением каждого... И в то же время Алексей понимал, что, измени ему Александра, – ему было бы неимоверно больно. Хотя вот он сам, можно сказать, на грани... Черт побери, какая путаница! Абстрактно говоря, каждый должен быть свободен в своем выборе и в своих желаниях, но, как только выбор осуществлен, он немедленно накладывает путы обязательств...

Правильно ли это, Алексей не знал. Но он вдруг, вспомнив все свои недавние рассуждения о ситуации с бывшей женой, понял отчетливо одно: парадокс заключается в том, что когда *ты* изменяешь – ты чувствуешь свое право на свободу; но когда изменяют *тебе* – ты сразу принимаешься рассуждать о морали...

Хрен знает что, одним словом.

– Кончай реветь, – произнес он примирительно. – В конце концов, Веня ведь уезжает.

– Я обещала к нему приехать, – всхлипнула Майя.

– Вот как? – удивился Кис.

– Только я не поеду, – шмыгнула она носом. – Не дождется!

– Ну и правильно, – рассудил Кис.

Уж кто-кто, а Веня у него не вызывал ни малейшей симпатии.

Он приобнял ее, и вскоре Майя затихла под его рукой.

* * *

После обеда Кис, наказав Майе сидеть тихо и носа на улицу не высовывать, поехал в Москву. Он еще утром договорился с одним из своих бывших клиентов и нынешним другом, Алексом [\[9\]](#), попросил временно помочь с машиной – его, мол, сломалась. И вот теперь он ехал за старым «Москвичом»: Алекс для него нашел, как Кис и просил, «что-нибудь неприязнительное, не привлекающее к себе внимания». Какой ни есть старый, а все машина на ходу, номера которой при этом не находятся в розыске.

Кис подъехал в издательство, где Алекс директорствовал, за ключами от «Москвича». После долгих похлопываний по плечам и краткого обмена новостями он воспользовался хозяйским телефонным справочником и разрешением позвонить. Под давлением детектива Майя все же выдала настоящее имя Лермита и место его работы, и теперь Кис желал справиться о состоянии жизни и здоровья «французского

актера». А ежели тот и жив, и здоров, то встретиться для небольшого разговора. И имеющееся здоровье слегка подпортить, за жабры крепко взять да выяснить: кому трепануть успел о том, что свел Майю с Бориской?

Но Лермита на работе не оказалось: «ушел по делам и сегодня уже не будет». Ну, раз «ушел», так, значит, ноги еще носят. Уже кое-что.

Следующим делом был звонок Ваньке, на которого Кис рассчитывал в подборке нужной компьютерной программы. Он уже было набрал свой домашний номер, но вдруг передумал. Как знать, может, охотники за Майей уже и детектива Кисанова ищут. Все ведь знают, что Кис с ней. Почему бы им в поисках девушки не зайти со стороны Киса? Точнее, со стороны Ваньки? Лично он бы зашел. А противника никогда нельзя держать за дурака, в этом убедил его опыт. Так что лучше Ваньку оставить пока в неведении, где детектив и чем занимается.

И Александру, между прочим, тоже...

* * *

Алексей вернулся к вечеру. Майя, сидевшая у компьютера, поманила его к себе.

– Я начала писать статью, – оживленно сообщила она, указывая на экран. – Совершенно незачем отдавать такие материалы Касьяновой! Я сама напишу обо всем, а ты ей передашь. Скажешь, чтобы нашла, где опубликовать!

– Приготовь чего-нибудь пожрать, устал, как собака, – проговорил Кис, сгребая ее со стула и усаживаясь на ее место перед компьютером. Он закрыл Майин файл и открыл «Проводник».

Майя только ртом хлопнула от возмущения. Но Кис на нее даже не посмотрел.

Всей спиной выражая негодование и разочарование, она поплелась на кухню. Он поднял глаза ей вслед и улыбнулся. Впрочем, через мгновение его глаза уже бегали по строчкам на экране. Черт, где же достать нужную программу, чтобы просмотреть видеозаписи?

После ужина Майя заявила, что ей нужно позвонить кузену Лазарю, по прозвищу Кузя: она хотела попросить его присмотреть за домом и охранниками. Кис не сразу согласился: не хотелось ему, чтобы номер их мобильного лишней раз гулял по определителям. Однако все же сдался на бесконечное нытье: «Ну Алеша, ну пожалуйста, ну мне очень нужно, ну это же мой брат, он никому не скажет!» – И вскоре ее щебетание донеслось до него с веранды, куда она отправилась с телефоном и чашкой кофе:

«Жива, жива и вполне здорова! Ну, Кузенька, ты же меня знаешь, я девушка непредсказуемая, сама себя удивляю! Ничего себе прославилась, я тут от страха трясусь, а ты мне глупости какие-то рассказываешь, кому нужна такая слава...»

Кис попытался сосредоточиться. Но куда там, веселый Майин голосок отвлекал его от дела. Он запустил пальцы в волосы и тупо смотрел на экран, ревниво слушая, как Майя с видимым наслаждением погружалась в свою, неведомую ему жизнь – ту, прошлую, из которой ее выдернула смерть мужа. И будущую, в которой она растворится бесследно, как только дело ее будет закончено...

«...И глянь, поливают ли они сад! Особенно клумбу перед домом, там у меня гортензии, они влагу любят! Потом, скажи, чтобы домработница приходила раз в неделю, чаще не нужно, в доме ведь нет никого!»

Кис оставил свою шевелюру в покое, не забыл пригладить волосы, которые, обрадовавшись нарушению строгой дисциплины, немедленно встали торчком; снова открыл список своих программ и

принялся искать среди них что-нибудь, что можно было бы присобачить к Борискиным видеофайлам. Но ни одна программа не подходила.

«Ты что? Я же не сумасшедшая! Я сначала поддержкой прессы заручусь! Конечно, серьезные, ты как думал? Скоро, очень скоро, Лазорик! Просто на днях!»

Кис вышел на веранду и соорудил Майе зверскую рожу, всеми силами давая понять, чтобы не болтала лишнего. Майя в ответ только рукой махнула и продолжала весело щебетать:

«...Будь спок, они в надежных руках... Как самой себе! Хотя нет, Кузя, – как тебе! Себе-то я совершенно не доверяю! И не без оснований, ты прав! – Она засмеялась. – Я? Тоже в надежных руках. Еще в каких! О, настоящий! С тобой? Еще чего! Он не по этой части, Кузя! Так что придется тебе утешиться главной ролью в будущем сериале, который снимут по этой правдивой истории! Целую, лапуля! Не забудь мои инструкции!»

Ну почему, скажите, почему он должен слушать этот бред?

Майя, сияя, вернула ему телефон, и только сейчас Алексей заметил, что к его спинке приклеена узкая полоска бумаги с номером их сотового, который предусмотрительный Веня написал для них. Кис не запомнил этот номер, он ему был без надобности, их мобильный был предназначен для звонков только в одну сторону, только исходящих, и все же...

И все же его не покидало ощущение, что он уже где-то видел этот номер. Где-то, на каком-то определителе. На каком?

* * *

К ночи Майя, искоса глянув на Алексея, молча ушла спать в свою комнату. Устроившись на раскладушке, Кис некоторое время ждал: выкинет ли на этот раз какой-нибудь фортель маленькая блудница? Но время шло, «блудница» затаилась в своей комнате, может, уже давно и спала; и мысли Киса потекли в другом направлении.

Марк убит выстрелом в сердце. Расстояние было относительно небольшим, да, – но надо уметь и с небольшого попасть *прямо в сердце*. Из Майи, к примеру, стрелок куда как плохой! А зато Веня у нас – охотник... Нет, конечно, тот черный «ниндзя», которого заметил сосед, вряд ли был хромоножкой. Но Веня мог и киллера нанять!

Мафию Майя не выдумала, о чем недвусмысленно свидетельствуют страницы секретных документов, собранных профессиональным компроматчиком и шантажистом Бориской. Но и Веня, в качестве альтернативной кандидатуры, очень неплохо смотрелся в роли убийцы (или заказчика на убийство) Марка Щедринского. Мотив у Венички имеется наглядный, добротный: Майя. И его фанатичная любовь к ней. Согласиться на условия, которые ему выдвинула Майя, – это точно надо быть помешанным! Мол, я буду принадлежать тебе, но при этом спать со всеми, с кем пожелаю! Впрочем, вопрос Вениного вкуса и личной гигиены...

«Забытый паспорт» убийца сам подстроил. Учитывая постоянно раскрытые окна, он запросто мог вытащить паспорт из кейса Марка накануне вечером, вынудив его, таким образом, вернуться домой. И спокойно ждать за окошком появления Марка в гостиной, чтобы выстрелить... Потом киллер заметил колечко с бриллиантом, которое валялось где-то в зоне видимости, перемахнул через подоконник и его прихватил – не устоял малый, такое, в конце концов, тоже бывает. Жмот Веня ему, может, не слишком щедро заплатил, и киллер сам себе устроил прибавку к жалованью... Непрофессионально, да, – но мы уже решили, что не станем ратовать за повышение квалификации киллеров.

В целом примеренная на Веню схема событий смотрится вполне приемлемо: зная о Майином «расследовании», он хитроумно решил воспользоваться ситуацией. Мафия еще спит крепким детским сном и ведать не ведаёт, что там Майя копает-накапывает. Но друг и доверенное лицо Веня – ведает! И Веня не спит, Веня бдит! Он пишет Майе анонимки с угрозами (у анонимок, адресованных Марку, автор, скорее всего, другой, связанный с его бизнесом), о том, что «комар пищит», пока что известно только Вене! И «прихлопнуть» этого комара ему очень хотелось – своим телом, не иначе... Во втором послании Веня разошелся в самых своих смелых фантазиях, описав Майе групповое изнасилование из десяти номеров, – а там за каждым номером Веня стоит, Веня и опять Веня, единый в десяти лицах! Впрочем, слово в «лицах» здесь вряд ли уместно, тут иная часть тела в главной роли...

Дальше Марк устраняется, а Майя шантажируется всемогущим «высокопоставленным дядечкой», чтобы выцыганить у нее обещание стать Вениной любовницей и поехать за ним в Америку. Не годится в этой версии одно: выходит, что именно Веня подставил Майю с убийством Марка. Никак не мог бородач на такое пойти, не для того он ее от мужа вызволял, чтобы в тюрьму упечь. Или он просто не учел, что подозрение падет на любимую женщину? Был уверен, что мафия осенит это преступление своим крылом? С некоторой натяжкой, но допустим. В конце концов, предусмотреть все невозможно. Но как тогда объяснить явление киллера ночью в Венин дом? Разве что...

Разве что Веня и это подстроил? Решил убедить Майю в том, что ей грозит реальная опасность? После ее выступления в прямом эфире мафия, может, еще только-только чесаться начала, справочки наводить, кто такая да что узнать могла... А то и вовсе никто всерьез не воспринял сбивчивое Майино заявление... Зато у Вени в сценарии следующая сцена под названием «явление киллера» была уже готова, и по плану следовало ее разыграть. Киллера он позвал, чтобы просто *напугать* девчонку. Тогда объясняется, почему убийца оружием не воспользовался: пугать ведь пришел, чего там! А Веня меж тем ждал его с пистолетом. Охотник, уверенный в своей меткости... Киллер не подозревал, что в доме для него приготовлена ловушка. Появление детектива на сцене было незапланированным – ведь ему полагалось смирно в кровати лежать, пристегнутому. Но Веня нашелся: Киса оглушил, а киллера быстренько застрелил – и вот он, Майин спаситель! А она, бедняжка, уже дрожит от страха, уверенная, что за ней охотятся... Веня именно этого и добивался: глядишь, и покладистее станет, скорее в Америку к нему прилетит, раз уж тут за ней киллеры бегают, высунув язык...

Как именно он собирался явление киллера обставить – неизвестно, может, Веня должен был сам впустить его в дом, но вышло так, что Майя опередила развитие событий и открыла дверь...

В эту схему легко укладывается и найденная машина, на которой, с большой вероятностью, приехал ночной гость. Именно Веня сказал, что машины нигде нет. И ключей от нее при убийце не было. Но Веня, пока Кис был без сознания, ключи спрятал, а машину куда-то отогнал, чтобы детектив личность убитого не смог установить по номерам машины...

И колечко, между прочим, на шею киллера Веня мог сам прицепить! Киллер, может, вовсе и не был воришкой, царство ему небесное, а Веничка сам постарался: колечко у Майи заранее стащил и на мертвеца, пока Кис был без сознания, повесил. Чтобы потом торжественно провозгласить: вот он, убийца Марка! И с себя подозрения снимаем, и с Майи тоже, которую он все-таки невольно подставил: нате вам, получите-распишитесь, готовенький душегуб к вашим услугам. Только вот незадача, извините, вышла: показаний он уже никому не сможет дать и о том, кто его нанял, рассказать не сумеет...

Ловко получается: наемный убийца по заказу Вени убивает Марка, затем, по Вениному же заказу, приходит пугать Майю (адресок своей избушки ему сам Веня и дал, стало быть), а Веня в награду его самого и убивает. При этом избавляется от возможного свидетеля и экономит на киллеровском гонораре за оказанные услуги...

Так-так-так... Но как же в данном раскладе объяснить смерть Бориски? Вене тут какой интерес? Или это просто совпадение и за ней стоит другой заказчик? Мафия зашевелилась? Добралась до Бориски через Лермита? Завтра Кис попробует «актера» отловить и это выяснить...

Хотя, положим, Веня рассудил: заполучи Майю документы, она втянется в свое расследование и не поедет к нему. А то, чего доброго, навлечет на себя и *реальную*, а не *инсценированную* Веней опасность! Веня боится потерять свою драгоценную подружку детства, ясное дело. Вот он киллера к Бориске и направил...

Впрочем, Вениамин мог и сам Бориску застрелить – он частенько отлучался из дома, и, бывало, подолгу. И, между нами, попасть в ухо, хоть и весьма лопухое, совсем не просто. Тут меткость нужна особая. А Веня, как мы уже установили, стреляет метко... Справедливости ради надо заметить, что профессиональный киллер тоже.

Итак, что мы имеем? Веня нанял киллера, который убил мужа Майи. Майю он шантажировал и вынудил пообещать приехать к нему в Штаты, куда уже сам намылился. Затем он решает убрать Бориску и выкрасть документы, предназначенные для Майи, чтобы она еще больше испугалась и одновременно чтоб слишком прытко компроматом не занималась – а то, глядишь, так увлечется, что до Америки не доедет! Да и боялся он всерьез за нее... Сам ли Веня Бориску застрелил или киллера нанял, это уже второстепенно. И венец всему – он зовет киллера, чтобы напугать Майю, после чего его сам и убивает.

Что ж, схема не то чтобы чистая, но допустимая. А всякие мелкие нелогичности связаны с разными непрограммируемыми неожиданностями: Майя рванула на телевидение, вошла в эфир, похитила детектива, оказалась в розыске – Кис вспомнил, как вытянулось лицо у бородача, когда Кис напомнил об этом. И Веня стал импровизировать...

Да, неплохо складывается. Тогда становится понятно, почему Веня не боится оставаться дома до отъезда. Он просто знает, что никто по его душу не придет, потому что все разворачивается по *его* сценарию... Как бы только это доказать?

* * *

Утро, встреченное под скрип старой раскладушки, одарило Киса идеей. Нужная программа, несомненно, найдется у Вени! Профессиональный компьютерщик, он должен располагать всеми мыслимыми приложениями. А если вдруг и нет, то быстро найдет, где скачать по Интернету...

Что ж, отличная мысль! И, главное, отличный повод для визита. А план, как расколоть Веню, Кис уже придумал. Он придет один. Скажет, что отвел Майю силой на Петровку и она обвиняется в убийстве Марка Щедринского. Вот и посмотрим, как хромой запрыгает, услышав такую страшную сказочку! Он все это сделал ради Майи – а теперь ради нее, глядишь, и расколется.

– ...Майя, ты проснулась?

Ему никто не ответил, но минуты через три маленькая золотоволосая негодница в его пижаме, теплая и румяная со сна, показалась в дверях, протирая заспанные глаза. Она была так хороша и так трогательно нелепа в его пижаме, что Алексей едва устоял перед желанием прижать ее к себе...

– Доброе утро, – буркнул он, пряча свою неуместную нежность.

– А, Алеша... – Майя сладко зевнула, как щенок. – Доброе...

– Приготовь, пожалуйста, завтрак поскорее. Мне надо ехать.

– Почему опять я?

Кис поднял брови, выражая крайнее удивление вопросом.

– Ты что, сам не можешь приготовить? Я вчера готовила!

Он, конечно, прекрасно и сам бы управился, столько лет холостой жизни – как не научиться! Но очень уж ему хотелось сбить спесь с девчонки.

– Дорогая моя, это мы только на людях мужа с женой играем, прошу не забывать. Так что не стоит мне семейные сцены устраивать! Я работаю, ты – меня обслуживаешь. Все ясно? Считай, что это входит в оплату моего труда.

– А носки тебе не постирать? Или, может, шнурки погладить?

– Хорошая мысль, приветствую! Можешь продолжать в том же духе.

Когда Майя мрачно пошла на кухню, он издевательски крикнул вдогонку:

– Смотри, а то опять подгорит!

После завтрака (яичница, непережаренная) Кис прозвонил Венины телефоны. Мобильный не отвечал, домашний номер, который он подсмотрел в компьютере Вени, был прочно занят. Ну, значит, он дома. Что ж, тем лучше. Кис пошел одеваться.

Майя поинтересовалась, куда он собрался. Кис объяснил: Веню навестить да с Лермитом повидаться, если получится... Наказал, как обычно, из дому ни ногой, и уже открыл было дверь, как вдруг остановился и велел Майе надевать свой маскарадный костюм: она едет с ним. Он боится оставлять ее здесь одну. Лучше пусть она будет при нем, в машине. Если бы можно было в машине жить, он бы явно предпочел этот вариант...

По дороге Кис спросил Майю, не обыскивал ли Веня тело киллера, пока детектив был без сознания. Но Майя не могла вспомнить. Она была в шоке.

Ну что ж, Кис и это выяснит.

Алексей хорошо запомнил дорогу, когда бородач вывозил их на своей машине в Москву, и теперь нашел Венин дом без труда. Не доезжая до указателя «Подлиски», он свернул на насыпную лесную дорогу, но вскоре съехал и с нее. Он остановил машину среди деревьев – так, чтобы ее с дороги не было видно, – и осторожно выбрался наружу.

– Замри тут, поняла? Писать захочешь – вон кусты. И сразу обратно в машину. Не вздумай радио включать. Все ясно?

– Вот еще! – возмутилась Майя. – Я с тобой пойду! Чего это я тут сидеть буду?

– Так, слушай внимательно: во-первых, командую здесь я. Как мент, как мачо и как «муж». Во-вторых, Веня улетает завтра в Штаты, у него впереди еще целый день, и я не знаю, что ему может взбрести в голову. Я с твоим хромоногим дружком еще до конца не разобрался, но ясно, что он дерьмо. А от дерьма можно ждать чего угодно. Я не хочу, чтобы он тебя видел со мной. Я ему скажу, что сдал тебя на Петровку.

– Он тебя убьет.

– Это ему придется сильно постараться.

– Лучше скажи, что я от тебя сбежала, потому что ты хотел сдать меня на Петровку!

– Почему – лучше?

– Да он в Америку не полетит! Останется, чтобы мне передачи носить! Нет уж, пусть улетает.

– Не знаю, не знаю, куда он полетит. Может, это тебе придется передачи ему носить...

– Постой, ты Веню подозреваешь, что ли?

– Не доверяю, скажем так.

– Но я не хочу сидеть в машине!

– Тогда я тебя сейчас пристегну наручниками к рулю. И даже до кустиков не дотянешься.

Майя надула обиженно губы и уселась, подобрав ноги, обняв коленки руками.

– Убирайся. Надоел ты мне, сил нет, мачо, мент и «муж»!

– Что, уже пора разводиться? Вот оно, женское непостоянство! И недели не прошло, как мы «поженились», а я тебе уже надоел!

Сердце красавицы склонно к изменам... —

пропел он и аккуратно захлопнул дверцу.

Майины глаза из-под челки парика проводили его до поворота, но Кис ни разу не обернулся. Почему-то сердце ее болезненно сжалось.

– Дура, – сказала Майя самой себе негромко, – что ж ты в нем нашла?

Алексею очень хотелось обернуться и помахать ей, он понимал, что в машине посреди леса сидеть ей будет неуютно и, может быть, даже страшновато... Но на самом деле здесь она была в куда большей безопасности, чем в любом другом месте, включая его дачу.

Он уходил, оставляя ее в машине среди деревьев – коленки под темной юбкой, обвитые тонкими руками, зеленовато-голубые глаза из-под дурацкой каштановой челки... Он так и не оглянулся до самого поворота.

Сердце его болезненно сжалось. Он сам не знал почему.

Вернее, не хотел знать.

* * *

Ворота были, по счастью, открыты. Кис порадовался: ему как раз очень хотелось застать Веню врасплох. Алексей убедился, что телефон по-прежнему занят. Вот и чудненько, то-то он удивится незваному гостю! Глядишь, и поразговорчивей будет.

Во дворе его «Нива» и Майин «Смарт» мирно стояли рядышком. Он коснулся своей машины, проходя мимо, словно хотел сказать: «Я тебя не бросил, это только на время, я вернусь».

И поймал себя на смутной мысли, что примерно такие же слова он хотел бы сказать Александре...

Он вошел в дом и тихонько заглянул в гостиную и на кухню. Вени нигде не было, сидит, должно быть, трудяга, у компьютера в подвале. Кис осторожно потянул на себя дверь и крадучись спустился вниз. Вот и компьютер виден, какое-то интернетовское окошко на экране, он был прав...

Но подвал, как ни странно, оказался пуст. Уже не таясь, Алексей окинул взглядом кабинет. Сейфовые ящики были выдвинуты, бумаги и дискеты в них перерыты. Веня что-то в спешке искал? Или у него искали?

Кис вернулся вверх. На этот раз он заглянул во все комнаты. Пусто.

Как это прикажете понимать? Он присел в кресло, закурил, стряхивая пепел в целлофановую обертку от пачки. Проверил пистолет – «макаров» был на месте, в кармане.

Допустим, Веня ушел. В магазин, например. Но почему тогда дом не заперт? И ворота?

Он загасил сигарету и положил окурок в ту же обертку, которую спрятал в карман, – нечего тут лишние следы оставлять. Вышел на крыльцо, осмотрелся. Ворота были приоткрыты. Странно. Алексей, кажется, их притянул за собой... Да, точно, он всегда аккуратен с дверьми, профессиональная привычка. Веня вернулся?

Кис тихо спустился с крыльца. Двор хранил безмятежное спокойствие. Детектив заскользил вдоль стенки, осторожно завернул за угол – никого. Так же прижимаясь к стене, он обогнул весь дом, зорко всматриваясь в сад.

Не обнаружив ничего подозрительного, он снова заглянул в дом: но нет, Веня не вернулся, внутри было все так же пусто и тихо.

Стараясь не шуршать гравием, он подкрался к воротам. Выглянул в створки: дорога казалась пустынной. Держа пистолет наготове, он протек в щель между створками и быстрым движением огляделся направо-налево. Никого.

Кто же створки оставил приоткрытыми? Не он, точно не он!

Вдруг стало страшно за Майю. Что, кто здесь рыщет? Бежать к ней!

Но и загадочное отсутствие хозяина ему не нравилось. Алексей словно боялся оставить этот дом, будто в его отсутствие он мог наводниться привидениями... Кис несколько секунд помедлил, не зная, в какую сторону бежать. Наконец решился и проскользнул обратно во двор, чтобы заглянуть еще и в гараж с сараем для очистки совести, а уж потом вернуться к Майе.

Он начал с гаража: если машина на месте, то придется ему всерьез задуматься о причинах отсутствия Вени...

Лучше бы он этого не делал. Кис был не из пугливых, но душераздирающий крик за спиной заставил его вздрогнуть едва ли не больше, чем зрелище, представшее перед глазами.

Как он не выстрелил от неожиданности в эту кретинку, которая стояла за его спиной и орала во всю глотку, трясясь от страха, – бог ведает только. Он зажал Майе рот, шлепнул по попке:

– Встать у ворот и ни с места, ясно?! – Для пущей убедительности махнул пистолетом перед носом: – Ну, живо! И ни звука! Кто тебя сюда звал, бестолочь!

Как только Майя выполнила его приказание – уселась на землю у ворот и, вся дрожа, уставилась на него дурными глазами, – он вернулся к гаражу. У двери Кис обернулся: Майя все так же сидела на земле, раскинув ноги и опустив руки, как тряпичная кукла.

– Вот наказание на мою голову, – проворчал Кис, впрочем, скорее чтобы самому собраться с духом.

Он вошел, зажег свет и прикрыл за собой дверь. У противоположной стены, раскинув руки, стоял Веня с окровавленной бородой, глядя мертвыми глазами прямо на него. А то, что Веня мертв, Алексей понял сразу: его тело было раздавлено машиной, Вениной же «Ауди». Странно, что мертвец сохранял вертикальное положение...

Приблизившись, Кис понял почему, и противные мурашки побежали по спине. Веня был распят. В его ладони были вбиты крупные столярные гвозди. Черные с проседью волосы, забранные в хвост, прибили к стенке. Лицо, шея, обнаженный торс были в ранах и кровоподтеках. Кис коснулся его. Тело еще не до

конца остыло. Надо думать, под утро гости приходили...

Он погасил свет и вышел из сарая. Поднял у ворот Майю и почти поволок ее за собой к машине. Увиденное было настолько страшным, что выбило из головы все мысли, кроме одной: хорошо, что он вовремя увез отсюда девчонку. Он ведь и Вениамина предупреждал... Не послушался бородач. Не послушался...

В Москве Кис первым делом позвонил Сереге из автомата – своим мобильным, добытым для них Веней, он лишний раз пользоваться избегал и предпочитал держать его выключенным.

Серега вскинулся как ненормальный: где, что, куда, откуда?

– Кончай, блин, дурака валять, сыщик хренов! Прямо вот чтоб сию минуту с девчонкой явился, сукин кот!

– Заткнись, – устало сказал Кис. – Записывай адрес... Там труп хозяина. Мы у него скрывались до позавчера... Он там же где-то и киллера, который покушался на Майю, в леске закопал, не знаю где. И машину, скорей всего, припрятал. Ищи, Серега.

И, не слушая град проклятий и восклицаний, повесил трубку.

– Есть хочешь? – спросил он Майю, вернувшись в машину.

Нет, она не хотела есть.

– Мороженое хочешь?

Нет, она не хотела мороженое.

Ну что ей еще, леденец на палочке предложить?

– Дай мне сигарету, – вдруг попросила Майя.

Ого, взрослая, оказывается, девочка, не леденец, а сигарету хочет.

– Ты же не куришь!

– Бросила год назад. Теперь, кажется, опять закурю...

– «Куриль – здоровью вредить», – сварганил Кис назидательную банальность.

– Сигарета – лучший друг человека, – ответила ему Майя с грустной улыбкой.

Несколько минут они курили в молчании. Кис пытался обдумать ситуацию, но голова бастовала. Наконец, он тронул «Москвич» и направился к министерству, где работал Лермит.

Он позвонил снизу по внутреннему телефону – это всегда надежнее, чем по городскому, секретарши в таких случаях куда покладистее: вот он, уже пришел, уже стоит внизу, мается, бедный, жаждет встречи со старым приятелем, в Москве проездом...

Так оно и вышло. Секретарша, купившись на «старого приятеля», спустилась в приемную и тихим голосом объяснила: несчастье случилось, Лермит в больнице. Какое несчастье, не сказала, но адрес больницы дала.

В больнице Кис, удачно попав в приемные часы, отправился навестить «старого приятеля». Открыв дверь нужной палаты, он сразу же ее и закрыл, извинившись, что не туда попал, – все, что ему было нужно узнать, он узнал в одно мгновение: Лермит был, без сомнений, сильно избит. Подробностей Кис не стал выяснять, да они ему были и не нужны.

Он вернулся к машине в крайней степени задумчивости, рассеянно ответил Майе на ее расспросы, и

они снова тронулись в путь. На этот раз Кис остановился у какого-то киоска с компьютерными хитроумностями. Продавец спросил у него расширение файла. Хрен его знает, какое расширение, Кис не помнил, ну это же так просто – видеопленка, перекачанная в компьютер!

– Просто! – бурчал продавец, перебирая диски. – Это совсем не просто, существует несколько форматов... И потом, вы уверены, что запись перегнали с видеопленки, а не с цифровой камеры? Какой Виндос у вас?

Перепалка закончилась тем, что Кис купил сразу несколько дисков с разными утилитами на все случаи компьютерной жизни.

– Я голоден, – заявил он, вернувшись наконец в машину. – Пойдем куда-нибудь, перекусим.

– Никого не могу видеть... Поехали домой. В смысле, на твою дачу, – поправилась она. – Я тебе приготовлю ужин...

* * *

Майя удивила его кулинарными способностями, поджарив две великолепные отбивные. Это, если кто не знает, дело весьма тонкое: никак нельзя ни недожарить, ни пережарить. Тут нужный момент надо уметь уловить!

Ужин, однако, несмотря на удавшийся деликатес, прошел довольно мрачно. Кис открыл бутылку грузинского вина (он бы предпочел водку, да Майя ее не пила), они помянули Веню. Разговор не клеился. Закончив есть, они взяли бокалы и бутылку и пошли допивать вино на террасу. Света под оранжевым абажуром с бахромой не зажигали: того требовало состояние души, а также благоразумие – в темноте окрестности вокруг дома хорошо просматриваются, чуть какое движение, Кис сразу заметит.

Веню пытали, это ясно. И что выпытали? Высчитывают ли уже адрес дачи детектива Кисанова?

– Веню тоже из-за меня, да? – тихо проговорила Майя в темноте и запила свой вопрос вином. Огонек сигареты в ее пальцах дрожал.

– Из-за его собственной дурости. Я ведь его пять раз предупреждал. Идиот.

– О мертвых так не говорят.

– Прости.

– Я не могу так больше жить. Всех вокруг меня убивают. Из-за меня.

– Перестань.

– Не могу, не могу! – Она положила голову на руки и зарыдала.

Алексей встал со своего стула, обошел стол, легко подхватил Майю и усадил ее к себе на колени. Она ткнулась в его грудь, содрогаясь от плача. Он молча гладил ее по волосам, по ее золотистым волосам – парик, едва войдя, она зло зашвырнула в угол.

Не поднимая лица, Майя протянула руки и обвила его шею. Он поцеловал ее в макушку.

– Пошли на Петровку, к ребятам, – тихо проговорил он в ее волосы. – У меня слишком мало информации, пойми. Мне нужны результаты экспертизы, мне нужно переговорить со свидетелями, без реального *следствия* я не могу продвинуться. Но я, вместо того чтобы добывать информацию, выполняю, по сути, функцию твоего охранника. Ситуация стала очень опасной, Майя...

– Нет! – Майя соскочила с его колен. – Нет, Алеша! Ну неужели ты не понимаешь?

– Понимаю: ты боишься. Но у нас есть покушение на тебя, убийство Бориски, убийство Вени и документы из Борискиного компьютера. И хотя все это еще не является прямыми доказательствами, но мы сможем направить поиск в нужную сторону и очень быстро размотаем этот клубок... Вот увидишь!

Майя смотрела на него почти с состраданием. Она сделала шаг к нему, обхватила его голову руками, прижала к груди и прошептала:

– Ну подумай, вспомни, когда ты передал своему Сереге информацию о киллере?

– Три дня назад. Через Александру, – удивился Кис.

– Правильно, за два дня до смерти Вени... И ты сказал, что меня пытались убить. «Пытались» – значит, не убили. И если к тому времени заказчики еще пребывали в недоумении, куда подевался киллер, почему не появляется с отчетом о выполненной работе, то после твоего сообщения они это поняли. Два дня – достаточный срок, чтобы информация дошла от Касьяновой через Петровку к заказчикам. И убийцы отправились к Вене.

Кис высвободил голову из Майиных рук и посмотрел на нее со странным выражением.

– Ты хочешь сказать, что Серега?..

– Серега или кто-то из его коллег, но ты же сам видишь... После того как ты связался с ними в первый раз и попросил своих верных друзей аккуратно потрясти наших знакомых, киллер наведлся сначала к Бориске, оставив за собой его труп, а потом ко мне... Хорошо, что с моим трупом вышла промашка, – усмехнулась она. – После второго твоего выхода на связь с Серегой убийца – или убийцы – посетили Веню. Что с ним сделали, ты сам видел...

В глазах ее снова появились слезы, и Алексей поспешил протянуть ей новый бокал вина в надежде, что алкоголь расслабит ее и успокоит.

– Сегодня ты снова звонил своему другу, – проговорила Майя, сделав глоток. – Чего нам теперь ожидать? Может, твою дачу уже окружают? Может, нам нужно бежать и прятаться в лесу до рассвета? Или мы уже безнадежно опоздали?

...Тихий треск ветки в саду прозвучал для Киса как выстрел. Сердце его забило – от страха. Да, от страха, что друзья могли предать. Он не мог в это поверить, он не хотел в это верить! Но...

– Зайди в дом, – прошептал он.

Майя скользнула с веранды в комнату, и Алексей приблизился к стеклу, зорко вглядываясь в темный сад. Треск повторился, едва слышный, легкий, но вполне отчетливый. Ничего не было видно, никого не было видно. Он, потрогав пистолет в кармане, открыл дверь на улицу, постоял. Тихо.

Спустился с деревянного крыльца в четыре ступеньки. Тихо.

Сделал несколько осторожных шагов в ту сторону, откуда донесся звук. Что-то зашуршало, засуетилось в кустах жасмина, и прямо на него выскочил ежик и засеменил по дорожке.

Майя негромко засмеялась на крыльце. Кис с облегчением повернулся:

– Вот видишь, это всего лишь ежик!

– Пока всего лишь ежик. Кто следующим в гости пожалует?

– Ложись спать, Майя. Никто не пожалует, уверяю тебя. Ложись.

Хотел бы он сам верить собственным словам...

Майя послушно ушла, а Алексей тщательно закрыл все ставни, проверил замки, погасил везде свет: на случай, если кому взбредет в голову, что Кис мог увезти беглянку на дачу, он решил придать своему пристанищу нежилой вид. Он включил в темноте компьютер, установил с купленных дисков программы и стал открывать одну видеозапись за другой.

Ни одно из увиденных им лиц ему ни о чем не говорило. На черно-белой пленке – скорей всего, с камеры наблюдения поста охраны (или встроенной кем-то камеры-шпиона?) – были засняты сцены подписания и передачи каких-то бумаг, денег, пожатия рук, обмена репликами. Камера была фиксированная, люди выходили из кадра, входили, бумаги были видны издали, многие напоминали списки (женщин для отправки в бордели?), но при специальной технике их, скорей всего, можно будет увеличить до читабельных размеров. Ясно, что все заснятые лица и сцены имели отношение к одному общему делу, которое, тем не менее, прямо нигде не было названо – конспирация соблюдалась грамотно. По всей видимости, эти физиономии должны соответствовать фамилиям в документах, и таким образом вместе они составляли вполне увесистый компромат.

Потом в кадре возник вход в какое-то здание, на этот раз в цвете, кто-то снимал ручной видеокамерой. Театр, пустой зрительный зал. Камера двинулась за кулисы, миновала коридор с гримерными и «вошла» в дверь, за которой оказались театральные склады. Дальше камера снимала из-за большого фанерного ящика, на котором крупно и размыто была видна надпись «Не кантовать», и выхватила двух человек, вернее, полтора, потому что один наполовину был скрыт ящиком. Они о чем-то говорили – специалисты по звуку смогли бы, наверное, расшифровать их диалог, но на слух разобрать слова было невозможно. Затем оба двинулись к противоположной стене и принялись переставлять ящики. Добравшись до нижнего, они его вскрыли. На свет были извлечены довольно объемистые пакеты.

Тот, что справа, разрезал ножом веревки, вскрыл упаковку и вытащил из пакета шахматные фигуры. Ножом он открыл низ коня и высыпал на подставленную ладонь своего собеседника белый порошок. Тот лизнул и кивнул.

Далее происходила сцена передачи денег, в кадр задвинулась охрана, и уже ничего нельзя было рассмотреть за их спинами. Впрочем, самое главное уже было заснято...

Последняя запись зафиксировала ужин в ресторане, также в цвете. Некоторые лица уже были знакомы по предыдущим записям, но присутствовали и новые. Одно из них Кис узнал: это был его старый знакомец со времен, когда Алексей работал на Петровке. «Знакомец» принадлежал к Солнцевской группировке, а солнцевские, между прочим, давно и хорошо засветились в Европе и по наркотикам, и проституции... Тосты за успех, объятия, поздравления – собравшиеся праздновали какую-то удачно завершенную сделку.

– Это Кузя, – раздался сзади Майин голос.

Положительно, она умела возникать в пространстве, будто материализовалась прямо из воздуха у него за спиной. Кис обернулся.

– Кузя?

– Кузен мой, Лазарь. Вот он, смотри, – она ткнула ноготком в экран компьютера. – Неужели ты его не узнаешь, он же известный актер!

Конечно, Кис его узнал. Актеров в последнее время развелось немыслимое множество, и все они, едва появляясь на экране, оказывались уже каким-то образом «известными» – во всяком случае, именно так их представляли в бесконечных рекламных роликах и передачах. Если фамилия Кузи-Лазаря Алексею ни о чем не говорила, то лицо он признал: не так давно этот актер играл в длинном низкосортном телесериале. Кис фильм не смотрел, но реклама с физиономией этого сладенького брюнета успела набить

оскомину.

– А вот эти двое, – Майя указала на другие лица, – это те самые, чей разговор я подслушала, когда они были у нас в гостях! Алеша, Лазарь – единственный, кто может нам помочь! Он хорошо знаком с этими людьми и сможет узнать, кто меня заказал! Надо ехать к нему, слышишь! Только лучше мне ехать одной... При тебе, боюсь, он ничего не скажет.

– Или за мою невинность опасешься? – усмехнулся он, вспомнив вчерашний разговор Майи с кузеном по телефону. – Я тебя одну никуда не могу отпустить, и не мечтай.

Майя довольно улыбнулась, будто ей сделали комплимент.

– Так мы поедем к Кузе вместе?

– Поедем, раз ты считаешь, что он может нам дать информацию.

– Я ему позвоню сейчас.

– Полночь!

– Да у него только день начинается!

Поколебавшись, Кис включил сотовый и протянул Майе. Все равно она уже звонила с него, что есть совершенно неправильно... Да поздно махать кулаками после драки.

Она набрала номер. Пьяный баритон кузена отчетливо донесся до Алексея: «А, привет, хулиганка! Слушай, хорошо, что ты позвонила! Я решил тебя моим имиджмейкером сделать! Это же гениальный ход! Как ты додумалась, сестренка? До сих пор успокоиться не могу, что самому в голову не пришло, – умыкнуть человека в прямом эфире! Какая реклама! Пойдешь ко мне работать? А, слушай, я серьезно, ты же сама жаловалась, что надоело дома сидеть, так давай...»

Майе с трудом удалось вставить несколько слов и договориться о встрече на завтра. Она положила телефон на стол и взяла Алексея за руку.

– Скажи мне, все будет хорошо?

– Обязательно. – Он не убрал свою руку.

– А сейчас спать?

– Спать.

– Спокойной ночи, Алеша, – сказала она, все еще не выпуская его руки.

– Спокойной ночи...

Пауза. Майя смотрела на него, словно почувствовала, что он хотел что-то добавить.

– Ты... Ты не боишься спать одна? – выговорил Кис.

– Боюсь.

Пауза длилась. «Решись!» – говорили ее глаза.

Наконец, он с трудом произнес:

– Не бойся. Я буду рядом.

Она усмехнулась и ушла.

Он остался сидеть у компьютера. Ему было стыдно за свою слабость. Только он никак не мог понять, в чем она, слабость: в том, что он хочет быть с ней, или в том, что он не смеет быть с ней...

Он слышал, как скрипнула кровать в другой комнате. Майя не спала. Ждала его?

Кис встал со стула. Постоял и сел обратно. Зажал голову руками, пытаясь отогнать мысли о Майе.

Снова скрип кровати, на этот раз более продолжительный. Вот и тихие шаги босых ног. Голова его поплыла. Ему не хватало воздуха.

Сейчас она откроет дверь...

И он знал, что крепость будет сдана и белый флаг уже выброшен, уже покорно и позорно висит на виду, смиренно развеваясь навстречу победительнице.

Дверь открылась, и Майя безмолвно возникла на пороге, глядя на него огромными, зовущими глазами.

Алексей встал и распахнул руки. Ему показалось, что она взлетела, роняя плед, как ненужную шкурку, и впорхнула в его объятия.

И вот тогда, когда они плотно сомкнулись у нее на спине, когда он вжал ее тело со всей силой в себя – вот тогда-то он и зазвонил, их мобильный.

Номер, которого они не давали никому.

Они замерли, не разнимая рук, словно звонок проткнул их, как бабочек в коллекции, невидимым стержнем.

Кис вспомнил, что не выключил телефон после того, как Майя говорила с кузеном.

Телефон затих.

Кис, выпустив Майю из мгновенно остывших объятий, подошел к столу, взял сотовый в раздумье. Если у Кузи стоит определитель, это мог звонить он. Телефон зазвонил в его руке с новой силой, будто звонивший точно знал, что его непременно должны услышать.

Алексей решился и нажал на кнопку соединения. Молча прислушался.

– Кис? Кис, это ты? Не молчи! Кис, ответь!

Это был Серега.

– Я здесь.

– Ну, наконец-то! – выдохнул Серега.

– Откуда у тебя этот номер?

– Ну ты даешь! Совсем башку снесло, да? Ты же звонил Борису! Там же этот номер зафиксировался! Мы проверили, на кого он выдан! Подъехали к мужичку, он объяснил, что оформил сотовый по просьбе Вениамина Смирнова, а остальное дело нехитрое сообразить!

Алексей похолодел. Как он мог допустить такую оплошность! Не стереть номер их мобильного с определителя! Он его не узнал, вот в чем дело! Он не помнил номер их сотового, он его никогда не набирал...

– Да только ты, говнюк, телефон выключенным держишь! Хорошо, хоть сейчас дозвонился до тебя. Кис, дело серьезно, слышишь? У нас тут мобилизация полная! Щедринская с тобой?

Кис растерялся не на шутку. Впервые за много лет он боялся сказать Сереге правду. Но соврать другу было выше его сил.

– Со мной.

– Вы где?

Он медлил, он искал подсказку в Майиных глазах, но они смотрели на него с отчаянием тонущего, и подсказки в них не было.

– На моей даче.

– Не двигайтесь. Мы сейчас приедем. Нам Щедринская очень нужна. Кис, слышь, не двигайтесь!

– Вы ее задержите?

– Не без того. А что ты хочешь, тут такая заваруха, мокряк на мокряке, да и с ней до сих пор непонятно. А ты чего, у нее в заложниках или в охранниках? Да не бойсь, ей у нас только спокойней будет. И нам тоже, а то за этой малышкой кровавый хвост тянется. Ладно, при встрече поговорим. Жди, мы минут через сорок подтянемся с Димычем!

Кис выключил телефон и посмотрел на Майю. Она одевалась.

Он тоже стал одеваться. Мысли путались. Серега едет сюда. Серега, старый друг Серега. Со старым другом Димкой.

Майя молча ждала его решения.

– Быстро, – сказал Кис, – с вещами на выход.

Через пять минут он уже завел «Москвич» и они растворились в ночных проселочных дорогах. На запертой двери осталась белеть записка:

«Приду сам, когда найду доказательства».

Кис молчал, вглядываясь в темень. Он понимал, что сегодня сделал – не хотел, не предполагал, но сделал! – выбор в пользу Майи. Между любимой женщиной и Майей. Между другом и Майей. Между самим собой – и Майей...

Всё, все его убеждения, все его принципы, все его представления рухнули в этот вечер. Он изменил любимой женщине и заподозрил друга в измене. В эту фразу можно было бы дважды вставить слово «почти», но Алексей не хотел прятаться за словом.

Прав ли он? Кис не знал. Но чувствовал, что Майя стала ему слишком дорога, чтобы он мог пожертвовать ею.

Она молча курила, стряхивая пепел в окно.

– Я встану где-нибудь в лесу, поспим немного, – сказал Алексей.

– Поехали к Кузе. Прямо сейчас.

– Не поздно?

– Нет.

Майя назвала адрес, Кис развернулся и направился в сторону Москвы.

* * *

Дверь отворилась, и высокий лохматый брюнет с нежными коровьими глазами выкинул навстречу Майе длинные руки в широких халатных рукавах:

– Дитя, сестра моя! Прошу в мои края!^[10] – громогласно продекламировал красавчик и распахнул свои объятия, вслед за которыми распахнулись и полы шелкового халата, обнаружив весьма кокетливые трусы бордового, в тон халату, цвета, где на самом интересном месте было вышито золотом «Love me»^[11]. – Сестренка! А кто это с тобой?

Кузя с недвусмысленным любопытством рассматривал Алексея.

– Алексей Андреевич Кисанов, частный детектив.

– Тот, которого ты выкрала из-под носа у Усачева? Bravo, сестренка! Проходите, Алексис, не стесняйтесь, здесь все свои!

– Не помешаю? – изощрился в вежливости Кис.

– Ну что вы, ну что вы, – кокетливо произнес Лазарь, – какие церемонии, право! За счастье почту ваше присутствие!

Они вошли в белую гостиную – белые стены, белый рояль, белые шторы, белая мебель. Кузя-Лазарь поспешил вперед – прикрыть дверь в соседнюю комнату, где на необъятной фиолетовой постели просматривались два мужских силуэта.

– Что стряслось, зайка моя? – Кузя уселся, закинув голую волосатую ногу на ногу. Бордовый шелк его халата элегантно приземлился на белую кожу кресла. – Что привело тебя ко мне посреди ночи?

Майя принялась сбивчиво рассказывать события последних дней. Кузя слушал молча, один раз только встал, чтобы прикрикнуть на своих дружков, слишком шумно резвившихся в соседней комнате.

– Так, все понял, – сообщил он, когда Майя умолкла. Он скрутил сигарету из «травки» и затянулся, выпустив вонючий дым горящего сена. – И чего ты хочешь от меня, дорогая? Что я могу для тебя сделать? Проси! – Он выкинул вперед руку с куцей самокруткой между пальцами жестом римского императора.

– Лазорик, ты можешь узнать, кто меня заказал? – Майя сложила молитвенно руки. – Для меня единственное спасение – найти тех, кто убил Марка и теперь охотится за мной!

– Девочка! – громогласно возопил Лазарь и, вскочив с кресла, крупно зашагал по комнате, картинно воздев руки. – Де-воч-ка! Скажи, почему ты пришла ко мне? – драматически повысил он голос, заполнив комнату модуляциями своего сочного баритона.

Кис порадовался, что не смотрел фильм с его участием.

Майя молчала, не понимая, к чему клонит двоюродный брат.

– Алексис! – воскликнул Лазарь. – Что вам сказало это дитя? – Он крутанулся, всполошив шелк халата, в сторону Майи, чтобы направить на нее указующий перст. – Что оно пролепетало перед тем, как привезти вас ко мне?

– Что вы общаетесь со многими влиятельными людьми и сможете разузнать интересующую нас информацию. – Кис едва сдерживал улыбку.

– Вот именно, Алексис, вот именно! С влиятельными, с влиятельнейшими людьми! – Он воздел указательный палец к потолку. – И что из этого следует? Какое умозаключение вы как детектив делаете?

– Простите?

– Да-да, какой логический вывод, я вас спрашиваю? Ну как же, вы же детектив, у вас же должна быть дедукция-индукция... Ну?

– Не пойму, что вы хотите услышать. Вы знакомы с людьми, которые, как я понял, располагают информацией. А нам эта информация нужна. Вот и вся дедукция.

– Ошибаетесь, милейший Алексис, ошибаетесь, роднуля! Я не знаком – я *дружу*! Разницу чувствуете? Я дружу с сильными мира сего!

– Рад за вас. Что из этого следует?

– Не крути, Кузя! Ты можешь мне помочь, да или нет? – прошептала Майя. В глазах у нее стояли слезы.

– Девочка, не плачь! Я не *могу* тебе помочь – я тебе *помогу* прямо сейчас! – провозгласил кузен. – А что этот твой детектив, какой-то сомнительный, право! – неожиданно сменил он тон. – Ничего не сечет! – В голосе актера слышалась обида.

Должно быть, Алексею следовало вывести какой-нибудь комплимент Лазарю при помощи «дедукции», но последняя детектива явно подводила.

– Кузя! Ради бога, ты же не на сцене!

– Ну смотрите же, дети мои, это так просто! – смиловился Лазарь. – Я дружу, я бы даже сказал, состою в близких, местами интимных, отношениях с очень серьезными людьми...

Он выдержал паузу, выглядывая в лицах своих слушателей реакцию. Кис изобразил внимание – это все, на что он был способен, – Майя устремила на него взгляд, полный надежды. Лазарь счел, что реакция удовлетворительна, и продолжил:

– И эти люди ценят и любят меня... Они мной дорожат, понимаете? – он рухнул в кресло и снова выставил голые волосатые ноги, зорко меж тем вглядываясь в лица своей «публики» в виде кузины и детектива. «Публика» изобразила почтение, у нее не было иного выхода, свите вменялось в обязанность играть короля.

– Alors^[12], поймите, дети мои, что никто, никто... – Лазарь опять воздел руки к потолку. – НИКТО НЕ МОГ ЗАКАЗАТЬ мою любимейшую кузинку, не спросив меня!

Напрасно потраченное время. Самовлюбленный debil несет ахинею. Можно уходить.

– Вы знаете, что значит для меня это дитя? – простонал Лазарь, прикрыв глаза и указав на Майю слабым жестом умирающего. – Mon enfant, ma s'ur! ^[13] Это моя царица! Это мой идеал! Это в ней я черпаю свое творческое вдохновение!

– Когда он переодевается в «драг-куин»,^[14] – прошептала Майя, – он копирует мои манеры. Во всяком случае, он так считает.

– И это всем известно! – Лазарь воскрес и снова вскочил с кресла. – Но *меня*, – с нажимом произнес он, – меня никто не спросил! Что из этого следует, господин частный сыщик? Ну не молчите же, Алексис, это же так просто! Из этого следует, что ты, девочка, и вы, Алексис, вы напрасно теряете время в поисках заказчиков! ПОТОМУ ЧТО ИХ НЕТ! – Он громко щелкнул пальцами, чтобы звуком подтвердить тщетность их хлопот. – Никто не мог «заказать» – фи, слово-то какое вульгарное – мою сестричку, не спросив меня!

Зазвонил телефон, и Лазарь жестом фокусника вытащил из складок халата крошечный серебряный мобильник. При первых же звуках голоса своего собеседника он вдруг посерьезнел и направился в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь.

Майя неслышно подошла к двери и прислушалась. Алексей остался сидеть, жалея о потраченном времени и пытаясь обдумать, какие еще ходы у них есть в запасе.

За секунду до того, как дверь снова распахнулась, Майя влетела на диван, словно и не двигалась с него.

– Вот что, детки. Мне надо отлучиться, дела... Я все сказал? Да, я сказал самое главное: Майя, сестренка, кому ты нужна, зайка моя? Да кто же тебя, деточка, всерьез воспринимает? Неужто ты и впрямь предположила, что твое заявление на телевидении могло всполошить важных людей? Да у родимой милиции на них всех досье давно покруче твоего заведены! Но только где она, милиция? Сидит, миленькая, пузыри пускает! Куда им с такими людьми тягаться, кишка у них, у ментов, тонка! А ты вот, глупенькая, решила, что эти славные, солидные, достойные люди тебя испугались? Не знаю, радость моя, кто там вокруг тебя чистит и зачем, но это какая-то шелупонь, несерьезные ребята. I am sorry[15]. Ищите, Алексис, ищите ailleurs[16]. А сейчас, mes chers amis[17], я вынужден откланяться. Дела, мой друг, дела, покоя сердцу просит, и каждый день уносит частицу бытия, а мы с тобой вдвоем предполагаем жить, да глядь – как раз помрем![18]

Лазарь искусственно расхохотался и, раскинув руки, стал теснить их к двери.

Кис ожидал увидеть на лице Майи совершенное разочарование, но она, напротив, была почему-то весьма оживлена.

– Не будем тебе мешать, Кузя. Иди сюда, я тебя поцелую. Спасибо, дорогой.

– Ну что ты, сестренка, ты же знаешь, что я за тебя в огонь и воду!

Лазарь охотно выпроводил их из квартиры и закрыл за ними дверь. На лестнице Майя приложила палец к губам и потащила Киса вниз.

И только когда они оказались в машине, она рассказала ему содержание подслушанного разговора.

Речь шла о встрече, которая, как заверил Лазарь неизвестного собеседника, непременно состоится в назначенное время, а именно: в пять часов утра в «театре».

Театр – уж не тот ли, что Кис видел в видеозаписи на компьютере? Да только как же его вычислить? Кис посмотрел на часы: было начало четвертого.

– Я подозреваю, что это театр, где Кузька играл еще в студенческие времена, – сказала Майя. – Он где-то в районе Тверских улиц. Дом культуры какого-то предприятия, не помню уже. Тот зал, что на кассете, – он похож...

И к Белорусскому вокзалу близко, удобно, оттуда поезда в Европу уходят, подумал Кис.

– Хотел бы я узнать, какую роль во всех этих делах играет твой кузен.

– Ну, ты же видел на кассете – он с этой компанией хороводится.

– В качестве кого?

– Ой, ну Кузя – в каком качестве он может быть? Ты же сам видел, что это за чудо-юдо! Наверное, его используют для связи, он же со всеми знаком! Но сейчас, Алеша, у нас появился шанс увидеть тех, кто за этим всем стоит!

Прокрутившись в Тверских и Ямских с полчаса, они нашли довольно скромный бывший дом культуры, а ныне «Творческий молодежный центр». Было начало пятого. Кис обошел здание. Судя по всему, центр располагал каким-то кафе или баром, с обратной стороны здания окна с вытяжками и мусорные контейнеры с пищевыми отходами свидетельствовали о наличии кухни.

Кис достал инструменты, и вскоре замок черного хода со стороны кухни был открыт. Они проникли в темный, душный коридор, пахший несвежим съестным. Фонарик указал им путь, и вскоре они миновали кухню, затем стойку бара, ряд пустых столиков с перевернутыми стульями в фойе.

Зал с простыми деревянными сиденьями был тот самый, с кассеты. Высвечивая проход фонариком, они поднялись на сцену и прошли за кулисы. Здесь Кис остановился, размышляя. В кулисах было легко спрятаться, но что из них можно будет увидеть? Видеозапись указывала, что передача товар-деньги происходит в помещении склада...

Они двинулись дальше. Коридор с гримерными, а вот и дверь, ведущая на склад. Они вошли. Это было довольно просторное помещение. Большие двери-ворота с улицы – сюда вполне мог подать задом грузовик. Рядом стеклянная будка со столом и телефоном, в таких сидит какой-нибудь администратор и подписывает накладные. Вдоль стен коробки и ящики разных размеров. Стойки с костюмами. Пахнет пылью. Времени – без четверти пять.

Кис осмотрелся в поисках наиболее подходящего места для их убежища. Несмотря на нагромождение коробок, прятаться особенно было негде. Возможно, что тогда, когда неведомый любитель снимал свои бесценные кадры, коробки стояли иначе и образовывали убежище, но сейчас они громоздились впритык вдоль стен... Отодвинуть и спрятаться за ними? А если именно эти коробки понадобятся тем, кто сюда должен прийти? За стойкой с костюмами? И это рискованно, ее могут зачехлить передвинуть. Вот только если...

– Майя, – сказал он, – вернись на сцену и спрячься в кулисах.

– А ты?

– Я останусь здесь.

– Не пойду.

Он молча ухватил ее за руку и потащил в коридор в направлении сцены.

Но в противоположном конце коридора, за поворотом, раздались голоса. Вспыхнул свет.

Кис, крепко обхватив Майю за плечи, мгновенно оказался на складе. Они влетели в будку. Здесь они были, скорее всего, в безопасности, но что отсюда можно услышать? А тем более увидеть. Кис собирался сделать несколько снимков малюсеньким шпионским сверхчувствительным фотоаппаратом и записать разговор на малюсенький сверхчувствительный диктофон – эти подарки французского друга и коллеги Реми [\[19\]](#) всегда были в его портфеле, и Алексей предусмотрительно прихватил их с собой... Но выбирать уже не приходилось – на складе вспыхнул свет, и три человека вошли в дверь.

Кис с Майей замерли, пригнувшись. Было тихо. Алексей подождал и осторожно приподнял голову. Двое остались стоять у дверей, один сидел на ящике и курил. Ждут кого-то.

Майя подобралась к Алексею и тоже осторожно вытянула голову, чтобы увидеть через стекло будки вошедших. Кис посмотрел на нее вопросительно, она в ответ покачала головой: нет, никого не узнала. Кис жестом показал ей под стол: мол, забирайся туда. Майя не желала. Они бессловесно спорили еще некоторое время, пока дверь снова не открылась и не вошли еще трое – вторая сторона прибыла на переговоры.

Двое к дверям до кучи – телохранители; один присоединился к тому, что сидел на ящике. Охрана лениво обежала глазами помещение, и все четверо начали неслышно переговариваться о чем-то о своем, пока хозяева вели деловые разговоры. Алексею показалось, что по крайней мере двоих он видел на кассете.

Слова до них не долетали, и Алексей бесшумно перебрался к проему будочки – дверь в ней отсутствовала. Отсюда не было ничего видно, зато слышно, хоть и плохо:

– ...просил передать, что она не представляет никакой опасности, – сказал тот, который пришел

первым.

– А детектив этот?

– Он под контролем.

Ага, вот это интересно! Кис не удержался и высунул голову подальше: начался пересчет денег. Двое охранников несли небольшие коробки к дверям в коридор.

– Здесь не хватает пяти тысяч! – неожиданно громко воскликнул первый.

– Все, как договорились!

– Мы договорились на восемьдесят, а здесь – семьдесят пять! – гнул свое первый.

Второй вытащил мобильный. Набрал кнопки, послушал, ругнулся, снова набрал...

– Блин, связи нет! Жди, я выйду позвонить.

Он вернулся спустя три минуты:

– Сейчас начальство приедет.

Первый решил ему не уступать и пошел звонить в свою очередь.

– Пусть между собой выясняют, правильно? – подытожил он, вернувшись, и уселся на ящики.

Алексей подобрался к Майе. Она, тихо забившись в угол, смотрела на него вопросительно. Он приблизил губы к ее ушку и прошептал:

– Не волнуйся, они в цене не сошлись, сейчас боссы приедут разбираться.

Губы его не сразу оторвались от маленького ушка...

Этот голос он узнал моментально, его нельзя было не узнать, этот раскатистый баритон с модуляциями! Майя в немом изумлении устремила глаза на детектива, он приложил палец к губам. Снова выбрался к проему и осторожно высунул голову.

Так и есть! Лазарь собственной персоной, причесанный, прилизанный, в темно-синем костюме с нахальным, красным в синий горошек, галстуком, – теперь он играл роль солидного человека, голос уверенный, барственный. У дверей стало на одного телохранителя больше.

Второй начал что-то сбивчиво объяснять ему, но Лазарь остановил его царственным жестом:

– Это я не с тобой буду выяснять, педрила!

Майя тихо прыснула со смеху: братец Кузя, видимо, не подозревал, что о том, кто здесь «педрила», известно на всю Москву?

Лазарь нервничал, картинно выбрасывал руку, смотрел на часы. Партнер все не ехал.

– Shit[20], – выругался он. – Он что себе позволяет?

Еще через пять минут он извлек мобильный и стал набирать номер. Все прошло по прежнему сценарию: в помещении склада связи не было. Его подручный принялся объяснять, что нужно выйти как минимум в зрительный зал, там ловит...

– Зачем такие сложности? – пророкотал Лазарь. – Вот же нормальный телефон!

Он выкинул руку в сторону будочки и крупно зашагал в том же направлении.

Кис мгновенно принял решение. Он силой запихнул Майю под стол, приставил поплотнее стул и вышел навстречу ее кузену.

– Ба, какие люди! – прогремел Лазарь, раскрывая руки. – Решили посетить меня в сей обители печальной? Похвальное желание, господин сыщик, похвальное!

Он любезно взял Алексея под руку и, развернувшись, пошел с ним обратно к ящикам.

– А где же сестричка моя? – задушевно поинтересовался Лазарь. – Неужто вас бросила одного? Какая нехорошая девочка. Я всегда пенял ей на ветреность!

Он сделал короткий жест в сторону охраны, и двое направились в сторону будочки.

И Алексей понял, что игра проиграна.

* * *

Они сидели на ящиках, за спинами все пятеро охранников. Кузя, облокотившись на стойку с костюмами, крутил свою самокрутку с марихуаной и смотрел на них своими коровьими глазами печально и задумчиво.

– Да, девочка... – наконец произнес он. – Ты не оставила мне выбора, сестренка. А ведь я тебя предупредил! А ведь я тебе и суке этой легавой сказал: [cherchez\[21\]](#) в другом направлении! Что ж, дети не всегда слушаются, это можно понять... Но их за это наказывают!

– Лазорик... – Голос Майи предательски дрожал. – Лазарь, неужели ты решишься меня...

– Ну, ты же решила за мной шпионить, сестренка? Ты же сунула свой носик в мои дела? А этого я никому позволить не могу, даже тебе! Ты меня вынудила, да-да, сама вынудила, бог свидетель, я не хотел, – он рубанул воздух, – принять крайние меры! И я их должен принять. Что весьма прискорбно...

– Ты... Ты же нас не убьешь?

– А что же ты хочешь, девочка? В таких делах свидетелей не оставляют. Носик твой любопытный да язычок твой бабский, болтливый, – разве такое можно оставить на воле? А уж про сыщика этого и не говорю – выпусти его, так он даст стрелача прямо на Петровку, не знаешь, что ли, породу эту ментовскую? Эх, голубки, не оставили вы мне выбора. Не люблю я это дело. Я-то человек мирный. Но, согласитесь, вы сами напросились, роднули...

Он пальцем подозвал к себе троих охранников и что-то очень тихо стал объяснять. Те кивнули в ответ и вернулись на место.

– Прощайте! – сказал Кузя и повернулся к ним спиной.

Охранники взяли их под руки, заставили встать и потянули к выходу.

– Кузя! Я же твоя сестра, Кузя! – упираясь, прокричала Майя. – Ты же всегда говорил, что боготворишь меня!

– Это правда, – слегка обернулся Лазарь, изогнув свой торс в картинной позе. – Теперь же придется боготворить твою память... Как подумаю, как я буду рыдать на твоих похоронах... Горе мое будет неутешным! На похороны не поскуплюсь, обещаю.

– Это по вашему приказу убили Марка Щедринского? – остановился на пороге Кис.

– Что, легавый, перед смертью правду узнать хочешь? – рассмеялся Лазарь. – Прямо как в кино! И зачем она тебе? Думаешь, на том свете тебе сплошная правда будет с праведниками в придачу? Это ты зря... Все говорят – нет правды на земле, но правды нет – и выше![\[22\]](#)

– И все-таки? – спокойно спросил Кис.

– Помилуйте, зачем мне сдался Марик? Жил себе, меня не трогал – и я его не трогал. Я же вам сказал – ищите ailleurs! Может, сестричка его хлопнула, а вы сразу ко мне, подслушивать да подсматривать! Как дети малые да плохо воспитанные, ей-богу!

– А Бориска? Веня?

– Много будешь знать, начальник, скоро состаришься. Хотя, дорогуша, – он соорудил скорбную мину, – состариться тебе не доведется, смерть уже протянула к тебе свою костлявую руку! Вот ее, смерть твою, я на душу возьму, да. А чужая слава мне без надобности.

– Это ты, Лазарь... – прошептала Майя, – это ты... Так страшно, так жестоко убил Веню!..

– Жестоко, говоришь? Страшно? Так убоись, несчастная! – грозно повысил голос Лазарь. – Веню твоего я в глаза не видел, но жестоко и страшно я тоже могу!

– Нет, Кузя, ты не сделаешь этого, ты не можешь! Я твоя сестра, неужто ты поднимешь на меня руку? Не верю!

Лазарь расхохотался.

– Ну, прям Станиславский: «не верю», ишь ты! На сантиментах играешь, дитя, сестра моя? Знаешь, что нежен я душою, и пытаешься меня разжалобить? – Лазарь выдержал паузу, изобразив на лице мучительную работу мысли. – Ну, что ж... Твоя взяла: живи. Не поднимется на тебя рука моя! Ты дорога мне, как память о детстве. Поэтому я не убью тебя, а только накажу примерно, чтобы урок на всю жизнь усвоила. Сейчас, под охраной вот этих троих добрых молодцев, вы поедете на природу, на такой своеобразный пикничок, в одно премилое местечко. Там твой сыщик выкопает ямку, а ты ему поможешь, лопаточкой поработаешь, трудовое воспитание пойдет тебе на пользу, больно ты расшалилась, проказница! После чего вот этого славного человека, достойного члена общества и борца за правду, пристрелят из того самого пистолетика, который мирно лежал у него в кармане. Уж не им ли ты размахивала, сестричка, на усачевской передаче, когда ты этого бравого парня так элегантно умыкнула прямо из-под камеры, а? По глазам вижу: им, родимым. Тот самый пистолетик, из которого был застрелен твой муженек? Вот и послужит нам еще это оружие-ветеран, постреляет себе на радость в добра молодца. Я уж не стану над тобой издеваться, милая, стрелять тебя в друга сердечного не заставлю – мальчонки наши это охотно и сами сделают, – но ручку твою тебе приложить придется! А на пистолетике твоя нежная ручонка и отпечатается. С этого момента старый добрый пистолет отправится на пенсию, на заслуженный отдых в надежное место, вместе с твоими отпечаточками: чуть ты, крошка моя, пикнешь – и ляжет он на стол следователю. И ты, родная-двоюродная, уже никогда не отмоешься: муженька грохнула, а потом и заложника... Так вот, друзья мои: сыщика, значаца, – в ямку, им же выкопанную. Ямку закопают, естественно, а потом, девочка, тебе придется отблагодарить мальчиков за их труд. Они у нас по бабской части очень охочи. Да и ты у меня, проказница, тоже не прочь, а? Ничего, что их только три? Мы себе двоих оставили, но если ты пожелаешь, я могу и пожертвовать, выделить тебе дополнительные фонды! Или хватит троих, управисься? Гляди, какие бугайчики упитанные, ты и с одним-то не скоро разделаешься, а там двое других в очереди переминаются, уже дыбом стоят, готовенькие... Хорошо, если дождутся, а то, не ровен час, рядышком пристроятся, оно, может, и тяжеловато выйдет для такого хрупкого создания, как ты... Но что же делать, долг платежом красен, ты же знаешь, милая. Так что программа молодежного фестиваля утверждена и изменению не подлежит! А как оклемаешься, сестренка, – милости прошу ко мне в гости. Досье не забудь принести, то, которым ты хвасталась на всю страну. Не то чтобы оно меня слишком интересовало, но все же так оно спокойнее будет, а то от твоей дурной головы и моим ногам покоя нет. Проблемы твои мы утрясем, не дрейфь, – «ну как не порадовать родному человечку»![\[23\]](#) А дела у нас с

тобой будут важные: обсудить требуется, как нам дальше жить, кузиночка. Ты после Марика наследница, у тебя капиталец есть. А капитал должен работать. Маркса читала? Вот-вот, капитал должен приносить прибавочную стоимость... Чао, бамбино!

* * *

Они копали яму под прицелом трех короткоствольных автоматов. Майя с одной стороны, Кис с другой – им велели не стоять рядом. Склонившись к лопате, Алексей прикидывал траекторию такого кульбита назад, под ноги «бугайчикам», чтобы одного сразу сбить, а других двоих одновременно на лету ухватить и повалить. Задача была весьма непростой, поскольку охранники оказались и впрямь упитанные, куда упитаннее детектива, и промашка в траектории или переоценка своих физических сил будет равна мгновенной смерти. Впрочем, утешало одно: если он не рискнет, то «мгновенная смерть» ему все равно уготована. О том, что после этого может случиться с Майей, он боялся и подумать, – авось на том свете ему уже будет без разницы...

Майя, повернувшись спиной к громилам, вяло ковыряла землю лопатой. Три пары глаз неотрывно и плотоядно следили за колыханием ее короткой юбки. Неожиданно лопата вылетела из ее рук едва не под нос к Алексею.

– Уф, жарко! – воскликнула Майя и стащила свой шелковый бронзовый пиджачок с плеч, оставшись в коротком топике на бретельках. Раскрутив его над головой, она с ослепительной улыбкой бросила его в одного из охранников жестом стриптизерши. Тот поймал пиджачок и не сразу отнял от своего лица, то ли утираясь им, то ли внюхиваясь в запах духов. «So pretty»...

Майя, сделав два шага к Алексею, наклонилась за лопатой, не забыв выставить задик в сторону громил. Казалось, те даже пригнули головы, чтобы увидеть чуть больше, чем позволяла ее юбка, которая, впрочем, и без того позволяла немало. Майя едва коснулась Алексея и скосила глаза на охрану.

– Воспользуйся, – еле слышно прошептала она.

Подобрав лопату, она отошла на свое место и проковыряла землю еще минуты две, как вдруг снова бросила ее и капризно проговорила:

– У меня уже волдыри на руках! Пусть он сам копает! Лично с меня хватит! Я предпочитаю перейти прямо к заключительной части!

С этими словами она легко выпрыгнула из неглубокой ямы в сторону охранников и принялась отряхивать руки, испачканные землей, о юбку, заходившую при этом действием ходуном, – а в такт ей заходили ходуном и три здоровые туши. Закончив танец с юбкой, Майя замерла на мгновение, оглядев с ослепительной улыбкой троих мужчин. Хорошо распаленные еще речами Лазаря на складе, они уже были доведены до нужной кондиции щедрой порцией соблазнительных Майиных поз.

– Приступим? – бросила она кость в гущу своры.

И, словно предлагая сделать это незамедлительно, она вырвала из рук одного из охранников свой пиджачок – чтоб не мешал – и запустила его в Алексея. Охранники хохотнули, найдя, по всей видимости, это очень остроумным.

Тем не менее один из них, самый высокий, сразу же насупился и указал ей автоматом в сторону детектива, исправно орудовавшего лопатой: там, мол, твое место. Алексей в это время мрачно отмахнулся от пиджачка – не до ваших, мол, мне игр, – и он упал рядом с ним на землю, прокружась золотым осенним листом.

Майя, не обращая внимания на Высокого, отошла от охранников шагов на пять, обозначив дистанцию

между «сценой» и «партером», но таким образом, что они были вынуждены отвернуться от Алексея. Они и отвернулись, хотя бы наполовину, выставив детективу на обозрение три мощных бока, а Майя, в награду за примерное послушание, принялась демонстративно расстегивать юбку.

Высокий что-то тихо сказал другим, но в ответ один похлопал его по автомату, а другой подпихнул локтем и кивком указал на Майю: юбки на ней уже не было, она летела в лицо Высокому, а Майя стояла на траве в трусиках из золотого шелка и в топике на бретельках, под которым отчетливо вырисовывался контур сосков.

Алексей напрягся, превратившись весь в слух и внимание.

Майя, перекрестив руки, взялась за край толика и прежде, чем потянуть его вверх, спросила игриво:

– Ну, кто будет первый?

Обещанный и разрекламированный Лазарем кусок торта уже не просто лежал на тарелке – он уже распластался в ложке, и ложка уже тянулась ко рту, и слюноотделение уже достигло своего апогея. Рот должен был раскрыться сам собой, и Майя с улыбкой ждала, скрестив руки на топике.

Долго ждать не пришлось. Крайний, средний по росту и самый упитанный, бросил автомат на землю и шагнул к Майе:

– Я.

Высокий, все еще держа Майину юбку в руках, как кубок чемпиона, шагнул вслед и дернул Самого Упитанного сзади за локоть, прошипев:

– Почему это ты? Давай разыграем!

Третий, тот, что был несколько меньше остальных ростом, пока колебался, оставаясь на месте, поглядывая на Киса, который, не поднимая глаз, по-прежнему орудовал лопатой.

– А давайте сначала этого пристрелим, а? – предложил Коротышка.

– А кто за него копать будет, ты?

– Дак уж лучше сами, спокойней будет!

– Вот и копай, а мы пока делом займемся, – ответил Самый Упитанный.

– А если он сбежит?

– Автоматная очередь быстрее бежит!

Высокий, однако, тоже засомневался:

– А может, того, лучше его и впрямь сразу? Чего это он еще смотреть будет?

– Да нехай смотрит, – отмахнулся Самый Упитанный, расстегивая ремень. – Чего он хорошего в жизни видел, правда, красавица? Пусть хоть перед смертью порадует!

Он протянул руки к Майе. Она игриво отскочила назад. Он сделал еще шаг. Она снова отскочила.

– Ты это, слушай, кончай... Иди сюда.

– Давай я ее подержу, – сглотнув слюну, предложил Высокий, смирившись со своим положением второго в очереди.

Третий, Коротышка, посматривал на Киса, все еще никак не мог решиться, охваченный внезапным приступом повышенной сознательности.

Майя стащила топик через голову и осталась в одних трусиках. Высокий издал булькающий утробный

звук. Коротышка извернул толстую шею и тоже уставился на Майю.

– Снимай трусы, – прохрипел Самый Упитанный, – живо!

– Иди иними, – ободряюще усмехнулась Майя. – Обожаю, когда меня мужчина раздевает!

Она приняла позу манекенщицы, выставив бедро, и закинула руки за голову. Самый Упитанный упрасивать себя не заставил, прытко подскочил, ухватился за ее талию, сжал обеими клешнями и начал отворачивать золотой шелк книзу.

Высокий стоял с дебильным видом, пожирая сцену глазами. Коротышка, разрываясь между объектами наблюдения, все еще оборачивался на детектива, но уже поглядывал на него невидящими, остекленевшими глазами. Услышав хрип: «Ох какая ты рыжая, и тут тоже рыжая!» – он в сердцах плюнул и потрусил в сторону Высокого, чтобы пристроиться в партер рядом с ним.

Это был момент во всех отношениях подходящий. Нельзя было медлить ни секунды, в руках этих скотов была Майя... Ярость легко подхватила Алексея на свое крыло, и ему понадобилось всего четыре коротких прыжка, скраденных шумом тяжелых шагов Коротышки, чтобы настигнуть его, сильно размахнуться и нанести удар лопатой по голове. Тот не успел и пикнуть, просто начал тихо заваливаться на спину Высокому, который, не глядя, стал отмахиваться от припавшего к нему почему-то коллеги. Решил, должно быть, что бедняга на ногах не держится в экстазе при виде голого женского тела. Да какого тела!..

Кис мгновенно сдернул шлею автомата с плеча Коротышки, сползавшего по спине Высокого все ниже, – и тот в конце концов повернул удивленно голову и даже открыл рот в надвигающемся крике... Но в этот момент Алексей, уже успевший завладеть автоматом, почти в упор выстрелил Высокому в ляжку.

Одновременно Майя резко потянула на себя Самого Упитанного, который, не успев ничего понять, доверчиво рухнул на нее, не заметив колено, выставленное в сторону паха.

Высокий скрежетал зубами, хватаясь одновременно за ляжку и за автомат. Кис выстрелил в другую, и Высокий сделал окончательный выбор в пользу простреленных ляжек, добровольно отдав оружие Алексею. Самый Упитанный в это время вопил, держась за пах, пытаясь пнуть Майю ногой и одновременно стащить автомат с плеча. Она перекатилась, ловко уворачиваясь от тяжелого ботинка – благо ноги охранника были стреножены спущенными брюками. Кис прошелся очередью по его бочкообразным икрам.

Под дулом автомата все трое раненых окончательно присмирели на земле. Майя, натянув на себя наскоро одежду, собрала остальное оружие и отнесла в машину.

Спустя четверть часа Алексей с Майей подтащили все три туши к машине. Один автомат Кис взял с собой, остальные сложили в багажник, раненых бандитов свалили на заднее сиденье и любезно посоветовали не двигаться, если хотят дожить до больницы. Майя держала их на прицеле, Кис сел за руль джипа.

Час спустя машина с подстреленной дичью была оставлена у ворот первой попавшейся больницы, а Кис с Майей, поймав тачку, поехали забирать старенький «Москвич», припаркованный возле «Творческого молодежного центра».

* * *

Александра уже третий день набирала номер Алены и каждый раз, не дождавшись ответа, вешала трубку.

Как спросить? Как это выговорить?

«Эта ваша подруга, Майя, – она способна соблазнить Алексея?» – да ни за что, ни за что она этих слов не произнесет, этих убогих слов ревнивой жены!

И потом, Алеша... Она ему доверяет. Он не станет искать других отношений, он любит ее, Александру, и никто другой ему не нужен!

Да, он искать не станет, но если... Но если она станет искать отношений с ним?

«Эта ваша подруга, она способна соблазнить Алексея?»

Александра достаточно ясно смотрела на вещи, чтобы понимать, что когда соблазняют, то начинается игра по совсем иным правилам.

«Алена, эта ваша подруга, Майя... Как, с вашей точки зрения, она поведет себя с Алексеем?»

Боже, никогда она это не скажет, никогда! Стыд какой, расписаться в собственном бессилии, в страхах перед какой-то ничтожной девицей, которая, не имея ни ума, ни таланта – ничего, кроме хорошенькой внешности, – самоутверждается только за счет мужских пенисов! Как могло ей только прийти в голову, ей, Александре Касьяновой, известной журналистке, умнице и красавице, что она может сравнять себя с этой Майей положением соперницы!

Ну нет уж, не будет она звонить Алене и задавать такие позорные вопросы не станет.

Алена позвонила сама.

Вежливо поинтересовалась новостями.

Высказала восхищение последней статьей Александры.

Саша, любезно и скупно отвечая, ждала. Алена позвонила неспроста, она это чувствовала. Что-то Майина подруга хотела ей сказать, да никак не могла решиться.

Алена все перебирала разные светские темы, и Саша вдруг испугалась, что она закончит разговор, так и не отважившись произнести те слова, ради которых позвонила.

Она Алену перебила. Она решила идти ва-банк.

– ...Вы ведь мне позвонили не случайно, правда?

Алена растерялась и замялась.

– Ну, если честно... Я хотела... Видите ли... Я хотела у вас спросить: Майя никогда не пыталась вам показать свои статьи?

– Пыталась.

– И вы...

– Посоветовала ей больше не писать.

– Вот я так и подумала... Давайте встретимся, у меня есть одна мысль, которая может оказаться важной для вас...

Холодок побежал по спине Александры. Неприятный такой, мерзкий холодок.

Она предложила встретиться незамедлительно.

– ...Я просто поставила себя на ваше место, – говорила Алена, помешивая кофе, – немного запоздало, правда, но все же... Когда вы спросили, тщеславна ли Майя... Я знаю, вы хотели понять, как она может себя

повести с Алексеем Андреевичем, да?

– С чего вы взяли? – сухо спросила Александра, холодея меж тем от вопроса прямодушной Алены.

– Не надо, Саша... – Алена положила свою руку на руку Александры. – Можно я буду вас так называть? Вы мне очень симпатичны, иначе бы я не пришла к вам с таким разговором. Я долго колебалась, прежде чем решиться, все-таки Майя моя подруга, но вы – вы имеете право знать некоторые детали...

Она замолчала и вопросительно посмотрела на Александру. Та в ответ прикрыла глаза, собираясь с духом, и кивнула:

– Спасибо, Алена. Я вас слушаю.

– Дело в том, что Майя очень интересовалась вами и вашими отношениями с Алексеем Андреевичем...

Александра слушала, кровь билась в ее висках. Чутье ее не подвело, они были в опасности – она и Алеша и их любовь...

«Любовь»? Я сказала – «любовь»? – удивилась она мысленно. – Я сказала – любовь...»

– Зачем? – произнесла она вслух.

– Просто так. Дух завоевания.

«Он должен это почувствовать, он это поймет, Алеша. Он всегда тонко улавливает суть вещей; не очень умеет их высказать, но чувствовать умеет, да...»

– Вам, может, покажется удивительным, но Майя по-своему бескорыстна, она это делает просто так, из спортивного интереса...

– «Догнать и перегнать»?

– Вот-вот, – обрадовалась подсказке Алена, – именно. Она не преследует никакой конкретной цели... Просто играет ради игры. Когда мужчина рядом, она не может удержаться, это сильнее ее...

«Алеша всегда очень чутко реагирует на фальшь. Он обязательно разберется...»

– Но она хорошая актриса, – с сожалением произнесла Алена, добивая ее. – Я ее видела, можно сказать, в действии. У мужиков крышу сносит.

«Он не «мужик»! Он – мой Алеша. Даже если он немного увлечется – он все равно поймет, что к чему, рано или поздно! Только лучше бы рано...»

– Вам плохо? – донесся до нее, как сквозь вату, голос Алены. Александра открыла глаза, с удивлением обнаружив, что она полностью отключилась от своей собеседницы, погружившись в мысли.

– Вы так побледнели... Простите, я не хотела... Вы знаете, всегда очень трудно сделать выбор между правдой и той болью, которую она может причинить. Но вы, я знаю, вы сильный человек. Для вас правда важнее. Я не ошиблась?

– Не ошиблись, Алена. Я действительно сильный человек. И потом... Я в Кисанове уверена.

Алена ничего не сказала в ответ, но взгляд ее выразил сочувствие.

*** * ***

«Снять дачу в летний сезон? И не мечтайте. Все снято еще с прошлого года, а что оставалось, так в начале весны ушло!» – сказала им пожилая женщина, к которой они обратились на улице вот уже третьего

дачного поселка.

Измученные бессонной и нервной ночью, они сбились со счета и уже не знали, в каком поселке – десятом? пятнадцатом? – им все-таки повезло. Сдавалась летняя пристройка – крошечная комната с летней кухней. С одной кроватью – «но вы ведь супруги, так что вам как раз будет»...

Выбирать не приходилось. Они согласились.

Несмотря на ранний вечер, они буквально рухнули, не раздеваясь, на довольно тесную тахту и уснули мгновенно.

* * *

Кис проснулся, едва начало светать. Встал, умылся, уселся на стул, закурил. Майя, почуяв свободу, моментально раскинулась на всю тахту. Да, тесновато им спать будет. Только если в обнимку...

А, собственно, как же еще? Разве у него есть выбор? Он знал, что неизбежно окажется в постели с Майей. И это случится скоро, очень скоро – может, завтра, а может, через час... Но он тянул время, пытаясь выиграть у неизбежности еще чуть-чуть, еще совсем маленькое пространство, в котором он принадлежал Александре, и только ей.

Придирчиво изучая все то, что происходило в его душе и мыслях, он наткнулся на парадокс, который обозначил уже ставшим родным словечком «парадигма». Он по-прежнему любил Александру, но каким-то странным образом Майя, не потеснив ее, одновременно заняла свое место в его душе... Он не понимал как; он не представлял, что подобное возможно... Вот такая парадигма любви...

Впрочем, его чувство к Майе было совсем иным: он желал ее, да; она стала ему дорога, да; но она все равно оставалась чужачкой, инопланетянкой, ненадолго залетевшей в его жизнь по чистой случайности. Саша была родной, она была его частью, она была его судьбой...

Он мог бы отказаться от Майи – и даже легко, не будь она рядом. Но эта ежедневная близость была пыткой, невыносимым истязанием. «Соблазн – это когда знаешь, что хочешь, и отдаешь себе отчет в том, что можешь...» – сказала Майя. Именно так, она была права. Он хотел, да. И он мог. Майя ему эту возможность со всей очевидностью и даже настойчивостью предоставила. И играть теперь роль «целки-невидимки» было бы фальшиво, не по-мужски и даже пошло. А Кис, может, в чем и был простаком, но пошляком нет, никогда.

И почему-то – нелепая мысль! – но он был уверен, что Александра бы его поняла. Роль стойкого оловянного солдатика в подобной ситуации она бы сочла дурновкусием. По крайней мере, если бы «подобная ситуация» касалась не Алексея, а была, к примеру, сценой из кино или из романа...

Он посмотрел на Майю. Она спала крепко, смешно сложив губы, светло-рыжие пряди разметались вокруг головы ореолом, – она была необыкновенно хороша и пронзительно беззащитна. Она доверилась ему, и теперь он отвечал за это странное, прелестное, распутное дитя, столь внезапно вторгшееся в его жизнь.

Пусть ненадолго, но раз судьба втиснула его в то геометрическое и временное пространство, где находилась Майя, – значит, ему суждено это прожить.

И он это проживет.

Хотелось есть, и Кис открыл холодильник. Еще с вечера они договорились с хозяйкой и загрузили в холодильник творог, молоко, яйца и овощи с участка. Кис налил себе в чашку молока, выпил... И едва не

подавился колечком. Вот незадача: он взял чашку со стола, но Майя приспособила эту чашку под свои украшения, которые он в темноте не заметил! Чертыхнувшись, Алексей тщательно отмыл четыре колечка от молока (то, которое он снял с шеи киллера, Кис ей пока не вернул, держал по-прежнему в сумочке).

Интересно все же было бы узнать, где валялось кольцо с бриллиантом, когда его прихватил киллер? Майя не помнит. Может, домработница вспомнит? Надо бы узнать у Сереги, ее уже наверняка допросили... И зачем киллер повесил его на цепочку? Решил его носить в качестве талисмана? На счастье?

Кис поджарил яичницу с помидорами, достал творог, вскипятил чайник.

После чего осторожно тронул Майю за плечо. Она открыла удивленные глаза.

– Есть хочешь?

Майя села на кровати, потирая щеки.

– Где мы?

– На даче, которую сняли.

– А... Помню. Алеша, мне это не приснилось? Лазарь, могилка в лесу, дебилы с автоматами? Это на самом деле все происходило, да?

Алексей молча кивнул. Майя потянулась и вдруг всплеснула руками.

– Слушай, ты был – просто класс! Как герой боевика!

– Ты тоже молодец... Не растерялась, – произнес он, чувствуя болезненный укол в сердце при воспоминании о грязных лапах и похотливых взглядах на ее обнаженном теле. – Ты меня спасла... Будешь есть?

– А ты – ты спас меня. А ведь мог сбежать, пока я дебилов отвлекала...

– Я?!

Алексей так удивился подобному ходу мысли, что даже не нашелся, что ответить.

– Прости, – улыбнулась Майя, – я глупость сказала. А чем это пахнет? Вкусно!

– Я приготовил яичницу.

Она вскочила, умылась, причесалась, села за стол: прилежная ученица, в школу собирается, портфель уже сложила.

Когда они закончили ранний завтрак (или запоздалый ужин?), Майя снова уползла спать, а Кис устроился за столом: наступило время серьезных размышлений. От результата его мыслительного процесса будет зависеть жизнь его и Майи...

Итак, «парадигму» составляют Марк, Бориска, Майя, Веня. Три убийства, одно покушение. Кто за ними стоит? Вся его версия с Веней, которую он недавно так лихо сконструировал, ни к черту не годилась. Игра шла явно не по Вениным правилам – автора не убивают в его собственном сценарии.

Тогда – Лазарь? Посмотрим, посмотрим...

Каков мог быть у Лазаря интерес в устранении Щедринского? Свои разборки? Маловероятно. Деловую связь мужа с кузеном Майя углядела бы. Так что смерть Марка должна быть связана с Майей. Как, вот в чем вопрос.

Версия Майи – ее хотели подставить.

Версия с Веней: освободить любимую женщину для себя.

А Лазарь? О любимой женщине не будем – она ему кузина, а он всем гей. Подставить? Но зачем? Не далее как вчера можно было воочию убедиться, что Лазарь располагает множеством других инструментов влияния на сестричку... Да и письма эти с угрозами – не Кузя же их писал, со сценарием изнасилования по ролям! Хотя... Почему же, его «наказание» для исправления нравов сестрички было вполне в том же духе... Но нет, Кузя письма не пишет, Кузя отдает приказы и действует... А в роли анонимно-онанирующего автора, единого во всех десяти лицах, во всех сценах, выношенных его воспаленным воображением за долгие годы неразделенной страсти, Веня смотрится куда лучше...

Но если... Если взять за основание ту фразочку, ту неосторожную фразочку, что Кузя произнес на прощание, предполагая больше никогда не увидеть навязчивого детектива? «Ты после Марика наследница, у тебя капитал есть. А капитал должен работать. Маркса читала? Вот-вот, капитал должен приносить прибавочную стоимость...»

Какую прибавочную стоимость имел Лазарь в виду, и ему понятно: в виде доходных заграничных борделей с русскими девочками и наркотиков для русских подростков. Что вряд ли мешает Лазарю и К° пускать пьяную слезу умильного патриотизма в ресторанах под какие-нибудь «Как упоительны в России вечера...».

Допустим, решил Лазарь капиталец Щедринского прибрать к рукам через двоюродную сестру. Тогда смерть Марка никоим образом не связана с расследованием Майи – ее мужа устраняют по приказу Лазаря. Майя ведет себя непредсказуемо, влезает в эфир, но Лазарь шибко не дергается: скорей всего, просто не поверил ее заявлению о компромате, решил, что Майя просто нашла экстравагантный способ сыскать себе известность. О чем он ей напрямик и заявил по телефону.

Итак, Лазарь пока спит спокойно: уверен, что шептунья сестричка, даже если что и накопает паче чаяния, то все равно далеко не уедет со всеми своими раскопками. В тот момент он никак не мог предположить, что позже Майя выйдет напрямик на него самого как на одно из важных действующих лиц в ее компромате. И потому всерьез ее акции не воспринял. Кроме того, как он Майе заявил, «у родимой милиции на них всех досье давно покруче твоего заведены! Но только где она, милиция? Сидит, миленькая, пузыри пускает! Куда им с такими людьми тягаться, кишка у них, у ментов, тонка!».

Иными словами, у Лазаря и К° надежные люди в правоохранительных органах надежно схвачены. Прямо как у душки Усачева. Причем, конечно, не на уровне сыщиков, а где-то на уровне большого начальства, возможно, в прокуратуре, – на уровне тех, кто обладает достаточной властью, чтобы наложить лапу на расследование. Лапу, щедро позолоченную заинтересованными лицами... Да Лазарь, собственно, так прямо и сказал: «Проблемы твои мы утрясем, не дрейфь...»

Из чего следует, между прочим, что Кис был прав, когда покинул дачу до приезда Сереги: друга Кис, конечно, подозревать не может и не будет, но вот куда отправляется информация от сыщиков, на чей стол она ложится? И в особенности с чьего стола она бесследно исчезает? Хороший вопрос.

Но раз жизнь Лазаря так светла и тепла, и все в ней так ловко предусмотрено и обустроено, и не боится он ни Майи (то есть ее заявления на телевидении), ни следствия, то зачем Лазарю Бориску убивать понадобилось? Что его вдруг так насторожило, что он принялся искать Майю и ее компромат? Вот что непонятно...

Еще одна странность: убийца Марка бросил пистолет на месте. Убийца Бориски оружия не оставил. Один и тот же ли это наемник? Если за обоими убийствами стоит Лазарь, то логично предположить, что подобная работа была предложена одному и тому же специалисту. Это телохранителей держат отрядами, а для наемных убийц имеется, как правило, одна штатная единица. Но у каждого киллера свой почерк, он

обычно верен своим привычкам. Если он бросает оружие – то он его бросает всегда.

Как Лазарь вычислил Бориску? Не через Лермита, это очевидно: его избили уже после убийства компроматчика. Рабская порода, Лермит даже смерти не удостоился: зачем убивать, человек полезный, а ботинок, помня вкус плетки, он до конца своей жизни будет преданно лизать хозяину и в глаза заглядывать: «Чего изволите?» Но за что же Лермита избили и почему уже после смерти Бориски? Где тут связь?

Пока непонятно, но все же допустим, что именно Лазарь каким-то образом на Бориску вышел, в конце концов, мир тесен, дело техники... И послал к Бориске убийцу: подлеца наказать, компромат уничтожить и до Майи добраться. А там и Венин номер нашелся у Бориски на определителе, и адресок быстренько установили...

Однако ж в таком случае проблему они решили нерационально. Окажись Кис на месте Лазаря, он бы заставил Бориску вызвать Майю за обещанным компроматом и устроил бы там для нее засаду. Куда проще! Что-то тут не сходится, в этой истории с Бориской... По логике вещей, Лазарь мог выйти на Бориску только потому, что искал Майю и ее компромат. Но все говорит о том, что кузен вовсе не воспринял всерьез ее заявление на телевидении. Что же Лазаря могло насторожить и привлечь внимание к Бориске?

Далее, зачем Лазарю посылать убийцу к Майе? Вот это напрочь лишено смысла. Пугать ее? Рискованно. В раскладе с Веней все выглядело куда стройнее: Веня находился на месте событий и держал ситуацию под контролем – убийцу пристрелил, Майю до смерти напугал. Но Лазарь контролировать ситуацию не мог. Нет, ему пугать Майю было бы совсем глупо, да и без надобности: если по его приказу убили Бориску, то и приготовленный для Майи компромат уже находился в тот момент у кузена (а про секретный файл на диске болваны-исполнители не догадались). Тогда зачем киллер к Майе приходил? Ее выкрасть? И к Лазарю привести? Но где же всякие причиндалы – баллончик там, тряпочка с хлороформом? И почему же убийца, схватив Майю, не потащил ее прямоком к машине, а тупо пытался заставить ее утихнуть?

Непонятно. Совсем непонятно.

А что, если оставить на совести Вени этот странный ночной визит киллера (да и киллера ли?) с целью напугать Майю и так далее, а вот смерть Марка, Бориски и самого Вениамина включить в «парадигму» Лазаря?

Смерть Марка легко встраивается в эту схему. Бориска – очень натужно. А смерть Вениамина...

Здесь снова всплывает неотвязный вопрос: тот ли самый это был наемник, который до Вени убил Марка и, возможно, Бориску?

На глаз, вприкидку, Кис сказал бы: не тот. Почерк другой. Трудно точно определить без экспертизы, но Алексею дело представлялось таким образом: Веню сначала крепко избили – скорей всего, пытали, – а потом, полуживого, потащили в гараж, где приколотили к стенке и добили машиной... Одному убийце с этим было бы трудновато справиться. Скорей всего, по Венину душу явился не один, а два – а то и больше – душегуба... Да и мизансцена Вениной смерти была поставлена напоказ, для устрашения тех, кому это зрелище предназначено... Кому? И поставлена она со всеми признаками дурного, дешевого, заштампованного ужасиками вкуса... На роль режиссера-постановщика так и напрашивается Лазарь.

Но к чему она Лазарю, Венина смерть? Отомстить за пропавшего киллера, убитого Веней? Теоретически может быть, при условии, что киллер был одним из людей Кузи и Кузя им дорожил... Проблема, однако, в том, что авторство в сцене покушения на Майю Кис уже отдал Вене.

У Вени что-то искали. Веню пытали. Раз пытали – значит, бородач молчал. О чем молчал? Где

скрывается Майя? Кис, помнится, сам предупредил Веню, что в поисках Майи лихие люди могут его навестить и душу из него вытрясти. И он, бедолага, даже сдать ее не сможет, потому как знать не будет, куда Кис Майю увез...

Да, но не далее как вчера Майя *сама* приходила к Лазарю! И ровно до тех пор, пока их не обнаружили в качестве незаконных свидетелей сделки, Лазарь даже не дернулся, чтобы задержать Майю... Она его явно не интересовала. На складе было сказано, «что она не представляет опасности»... А что представляет опасность? Документы?

Проклятье, ничего, ничего здесь не сходится!!!

Хотя... Постой-постой... Что-то такое Майя тогда сказала... Тогда, когда щебетала насчет поливки сада по телефону...

Он посмотрел на нее. Она лежала лицом к стенке.

– Ты спишь, Майя? – тихо спросил Кис.

Она медленно повернулась.

– Тебя жду...

– Я... Я выспался. Скажи мне, о чем ты тогда с Лазарем говорила по телефону, когда ему инструкции давала?

Майя долго вспоминала, морщила нос, не могла никак сосредоточиться.

– Иди ко мне, – наконец произнесла она.

– Майя, это очень важно...

– Это самое важное: иди ко мне, – нежно, зазывно прошептала она и протянула руки.

Кис медлил. Кис все еще колебался.

Майя вскочила, приблизилась к нему босиком, взяла его за обе руки и потянула, вынуждая сделать несколько шагов в сторону тахты.

И он их сделал.

Вот он и наступил, тот момент, когда *неизбежное* должно случиться, еще успел подумать он перед тем, как рухнуть в бездонную пропасть ее объятий...

– Ах, Алеша, – говорила она, поглаживая его по животу, – как мне хорошо с тобой, если бы ты знал! Ты не обиделся тогда, ну, когда я сказала, что с тобой только в наручниках можно, нет? Я ведь тогда не знала... Нет, я знала, я предчувствовала, что с тобой будет так чудно, так восхитительно хорошо... Ты не согласишься, когда я увидела тебя на экране, я вдруг поняла, что я хочу туда, туда, где ты... Не понимаешь? Я тебе объясню...

Да, именно в том разговоре по телефону с Лазарем Майя обронила фразу насчет прессы... Алексей почти не слушал ее щебетанье. Мысль его заработала снова, и ему нужно было немедленно прояснить ее до конца.

«...Был момент такой, признаюсь тебе, – я обиделась на Касьянову, на Александру твою распрекрасную... Ты не думай, мне вообще-то до нее дела нет! Но вот был такой момент, когда мне захотелось ей отомстить: она мою статью раскритиковала! Она считает, что только ей одной дано знать, как надо писать и как не надо! И я еще подумала: вот увести бы у нее мужика! И тогда я тобой

заинтересовалась...»

И еще она сказала что-то вроде «серьезно». О чем шла речь?

«...Вот тогда я и обратила на тебя внимание. Ты знаешь, у меня такое чувство, будто я влюбилась в тебя сразу же...»

И еще она сказала – «скоро»...

Кис осторожно высвободился из-под ее рук, сходил за сигаретой, прикурил и присел на постель рядом с Майей.

– Вспомни, пожалуйста, что ты сказала Лазарю по телефону насчет прессы?

Майя изумленно уставилась на него: он ее вообще не слушал, что ли? Некоторое время она решала: обидеться или нет. Затем пожала плечами и улыбнулась:

– Да ничего особенного! Он все мне про славу твердил, а я ему сказала, что на телевидении я только страху натерпелась, а вот настоящее дело будет в прессе! Я ведь даже начала статью набрасывать, ты не видел в компьютере?

– Не обратил внимания. И о чем статья?

– Как о чем? Обо всем об этом! Как Марка застрелили, потом Бориску, как мы документы нашли... А что?

– Прости, Майя, я в журналистских делах ничего не понимаю, но мне представляется, что сначала надо иметь стройную версию, которая могла бы объяснить все эти факты, а уже потом писать статьи!

– Точно, ты ничего не понимаешь! Моя задача – описать, как дело было! А версии будешь строить ты. А потом, – усмехнулась она, – когда материалы опубликуют, и вся страна будет активно строить версии. Знаешь, куда их надо отдать? В «Совершенно секретно»! Это их профиль! Александра сможет устроить?

– Между прочим, компьютер у меня на даче остался, и материалы в нем.

– Ну, мы же не будем тут вечно сидеть, правда же?

– Вечно – не будем. Но пока я не пойму, что к чему, – мы с места не стронемся. Чтобы отсюда уйти, надо понимать, куда и как, а для этого надо точно знать, где нас подстерегает опасность. Подозреваю, что твой кузен дорого бы дал, чтобы нас найти... И ты оказалась права – в милицию нам тоже пока нельзя являться. У Лазаря твоего, похоже, там есть кто-то, кто нас сразу же ему и сдаст...

– Вот видишь! – торжествующе проговорила Майя. – А ты не хотел верить!

Кис не стал ввязываться в дебаты. Этот аспект он будет обсуждать с Серегой.

– Так ты ему сказала по телефону, что материалы скоро в прессе появятся? – вернулся он к интересующей его теме.

– Ну да! А что?

– Вспомни, маленькая, весь разговор, это очень важно!

– Алеша, ну это когда же было!

– Три дня назад. Вспоминай. Ты сказала слово «серьезно» или «серьезные»... О чем шла речь?

– А, ну конечно же, это про материалы! Кузя надо мной смеялся, спросил, уж не собрание ли анекдотов я собралась публиковать. А я и ответила, что материалы самые серьезные...

– И еще, ты добавила что-то еще... Про что-то в «надежных руках».

– Кузя сказал: ну тогда смотри, береги свой компромат как зеницу ока! А я его заверила, что документы в надежных руках. Да, он еще спросил, доверяю ли я тому, кто хранит документы, а я сказала: «Как самой себе...»

– И кого же ты имела в виду?

– Как – кого? Тебя, конечно!

– Хм, меня... Кузя хорошо осведомлен о твоей личной жизни? Он знает о твоих друзьях, поклонниках, любовниках?

– Еще как! Сам всегда выпрашивает. Он же – я тебе говорила – любит выступать в роли женщины, и я для него – источник информации и вдохновения! Я бы, знаешь, не удивилась, если бы Лазарь в кустах засел, чтобы подсмотреть, как меня насилуют будут! И потом использовал для своего актерского арсенала в роли драг-куин!

– Про Веню он тоже знал?

– В подробностях.

– Так вот почему его пытали и убили...

– Почему? – Майя вдруг перешла на шепот.

– «Надежные руки». Обо мне Лазарь ничего не знал, «надежные руки» для твоего братца – это Вениамин, друг с детства, верная жилетка, палочка-выручалочка, твой преданный паж-мазохист... Лазарь решил, что твой компромат хранится у него.

Майя села к Кису на колени верхом, обняла за шею и прижалась головой к груди. Некоторое время они молчали.

– Пожалуйста, Алеша, пожалуйста, не надо сейчас об этом... – вдруг прошептала она ему в ухо. – Лучше поцелуй меня, слышишь, поцелуй...

...Едва ее губы коснулись его шеи, как мыслительный процесс детектива моментально и полностью конвертировался в сторону rease&love, а воображение заработало только на тему «давай еще так»...

* * *

К утру Кис, подсобрав оставшиеся после головокружительных упражнений с Майей силенки, решил съездить на свою дачу за компьютером. Она уже крепко спала, и он не стал ее будить. Он обернется часа за три, вряд ли она проснется за это время. Мобильный он забрал с собой – от греха подальше. На этот раз Алексей оставлял Майю со спокойной душой – здесь она была в безопасности, найти их практически невозможно. Они и сами едва знали, где находились.

Добравшись до своей дачи, он прокрался к себе со всеми предосторожностями: как знать, может, люди Лазаря его уже поджидают? Но, кажется, все обошлось. Кис благополучно вошел, осмотрелся: все на местах, вроде бы не тронуты...

Ну да, как же! Компьютер был развинчен, оба диска отсутствовали – и Борискин, и собственный диск Киса. Рядом лежала его записка, та самая, которую он оставлял на дверях для Сереги, и поперек его текста: «Приду сам, когда найду доказательства» – было крупно написано печатными буквами: «СКОТИНА ТЫ, КИСАНОВ!»

Под запиской лежал лист бумаги, исписанный Серегиным почерком.

Серега призывал явиться вместе с Майей на Петровку; Серега требовал сдать пистолет и прочие

вещдоки; Серега страдал лишением лицензии; Серега рассказывал наиболее существенные моменты их следствия и требовал от Киса информации в обмен...

Знал, сукин сын, что Кис на дачу вернется, и записочку ему оставил! Серега, друг Серега...

Среди разной информации, щедро выложенной Серегой, Алексея заинтересовало больше всего Борискино ухо: экспертиза установила, что оно было прострелено уже после смерти. Не надо было долго думать, чтобы понять: инсценировка. Кому-то понадобилось создать впечатление, что Бориску заставили что-то сделать под дулом пистолета, прострелили для острастки ухо, после чего его все равно убили... В таком раскладе становится понятен и обыск у Бориски, вполне ненужный: тоже часть инсценировки. Хорошо бы еще узнать, кем она сделана и зачем.

Кис поразмыслил и решил, что долг платежом красен. Он должен другу информацию в обмен. Алексей достал мобильный. Говорить с Серегой он не хотел, решил надиктовать послание на автоответчик, и уже включил кнопочку, и уже собрался набрать номер...

Как телефон неожиданно зазвонил в его руке.

– Куда ты делся?! – услышал он голос Майи.

– За компьютером поехал.

– Я чуть с ума не сошла, просыпаюсь – тебя нет! У тебя все в порядке?

– Откуда ты звонишь?

– Из постели.

– Тогда – откуда у тебя телефон?

– Из твоего портфеля.

– Киллера?

– Он самый. Ты говорил – нужен пин-код, – а вот и не нужен! Код заблокирован: включай и пользуйся! У тебя там все спокойно, на даче?

– Майя, отключи мобильник немедленно, слышишь? Мало ли кто будет звонить на его номер – не вздумай ответить!

– Да ладно тебе, чего ты так волнуешься? Отключу, отключу. Ты скоро? А то я соскучилась!

– Уже еду...

Кис снова попытался набрать Серегин номер, однако его мобильный как с цепи сорвался, будто все только и ждали, когда он его включит. Кис с сомнением нажал на кнопку соединения.

Это была Александра.

– Алеша, наконец-то! Я взяла у Сереги твой номер и почти целые сутки сижу на телефоне, набираю постоянно в надежде, что в какой-то момент ты включишь свой мобильный... – голос Александры немного срывался какими-то незнакомыми, напряженными нотами.

– Что случилось, Сашенька? – обеспокоенно проговорил Алексей.

– Ничего, ничего не случилось. Все нормально. Как ты?

– По-моему, я близок к разгадке. Я еще не знаю, где она, в чем она, но я ее уже чувствую, я уже к ней несусь прямым ходом!

– У тебя всегда так, – он услышал, как она улыбнулась на том конце. – «Кис в сапогах», как говорит Ванек... Ты знаешь, я соскучилась. Тебя уже десять дней как нет.

– Я тебя люблю, – сказал он. И это было чистейшей правдой.

Ему показалось, что Александра задержала дыхание, вслушиваясь в его слова.

– Это приключение скоро закончится, обещаю, и мы снова будем вместе, – добавил он. – Не волнуйся, родная.

Едва слышный, сдерживаемый выдох облегчения, и она спокойно проговорила:

– Что ты, милый, я вовсе не волнуюсь, ты же меня знаешь... Послушай, мне показалась важной следующая информация: по словам Алены, Майя тобой очень интересовалась еще до всей этой истории. Она, похоже, решила тебя соблазнить, чтобы отомстить мне за критику на ее пробный опус...

Александра замолчала. Алексей не сразу нашел, что ответить, – кажется, в этом месте надо заверить Сашу, что Майя его не соблазняла? Хорошо было бы, да только невозможно...

Молчание грозило затянуться, и Кис произнес, с трудом припоминая пропущенное им мимо ушей журчание Майиной речи:

– Да, Майя мне об этом говорила. Была у нее действительно в какой-то момент такая мыслишка. Она девушка своеобразная, эта Майя...

– Тебе виднее, – несколько холодно, несколько напряженно, несколько разочарованно сказала Александра.

– Я люблю тебя, – повторил он, как заклинание. – Жди меня, и я вернусь...

– Я жду тебя, Алеша. – Кис слышал, как Александра грустно улыбнулась. – Очень жду.

Разговор с Сашей принес ему болезненный спазм внутри и чувство вины. Он не хотел разбираться в сложившейся ситуации, по крайней мере, не сейчас. Будет ли он себя винить или оправдывать, станет ли рассказывать Александре о том, что случилось между ним и Майей, или промолчит – все это решится потом, позже, когда закончится этот безумный бег наперегонки со смертью... Когда он выиграет эту гонку.

Усилием воли он стряхнул с себя нахлынувшие чувства и набрал наконец Серегин сотовый.

Он оставил на автоответчике довольно подробный перечень фактов, закинул кое-какие вопросы Сереге на размышление и уже хотел было выключить телефон, как он снова зазвонил прямо в его руке. Ночные приключения не закончились.

– Господин Кисанов? – услышал он мужской голос.

– Слушаю.

– Не вешайте трубку, с вами будут говорить.

Секретарь, должно быть, просидел, как Александра, целые сутки, пытаясь дозвониться на выключенный мобильник Киса. Вот только хотелось бы знать – чей секретарь?

Впрочем, ответ на этот вопрос Кис легко предвидел: номер его телефона мог оставить следы на определителях Бориски, Вени, Лазаря и Сереги. Бориски и Вени нет в живых, а у Сереги нет секретаря.

И впрямь, через короткое мгновение в трубке зарокотал незабываемый баритон Лазаря:

– Алексис! Роднуля! Приветствую! Я вами искренне восхищен! Мои комплименты, самые искренние комплименты! Вы не хотите пойти ко мне работать, голубчик? Мне нужны такие brave молодцы, как вы,

а? Ну, как хотите. Я, собственно, к вам вот по какому делу: сеструха моя где?

Алексей молчал.

– Послушайте, Алексис, вы должны же понимать, что жизнь – она длинная. Это сегодня вы в героях, а завтра – неизвестно, как оно повернется, согласны? Вчера ребятишек было трое, но завтра может оказаться пятеро. Или десятеро. И проказницы, кузинки моей, под рукой может не случиться, чтобы перед мужиками сиськами трясти, пока вы их всех лопаточкой не перебьете... Понимаете, господин сыщик, к чему я клоню?

Молчание.

– Так вот, Алексис, если хотите жить спокойно, давайте сделаем ченч[24], услуга за услугу: я снимаю с вас приговор к смертной казни, а вы мне возвращаете блудную сестру. Дела у нас с ней, а дела не ждут! Идет?

Молчание.

– Алексис, вы здесь? Вы меня слышите?

– Вполне.

– Прелестно. Роднуля, подумайте – ведь не будет ченча, не будет и отмены смертного приговора! Я еще не начал вас искать, но начну. А как начну – так и найду, не сомневайтесь, голубчик... Полагаю, что вы не настолько наивны, чтобы надеяться на вашу альма-матер, то бишь милицию?

Кис, не произнеся ни слова, отключился.

Он запер дачу и поехал обратно, придумывая слова, которые могли бы смягчить разочарование для Майи – компьютер он не только не привезет, но и все материалы вместе с черновиком ее статьи находятся в руках Сереги. Возможно, что безвозвратно.

Но сам Алексей особо не печалился: Борискин диск теперь вместе с той информацией, которую Кис послал другу на автоответчик, представляет собой достаточно веские основания, чтобы Лазаря и компанию хорошенько потрясти. Киса это более чем устраивало – основная угроза на сегодняшний день для них с Майей исходила именно от кузена: они ослушались, а это не прощается. Лазарь не пошутил: он непременно захочет, чтобы последнее слово осталось за ним.

Так что чем скорее и чем пристальнее Серега заинтересуется артистом, тем лучше.

Майя страшно расстроилась, узнав, что материалы конфискованы.

– Пойми, Алеша, я сделала *такое* заявление на телевидении – и теперь я должна его подтвердить фактами! Иначе мои утверждения голословны и я просто болтушка, тщеславная дурочка, которая несет ахинею лишь для того, чтобы, как считает Кузя, прославиться! Нет, Алеша, я всерьез решила заняться журналистикой! И не в дамские журнальчики глупости всякие писать – я затеяла журналистское расследование, и грош мне цена, если я упустила мои материалы!

У Алексея закрывались глаза. Он пробормотал что-то утешительное насчет дискет, которые у него сохранились, и друга Сереги, который вернет материалы (может быть), когда следствие будет закончено...

Он упал и проспал бревном до полудня. Майя его не тревожила, дала отдохнуть – хоть и не без умысла, негодница: с утра его набравшийся сил организм отрабатывал эту милость, отзываясь на все прихоти золотоволосой принцессы.

После завтрака Майя отправилась в дачный магазин, а Алексей, пользуясь наступившей тишиной и уединением, решил продолжить свои мыслительные изыскания. Его мозг был на данный момент

единственным инструментом, которым он располагал и который мог вывести их из тупика.

Итак, сомнений нет, мафия, на которую вышла Майя, существует, теперь это доказано. Но это вовсе не отвечает на вопрос, кто стоит за всеми этими убийствами.

В версии с Веней ни к черту не годился финал: в нем убивают самого Веню.

В версии с Лазарем с очень большой натяжкой проходила середина: убийство Бориски и приход киллера к Майе.

Кроме того, во всей этой истории имеется некоторое количество несуразностей, которые до сих пор никуда не укладываются.

Кис взял листок бумаги и начал записывать «несуразности».

1. Почему были написаны анонимки с угрозами и Марку, и Майе? Связаны ли они между собой? И если да, то каким образом?

2. Почему и каким образом кольцо оказалось на цепи у киллера? Серега должен выяснить у домработницы, где она его видела в последний раз.

Но пока этих сведений у Алексея не было, и в отсутствие информации его «парадигма» трещала под напором возможных объяснений. Впрямь ли Веня, как Алексей предположил, его на цепь мертвецу повесил, чтобы указать на убийцу Марка Щедринского? Или киллер носил его в качестве талисмана? Или – платы за работу? Может быть, залога? Тогда – *чьего*? Если киллер получил кольцо в залог от Вени – тот бы легко снял его с шеи трупа, пока Кис был без сознания...

3. Почему пистолет не был оставлен на месте убийства Бориски, но был брошен в доме Марка? Можно ли приписать оба убийства одному и тому же киллеру на основании того факта, что (по сведениям Сереги) в обоих случаях фигурировал пистолет Макарова? Популярно отечественное оружие, ничего не скажешь... Или все же за убийствами Марка и Бориски стоят разные люди? Серега прав, оружие надо срочно сдать на экспертизу...

4. Зачем и кому понадобилось простреливать ухо уже мертвому Бориске? Создать видимость, что якобы Бориску *вынудили* отдать компромат? Но в таком случае выходит, что Бориска отдал материалы вовсе не под давлением, а добровольно... Тогда кому и почему? И для кого предназначалась инсценировка?

5. Что за клочок бумажки, прилипший к жвачке убийцы, с непонятным словом «Лиск»? Имеет ли он отношение к делу? Часть это слова или целое? «Подлиски» – так называется ближайшая к Вениному дому деревня. «Лиск» могло бы быть частью слова «Подлиски» и оказаться, таким образом, обрывком адреса Вениного дома, адреса, который кто-то дал киллеру. Но проблема в том, что на клочке «Л» была заглавной. То есть это не часть слова, а его начало...

6. Что за номер, набранный с Вениного сотового, который при этом не признали ни Веня, ни Майя? Кис прозванивал его достаточно регулярно, но телефон никогда не отвечал...

Алексей сжал виски руками: голову ломило от безответных вопросов. Просидев так некоторое время, он решил начать с самого простого, то есть с конца, и набрал – он уже не знал, в который раз, – загадочный номер.

...Звонок был настолько неожиданным, настолько неправдоподобным, что Кису понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он исходит из портфеля. Не веря своим ушам, он кинулся, открыл, вытащил мобильник убийцы, сотрясавшийся от аккордов «Подмосковных вечеров»...

Надо полагать, Майя забыла его выключить, как ей велел Кис.

Кис сел на тахту, молча созерцая трезвонящий аппарат. Потом выключил свой. Мобильник убийцы затих. Кис снова набрал номер – он снова зазвонил. Кис включил оба, приставив с обеих сторон к ушам, и произнес несколько слов: сомнений нет, между телефонами была связь.

Загадочный номер принадлежал убийце.

* * *

Он не успел толком обдумать этот факт, как Майя влетела белая как мел:

– Алеша, нам нужно немедленно съезжать! Я встретила Кузиного знакомого возле магазина! У него тут дача! Теперь он нас заложит! Вернее, уже наверняка заложил! Он проследил за мной до нашего двора! Это не случайно!

Уж конечно, не случайно, неслучайнее не бывает...

Они мгновенно побросали свои вещи в машину, и вскоре «Москвич» затарахтел и тронулся прочь из поселка. Черный джип с тонированными стеклами, стоявший напротив двора, не совсем уверенно отъехал вслед за ними, как будто сидевшие в ней люди не знали точно, как им себя повести. Возможно, они сейчас звонили за дальнейшими инструкциями.

Кис понял, что этот момент замешательства – его единственный шанс. Он велел Майе взять руль, достал из-под заднего сиденья автомат, конфискованный у охранников, и, пристроившись на заднем сиденье, выдал очередь по колесам джипа. Стекло «Москвича» обрушилось, осыпав Алексея кругляшками осколков. Кис на секунду зажмурился, защищая глаза.

Когда он их открыл, джип, к наибольшему удовлетворению Алексея, съезжал напрямиком в кювет. Майя, наблюдавшая за сценой в зеркало заднего обзора, зааплодировала.

– Лучше руль держи, – проворчал Алексей.

Он пробрался вперед, пересел обратно на водительское сиденье и под Майиным восхищенным взглядом замурлыкал какую-то песенку...

Сверясь с картой, Кис выбирал исключительно проселочные дороги, где не паслись гаишники, – иначе с разбитым задним стеклом они далеко не уедут: проверка документов им обеспечена.

Он никак не мог решить, куда ехать? Снова дачу искать? Каторга. Да и в любом дачном поселке слишком много людей, слишком много соседей, любопытных глаз: всегда есть риск привлечь к себе внимание, тем более с разбитым стеклом. Им бы домик какой-нибудь глухой, со двором, в котором машину можно спрятать от глаз подальше...

Стоп, а ведь есть такой домик, есть! Венин! Никому не придет в голову искать их в Вениной берлоге...

Майя приняла его идею с восторгом. Она часто бывала в соседнем поселке и заверила Алексея, что там никаких общих знакомых не водится. К тому же в Венином доме компьютер есть, Кис сможет загрузить материалы с дискета, и она спокойно напишет свою статью!

Они ехали медленно, осторожно, с оглядкой, держась самых безлюдных дорог. Уже наступила ночь, когда свет фар выхватил, наконец, указатель «Подлиски». Не доезжая до него, Кис свернул на лесную дорогу, усыпанную гравием, которая вела к Вениной избушке.

Ворота были закрыты. Не беда, они пробрались во двор тем путем, которым, по мнению Алексея, туда

попал и киллер: с высокой ели на крышу сарая, с сарая Кис спрыгнул на землю, Майя легко приземлилась в объятия Киса.

Их машин во дворе не было: ни «Смарт», ни «Нивы». Милиция их, по всей видимости, уже прибрала к рукам.

Дом оказался опечатан. Что, впрочем, нисколько не помешало Алексею подрезать полоски бумаги с гербовыми печатями, и через несколько минут они оказались внутри.

* * *

Они были зверски голодны – весь день провели в машине в пути, объехав на малой скорости проселочными дорогами пол-Москвы с юга на север. Изолированное положение дома и наглухо закрытые ставни позволяли им со спокойной душой зажечь везде свет. Майя отправилась изучать содержимое холодильника, нашла яйца, и они вместе приготовили роскошный омлет на сметане и смели его едва ли не раньше, чем уселись за стол.

– У Вени один секрет есть, – сказала Майя, покончив с ужином, – хочешь, покажу?

Она потащила Киса вниз, в подвал. Компьютер стоял на месте, ящики были по-прежнему выдвинуты, ворох бумаг валялся на полу. После бандитов тут, должно быть, прошла милицейская бригада.

– Ой, – воскликнула Майя, – ее нашли!

– Кого – ее? – обернулся Кис.

Только сейчас он заметил, что позади него, скрытая за выступом стены, находилась неприметная дверца, окрашенная в тон стенам в какой-то невразумительный серо-зеленый цвет. Сейчас дверца была распахнута настежь, стойка с металлическими ящиками для бумаг, которая прикрывала ее раньше, – отодвинута.

Кис вошел в небольшое помещение. Вдоль кирпичных стен тянулись полки, уставленные с одной стороны разнообразными мясными, рыбными и овощными консервами, а с другой – настоящая сокровищница, уложенная темными пыльными бутылками дорогих французских вин. На самой верхней полке выстроились в строй более крепкие напитки: джин, коньяк, мартини, виски, водка... Кис вспомнил, как Веня торговался из-за коньяка: нет сомнений, запасливый отшельник был прижимист. Даже дверочку в погреб замаскировал стойкой с ящиками, на случай непрошенных и излишне любопытных, вроде детектива, гостей.

К счастью, скелетов в тайнике не оказалось. Это радовало. Хотелось бы надеяться, что лимит трупов в этой истории уже исчерпан.

Майя сняла одну из бутылок и провозгласила:

– Вот чем мы закончим наш ужин!

Алексей спорить не стал, хотя немного подивился той легкости, с которой она распоряжалась в доме недавно убитого друга.

Впрочем, она так часто бывала здесь, что должна была вполне ощущать себя как у себя дома...

Впрочем, друг оказался вполне примитивным подонком и шантажистом...

Впрочем, Майя и о муже долго не скорбела...

Уж так она устроена, эта Майя.

Пока он откупоривал бутылку красного бордо, Майя покопалась в Вениных дисках, тихо включила легкий американский джаз 50-х годов. Потом зажгла свечи, погасила свет, нашла два бокала для вина и поставила их на столик-пень.

Кис сроду эстетом не был, всегда предпочитая существенное «что» легкомысленному «как». Но все же за свою жизнь успел понять, что *форма* совсем не последнее дело. И Майину затею он оценил по достоинству. Именно – вино, именно – в сумерках, под свечи и легкий джаз, именно – в креслах, а не на кухне, создавали ту необходимую атмосферу, в которой могли расслабиться их напряженные тела и нервы. После многих часов, проведенных за рулем, Алексей устал, в глазах рябило от лесов и полей, придорожных канав и кустов – целый день они плыли перед его глазами и не желали оставить в покое даже сейчас. К тому же Венино уютное жилище наводило глухую тоску. Эти драгоценные бутылки, эти деликатесные консервы, столь любовно припрятанные в погребе, предназначенные для жизни, праздничной и вкусной, вызывали в памяти кошмарное зрелище его смерти. И терпкое, пряное красное бордо теперь вливалось в вены Киса новыми силами, смягчало грусть и снимало усталость.

Майя потянулась к нему с бокалом.

– А у нас сегодня юбилей, Алеша! Десять дней, как я тебя похитила. Так что с праздником!

Десять дней. Ничтожно малый отрезок времени, вместивший в себя невероятно уплотненный фрагмент жизни. Целую линию судьбы, полновесный авантюрный роман, завершенную драму страсти, абстракционистское полотно упрямо несходящихся линий, неоконченную пьесу для смерти с оркестром...

Оставалось совсем немного – оставалось только проставить имя в пустующую строчку: *оркестр под управлением...*

В эту ночь грусть переплавлялась в нежность, боль перетекала в страсть, горечь была приправой к наслаждению. Так остро и так пронзительно ощутилось, что скоро конец, что он близок к разгадке, что Майя вот-вот упорхнет из его жизни, оставив легкий запах духов Картье и воспоминание о золоте волос, изливавшемся на его грудь... Он и не помышлял ее удерживать. Изначально было ясно, что конец должен наступить, что в Майиной жизни он проездом, турист, нечаянный гость – как и она в его. словно на короткое, кем-то отведенное время он попал в иное измерение, какое-то там четвертое или бог весть какое; и они проживали в нем это время, как жилось, как получалось, как выходило; но в один прекрасный день следовало вернуться обратно, в привычную геометрию пространства.

И потому в предчувствии прощания он был особенно восприимчив и чуток, он впитывал каждое прикосновение, он жил каждым своим и ее жестом, даже мельчайшим: как она целовала его пальцы, перебирая их по одному, вкладывая каждый себе в рот, где нежный язык ласкал их; как он проходил дорожкой медленных поцелуев по ее животу, чувствуя под губами малейшее содрогание внутри ее, там, где уже вибрировали стенки тесного коридора, жаждущего его вхождения...

Как она...

Как он...

Маленькая моя, солнечная девочка, майский лучик, я всегда буду помнить тебя; прощай же...

В сумятице чувств он не сразу понял слова, долетевшие до его слуха:

– Давай вместе уедем за границу!

Майя уперлась подбородком в его грудь и смотрела на него.

– Извини?

Она переменила положение и уселась на постели рядом с ним, ноги по-турецки.

– Давай уедем за границу! – повторила она.

Алексей переспросил тупо:

– За границу? Зачем? Куда?

Майя с мечтательным видом пустилась в рассказы об Испании, о ее смуглых жителях и мелодичной гортанной речи, о белых виллах на побережье теплого моря, о пальмах и соснах, подступающих к песчаным пляжам, об огромных агавах и гигантских колючих кактусах на склонах холмов, о щедром солнце и прозрачной, как ее глаза, морской воде...

Некоторое время Алексей тупо слушал экзотические описания и вдруг перебил ее:

– Погоди, сначала объясни – зачем?

– Мы будем там жить вдвоем, только ты и я, и наша любовь, представляешь? Подальше от этой страны, от ее мафии, от ее разборок, наемных убийц, предательств близких друзей, которым мы так верили... Что тебя здесь держит? Ты не женат, детей у тебя нет... Работа? Не стоит волноваться, у меня денег столько, что и нам хватит, и нашим внукам – если мы вздумаем их завести, конечно... Только не говори мне, что ты никогда не уедешь из России из патриотизма, я все равно не поверю.

– Патриотизм? Нет, разумеется, дело не в нем... Хотя желания уехать из России у меня никогда не возникало, но...

Алексей не находил слов. Грубо говоря, больше всего его резанули вот эти ее слова: «наша любовь».

Он до сих пор избегал давать определение своему чувству к Майе. Оно, несомненно, было, это чувство, и даже достаточно острое, но...

То четвертое, или какое-то там, измерение, куда он случайно попал, никак не соотносилось с реальностью его жизни. Оно управлялось другими законами, в нем могло существовать и было дозволено то, что никоим образом не могло произойти в жизни нормальной, каждодневной. Этот вояж в другое измерение должен был рано или поздно закончиться, а Алексей – вернуться. После чего, представлялось ему, невидимая щель между измерениями зарастала, закрывалась, исчезала бесследно... И он не то чтобы забывал, что происходило в том странном измерении, – но сей отрезок прошлого получал статус сновидения, сказки... Майя в этой сказке существовала на правах эльфа или золотоволосой феи – прилетела, помахала прозрачными крылышками, голову закружила и растворилась снова на странице детской книжки, в тених нарисованного черного леса, под сводами зачарованного замка... У сказки всегда бывает конец, и конец – всегда хороший.

В реальной же жизни была Саша, и никаким волшебницам, эльфам, феям и прочей сказочной живности не позволялось претендовать на то пространство, где обитала Александра. Оно было неприкосновенным.

Майя настороженно вслушивалась в его молчание.

Ее ожидание тяготило Киса.

– Ты ошиблась, Майя, – произнес он наконец. – Меня здесь многое держит.

– Этому «многому» имя Александра, да?

– Да. Прости.

Она застыла в своей позе по-турецки. Потом медленно вытянулась рядом с ним.

– Значит, я проиграла?

– Проиграла? Что?

– Неважно.

Она повернулась к нему спиной.

Кис погладил ее по гладкой коже. Майя не шелохнулась.

Он поцеловал ее в плечо. Она не ответила.

Он собрал ее волосы в кулак и легонько потянул к себе.

Майя повернула к нему злое лицо.

– Я всегда выигрываю, понял?

На глазах ее блестели слезы.

– Майя, милая, ты ведь с самого начала знала, что...

– Я тебя люблю, ты это понимаешь?

Она перевернулась, села на него верхом, обхватила его лицо ладонями и приблизила свои губы к его губам. И произнесла тихо:

– И я тебя никому не отдам.

Остаток ночи Майя провела в подвале за компьютером, готовя статью. Кис обещал передать все материалы Александре завтра.

* * *

Все утро Алексей пытался прогнать неприятный осадок, оставшийся после ночного разговора. Он в чем-то просчитался, он что-то недооценил в этой Майе, он думал, что она пустилась в авантюру, в которую вовлекла и его. Или, честнее, в которую он вовлекся сам, дал себя вовлечь.

Но оказалось, что они играли по разным правилам.

И теперь он спрашивал себя, где именно он сделал ошибку. Все представлялось вполне ясным: взбалмошная девчонка, привыкшая к исполнению своих прихотей, беззаветно и беззастенчиво любящая себя одну и ублажающая свои капризы, – эта девчонка придумала новую пикантную игру: соблазнить детектива. Ей, судя по всему, хотелось бросить вызов Александре, отомстить за раскритикованную статью. Это заставило ее заинтересоваться детективом Кисановым, захотелось рассмотреть его поближе. Может, даже, увидев в баре на экране Алексея, она именно в тот момент приняла решение рвануть на телевидение и влезть в эфир, потому что там уже находился предмет ее интереса. Собиралась ли она его похитить, или ситуация уже на месте сложилась так, что у нее не осталось выбора? Это уже не столь важно...

Далее, Майя привыкла к поклонению, восхищению, а Алексей, старый брюзга, не воздал ей должное. И девушка решила силой взять причитающееся. Это тоже понятно, Алексей и такое видал, охотники и охотницы брать крепости штурмом ему уже встречались. Майя принялась соблазнять его и – преуспела. До сих пор все понятно, все нормально.

Ненормально другое: ненормальны слова «я люблю тебя». Она, по определению, любит только себя, о чем гордо и без малейшего смущения заявляет...

Кис не мог ее любить – его душевные ресурсы ограничены, они заняты Александрой. Майя не могла

его любить, ее душевные ресурсы ограничены, они заняты ею самой. Так почему она говорит эти слова? Она лжет? Тогда зачем? Или в ней кричит задетое женское самолюбие? Впрочем, мужское тоже отлично задевается в таких ситуациях...

Конечно же, конечно – ее самолюбие задето. И она теперь чувствует себя уязвленной. И даже, может быть, принимает свои эмоции за любовь.

Но задетое самолюбие – не более чем другая сторона любви к себе.

Вот он и разобрался.

Ну что ж, он не будет ее обижать, он постарается ее утешить. Он ей объяснит, что он ее действительно любит...

Почти.

После обеда Алексей собрался ехать в Москву: ему нужно было оставить Александре материалы для публикации, подъехать к Сереге для дачи показаний и сдачи вещдоков, после чего Лазаря весьма быстро задерживают и Кис с Майей могут выходить из подполья. В конце концов, при наличии всех элементов, которые они соединят вместе с Серегой, они быстро разберутся, кто кого убил.

Пока что Кис голосовал за версию с Веней. Она очень стройно и логично объясняла все события, ровно до момента смерти главного фигуранта. Кроме того, с его телефона был сделан звонок убийце: совершенно ясно, что Веня вызвал киллера на дом, чтобы напугать Майю, как Кис и предполагал. Но тут вмешался Лазарь, который вдруг отдал себе отчет, что сестричка не пошутила, и убил самого Веню...

Майя спала после бессонной ночи, проведенной у компьютера. Кис очень нежно обнял ее, пообещал обернуться часа за четыре. Майя пробормотала, что собирается съездить в магазин, чтобы заправить холодильник продуктами. Она в очередной раз заверила Алексея, что никаких знакомцев Лазаря в поселке не проживает, после чего получила его согласие.

– Слишком много не покупай, – сказал он, – думаю, что надолго мы тут не застрянем. Как только выйдет твоя статья и задержат Лазаря, нам больше прятаться не понадобится...

В ее коротком, беглом взгляде из-под ресниц мелькнула печаль, но она тут же прикрыла глаза, отвернувшись, обняла подушку и глухо пробубнила, что сначала она как следует выспится.

В Москве он зашел в редакцию, где работала Александра, и оставил на ее имя конверт. Встречаться с ней он пока избегал: он еще не вышел из запредельного измерения сказки, он еще жил в нем, и два мира пока никак не могли и не должны были соприкоснуться.

С Серегой он уговорился заранее, что оставит для него увесистый пакет, – но только при условии, что за руки его хватать никто не станет и тянуть за язык тоже. В пакете находились оба пистолета, муляж «вальтера», мобильник убийцы, его же сумочка со всеми причиндалами, цепочка с бриллиантовым кольцом, заявление от Алексея о покушении Лазаря на убийство гражданина Кисанова и группового изнасилования гражданки Щедринской, а также плотно исписанный листок бумаги с информацией разного рода и соображениями для Сереги. Кис сдал пакет и с чистой совестью отправился на свободу.

Он уложился в сроки и вернулся в Венин дом даже немного раньше обещанного времени.

На двери белела записка, набранная на компьютере: «Ушла в магазин, скоро буду».

Алексей вошел в дом. На двери в гостиную светлым прямоугольником выделялся другой листок: «Я вчера наговорила глупостей, не бери в голову».

Следующее послание висело на двери спальни – они облюбовали ту комнату, в которой раньше спал

Кис: «Может, мне похитить тебя еще раз? У меня это неплохо получается, правда?»

Следующая лежала на столике для коктейлей: «Загвоздка только в том, что я не знаю, в каком качестве тебя задекларировать на границе! Как ценность или как запрещенный к вывозу товар?»

Последний сюрприз ожидал его в ванной. Поперек зеркала было размашисто написано губной помадой: «Я Люблю тебя».

Буква «Л» на голову превосходила остальные.

Когда он вышел из столбняка и обернулся, Майя стояла за его спиной. Она смотрела на него глазами, полными слез. И даже, кажется, отчаяния.

Он сделал над собой усилие и тихо произнес:

– Что-то случилось?

Майя покачала отрицательно головой и грустно улыбнулась:

– Знаешь, в конечном итоге, не так уж важно, насколько ты меня любишь. Ты ведь любишь меня, хоть немножко, да? Это уже счастье...

Алексей молча вглядывался в ее лицо. В голове его метались мысли, складываясь в яркие, внятные картины всего того, что случилось за последние десять дней. Майя стояла перед ним столь беззащитная, столь печальная, столь красивая, что он не в силах был произнести ни слова. Ему требовался тайм-аут.

Он с трудом взял себя в руки. Он притянул Майю к себе и долго гладил по волосам, пока она всхлипывала, уткнувшись в его грудь.

Кис вдруг вспомнил слова, которые накануне хотел ей сказать, и, склонившись к ней, произнес тихо:

– Я тоже люблю тебя, Майя. Но я никогда не буду предателем. В этом вся проблема...

– Правда? Только в этом?

Она оторвала лицо от его груди. Рубашка уже изрядно вымокла от ее слез.

– Да, – солгал Кис.

Она вдруг просияла и бросилась осыпать его поцелуями.

– Алеша, Алеша, ты не представляешь, как важно для меня то, что ты сказал сейчас! – бормотала она. – Спасибо, что ты это сказал, спасибо...

Кис чувствовал себя прескверно.

Они разобрали покупки. Майя собралась заняться ужином, но Кис ее остановил:

– Я должен тебя огорчить, маленькая. Саша просила сократить статью примерно на полторы страницы. Она договорилась с «Совершенно секретно», но больший объем у них никак не пройдет в ближайшем номере, и тогда придется ждать аж следующей недели.

– Ох и стерва твоя Касьянова! По-моему, она это сказала нарочно, лишь бы только все по ее указке было! Как ты с ней ухитряешься ладить, скажи мне, с этой ведьмой?

Кис поморщился, как от боли.

– Ладно, ладно, – поспешно ретировалась Майя. – Я пошутила, не принимай близко к сердцу.

– Между прочим, Саша сказала, что твоя статья написана очень прилично...

Майя вспыхнула от радости, и Алексею стало почти совестно за свое вранье: Александра на самом деле ровно ничего не сказала ни про сокращения, ни про то, как написано. Он попросту ее не видел, а конверт со статьей и дискетами оставил дежурному при входе в редакцию.

– Давай сделаем так, – сказал Алексей, чтобы сменить щекотливую тему, – я приготовлю ужин, а ты иди поработай над статьей, это очень срочно. Мы ее загрузим по Интернету на адрес редакции. Надо, чтобы утром она уже была у Александры.

– Хорошо, милый, – послушно согласилась Майя и тут же отправилась вниз к компьютеру.

Удостоверившись, что Майя спустилась вниз и закрыла за собой дверь, Кис сделал звонок по телефону. Проговорил он не больше двух минут, после чего отправился на кухню готовить ужин: жареную картошку с луком и сосисками. Это блюдо у него получалось мастерски.

Картошка была уже почти готова, и Алексей пошел предупредить Майю, что пора закругляться. У двери, ведущей в подвал, странный шум привлек его внимание: как будто Майя перекладывала бутылки.

– Что ты там делаешь? – Он распахнул дверь и встал на верхней ступеньке лестницы, прислушиваясь.

Ответом ему был звон разбитого стекла, а вслед за ним донесся расстроенный Майин голосок:

– Ой, ты меня напугал, я бутылку разбила из-за тебя! Да какую, «Шато Марго»! Жалко, сил нет. Я хотела ее открыть к нашему ужину...

– Не расстраивайся. Я в них все равно не разбираюсь. Я отличаю только хорошее вино от плохого, а в Венином погребеке все хорошие, так что смело бери любую и иди сюда, ужин готов!

– Тут почти все бордо. Ты предпочитаешь красное или белое?

– Красное.

– Я в них тоже особо не разбираюсь, честно говоря, – смущенно засмеялась Майя, появляясь из подвала. – У нас всегда Марик выбирал вина... Вот, взяла какую-то, попробуем...

* * *

Они пили вино за ужином и допивали после ужина. Бордо и впрямь было великолепным, и его уровень в бутылке снижался весьма лихо. Под конец Майя уже не слезала с колен Алексея и не отрывалась от его губ, запивая вином каждый поцелуй.

– А давай, – прошептала она, – как в первый раз сделаем: я тебя пристегну наручниками и изнасилую!

Она мелодично и пьяно рассмеялась.

– Тогда ведь здорово было, правда? Тебе же понравилось, признайся?

Кис кивнул согласно и несколько смущенно.

– В этом есть особый кайф, – понизила голос Майя, – ты ничего не можешь сделать, ни-че-го... А я – я могу все! Ты наслаждаешься моими ласками, а я – своим могуществом! Я слышу, как ты стонешь, я вижу, как напрягается все твоё тело, как рвется ко мне, – но я тебя терзаю, я тебя мучаю, я заставляю тебя умирать... От желания и блаженства...

Ее дыхание сделалось неровным, и самое нелепое, что и Алексею стало жарко и трудно дышать. Вот уж не думал он, что в *такой* ситуации его охватит страсть... Впрочем, в опасности всегда есть что-то возбуждающее.

– Давай? – шептала Майя, расстегивая его рубашку и целуя грудь. – Скоро мы расстанемся, и, уверяю тебя, это будет одно из самых сильных воспоминаний за всю твою долгую жизнь. За мою короткую – тоже!

Она нетерпеливо ерзала на его коленях, заглядывала в глаза, торопя ответ.

Он сжал ее талию и приник к губам:

– Давай! – И произнес погромче: – Была – не была!

Майя немного удивленно посмотрела на него, но Кис поднялся, подхватив ее на руки, закружился с ней, словно в вальсе, и провозгласил не совсем трезвым голосом:

– Пошли меня насиловать!

Майя помчалась в ванную, и он услышал из коридора ее голос:

– Мы не заперли входную дверь!

Верно, не заперли. Ночные привидения еще не покинули этот дом, тени еще цеплялись за дверные проемы, в их черном зиянии еще горели угольные, цыганские Венины глаза и маячил силуэт киллера...

Она вышла в одном белье, соблазнительная, вдохновенная и, черт побери, желанная...

– Ванная свободна! Иди скорей, я жду тебя, Алеша, я умираю от нетерпения...

– Э-э, нет, так мы не договаривались! – улыбнулся он. – Роль Умиряющего от Нетерпения предназначена мне! А тебе – роль Нежного Палача.

При этих словах Майя вдруг вспыхнула, и лицо ее осветилось широкой улыбкой, торжественной и немного смущенной, как если бы Алексей объявил ее победительницей конкурса и вручил ценный подарок. Она обхватила его шею, сильно прижалась к нему на мгновение всем телом и, прошептав:

– Как же ты меня возбуждаешь, боже! – подтолкнула к ванной.

Десять минут спустя Алексей послушно приземлился на постель, подставил запястья, и Майя с удовольствием защелкнула на них наручники, пропустив, как это делал Веня, цепочку за перекладиной изголовья. Свеча, которую Майя принесла в спальню и поставила на пол, освещала ее лицо неровным светом, таинственно мерцала в зрачках и хищно вырезала ноздри.

Что такое бутылка красного вина, пусть и самого расфранцузского, для русского организма, привыкшего к алкоголю крепостью не менее сорока градусов? Да детские игрушки! Но голова его кружилась не на шутку.

Она делала все нарочито медленно, как гастроном, приступивший к пиршественному столу. Сначала – на закуску – она его раздевала, приветствуя жарким поцелуем каждый сантиметр тела, освобождавшийся от одежды.

Покончив с «закуской» и удовлетворенно отметив, что ее старания не пропали даром (чему были недвусмысленные свидетельства), Майя приступила к главному блюду, к самому что ни на есть горячему. Меню было известно наперед: сейчас начнется томительный танец губ, рук и всего ее гладкого, гибкого тела.

...Это болеро было нескончаемым, оно постепенно набирало обороты, у Алексея мутился рассудок. Все было столь неправдоподобно, столь мучительно и столь великолепно... В какой-то момент, принимая ее бешеные ласки, даровавшие ему это острое блаженство, он даже пожалел о том, что все это затеял. Надо было сказать ей: уходи. Еще есть время, уйди, исчезни...

Но поздно. Теперь уже ничего нельзя было изменить, ничего. Жрица уже вошла в экстаз священного танца, и никакие силы не могли повернуть вспять то, что происходило и что должно было произойти...

– Пощади, – прохрипел он, – больше не могу, сдаюсь...

– Можешь, можешь, – с ангельски-садистской улыбкой приговорила она его.

И снова болеро, и снова упоительная пытка губ, истязавших его плоть с наслаждением палача. Ему нестерпимо хотелось ощутить *своими* губами и *своей* ладонью ее кожу, так легко скользившую по его телу... Но невозможно, никак невозможно – он был скован наручниками, безоружный, беспомощный, бессильный, как инвалид...

Он тонул в омуте ее рук, тело стремительно шло на дно, и голова кружилась, и в легких не было воздуха, и зеленые мутные водоросли уже сочувственно склонялись к белому лицу утопленника – и вдруг он снова выныривал, и солнце брызгало на дно глаз, и легкие заглатывали чистый воздух, и снова кружилась голова – теперь от избытка кислорода, от избытка жизни и страсти...

...Но вот и оно, время десерта! Майины глаза вдруг широко раскрылись, застыли неподвижно, она на мгновение замерла... Перед тем как медленно, до смерти медленно, по ложечке, по капельке, дегустируя каждое мельчайшее ощущение, каждый миллиметр наслаждения, – впустить его в себя.

Когда тела их расслабились, а дыхания стали ровнее, Кис покосился на темный проем распахнутой двери в спальню.

– Что смотришь? – прошептала Майя.

Она все еще сидела на нем верхом, ее волосы рассыпались по плечам, и иногда она наклонялась, чтобы провести ими по его животу и груди.

– Да вот, вспомнилось, как Веня тогда пришел на нас с тобой полюбоваться.

Майя громко и весело расхохоталась.

– Он больше не придет, Алешенька! Мы с тобой одни. Никто не придет на нас с тобой полюбоваться. И никто теперь не помешает...

Она оборвала фразу на середине.

...Ну что ж, Кис знал, что настоящий ужин на десерте не заканчивается. Еще оставался в меню горький черный кофе с терпким, обжигающим коньяком.

Майя склонилась, выгнувшись кошкой, к нему, провела языком по его горлу; достала до впадинки его подбородка, к которому самозабвенно прильнула... Затем придвинулась ближе к его губам, будто хотела коснуться поцелуем...

Но не коснулась, а нависнув над его лицом, глядя ему прямо в глаза, томно и нежно выдохнула в его губы:

– И никто, Алеша, никто теперь не помешает мне тебя *убить*.

Не выпуская его из колен, она резко и гибко нагнулась вниз с кровати и что-то подняла с пола.

...Пистолет – вот что она подняла.

И направила его прямо в грудь Алексея.

Ну, вот и кофе, подумал он, с коньяком.

– Я глупость сделала, правда? – Майя обезоруживающе улыбнулась, словно сдавалась. – Я сообразила только в магазине... Ты ведь догадался, да?

– Догадался.

– А я, представь, не верила, когда слышала фразу, что даже самый умный преступник не может предусмотреть всех мелочей... Я думала, что сумею предусмотреть все. – Она нахмурилась и произнесла жестко: – Да, собственно, я все и предусмотрела, Алеша. Кроме одного: что я действительно могу влюбиться в тебя...

Майя замолкла, положила пистолет Алексею на грудь, запустила пальцы в волосы и закинула голову.

– Не знаю, как это получилось, – тихо продолжила она куда-то в потолок. – Я ведь играла, просто играла с тобой... И вот – доигралась... Что это за наваждение, за проклятье, за болезнь такая, что весь мир сузился для меня до куска мужской плоти?! – Она сжала бедра Алексея коленями, чтобы у него не осталось сомнений, о чьей плоти идет речь. – Откуда эта потребность быть с тобой каждую минуту, пить твое дыхание, ловить твой взгляд, тепло твоего прикосновения, твою редкую, с трудом отвоеванную у Касьяновой нежность? Что же в тебе такого особенного? У меня были роскошные мужики, не чета тебе, – но я не любила никого и знать не знала, что это такое! ...Теперь знаю: любовь заставляет страдать. И все радости, которые она приносит, не стоят этой муки. Если бы ты действительно любил меня, Алеша, – все могло быть по-другому.... Мы бы уехали с тобой куда-нибудь, в Испанию или в Италию, к морю... Мы были бы счастливы...

Ее взгляд оторвался от потолка, и Кис увидел, что в глазах ее стоят слезы. Она помотала головой, стряхивая их.

Майя опустила руки и уперлась ими в грудь Алексея. Теперь ее волосы нависали над ним, а глаза с неожиданной суровостью всматривались в его лицо.

– Но ты обманул меня! Ты сказал, что любишь, – но ты солгал. Ты решил меня *утешить*! Меня? Утешить? Я не нуждаюсь, Алеша, в утешении! У меня не бывает проблем и печалей, не в чем меня утешать! А если они даже и возникают, то я ни в чьем сочувствии не нуждаюсь: я их решаю сама! Неужто ты и впрямь подумал, что я буду вымаливать твою любовь? Что я потерплю быть *второй* после проклятой Касьяновой?!

Она провела пистолетом по его животу, холодная сталь вызвала в нем содрогание. Майя рассмеялась.

– Это так эротично, не правда ли?

– Правда, – сказал он. – Очень эротично. Пистолет Венин?

– Ты неисправим! – захохотала Майя. – Тебе осталось жить считанные минуты, а ты все ведешь следствие! Вот уж верно, горбатого могила исправит... Откуда ты знаешь?

– Он был спрятан в погребе... Где-то за бутылками должен быть тайник.

– Как ты догадался?

– Ты перекладывала бутылки, чтобы освободить доступ к тайнику, я слышал. А необходимости их перекладывать не было никакой, ты сама сказала, что в винах толком не разбираешься. Значит, ты снимала бутылки не с целью найти какую-то особую марку вина, а потому, что они тебе мешали найти что-то другое... Что-то, что вдруг понадобилось тебе... Теперь я знаю, что именно: пистолет. Небось за кирпичом каким-нибудь?

– Верно. За кирпичом. И *когда* ты догадался?

– Только что, – солгал Кис.

– Или сразу?

– Как я мог сразу догадаться, что ты ищешь пистолет? Мне и в голову подобное не могло прийти!

– А когда ты сказал, что я буду твоим «нежным палачом»?

– Это была всего лишь метафора, – улыбнулся Кис.

– Тем хуже для тебя... Я ведь тебя предупреждала: не стоит доверять людям, останешься в дураках. Вот ты, умник, и остался. Я тебя провела! Ты бы ничего, ничего не заподозрил, не сделай я эту глупость: не напиши от руки тебе нежное послание! Это козел Кривошеев подвел меня! Ну кто же мог предвидеть, что кусочек адреса прилипнет к его жвачке!

Ага, убийца, значит, Кривошеев. Это уже кое-что.

– Если бы не этот недоносок, – продолжала Майя, – пошел бы ты как миленький убеждать своих добрых друзей из милиции в том, что я являюсь жертвой темных мафиозных сил... А всего-то, Алеша, всего-то такая малость понадобилась, чтобы перетащить тебя на свою сторону! Там слезу пустила, там попку тебе на обозрение выставила, там надерзила: женская дерзость – отличный стимул для мужской эрекции, между прочим, – там смиренницей прикинулась... Тоже неплохое средство, кстати. Боже, до чего вы все одинаково примитивны, все, все мужики! И ты тоже, даже если ты в сто раз лучше всего того дерьма, которое я знавала до сих пор... Как легко вами управлять, вам морочить голову! Как вы тупы, непроницательны, неповоротливы мыслью! Как легко вас взять умелой лестью, тонкой такой, грамотно перемешанной с легким хамством... У вас ведь самомнение непомерное, скажи вам самый лживый комплимент – вы его за правду примете, потому что в глубине ваших примитивных душ вы все смотрите в Наполеоны...

Майя сползла с него, забрав пистолет, спустилась на пол, подобрала свои вещи, натянула трусики и накинула рубашку.

– Сними, – сказал Кис.

– Что?

– Сними рубашку. Дай полюбоваться на тебя. На прощание...

– Не поняла... Ты решил воспользоваться моим оружием, да? Ты решил утопить меня в сладкой луже польщенного самолюбия? Ты знаешь, Алеша, я о себе такого высокого мнения, что мне даже польстить невозможно!

Но она все же скинула рубашку с плеч. Алексей одобрительно кивнул.

– Детка, – заговорил он мягко, – ты тут такую пламенную речь толкнула, что мне почти стало стыдно за всю мужскую часть человечества. Но только в твоих словах неправда. Человечество делится не только и не столько на женщин и мужчин – оно делится на манипуляторов и манипулируемых. Все то, что ты тут так талантливо изложила, является превосходными инструментами для манипулирования как мужчинами, так и женщинами. И лесть, приправленная дерзостью, умело перемешанная с неожиданными приливами смирения, завоюет женщину с тем же успехом, что и мужчину. С некоторыми поправками, конечно, – вряд ли стоит мужчине выставлять ягодицы, чтобы соблазнить женщину... Хотя смотря какую.

– И где это ты в психологии поднаторел?

– Какая разница? Есть у меня одна приятельница, психологиня.

– Была. В твоём случае уже можно начинать пользоваться прошедшим временем, – зло

прокомментировала она.

Алексей посмотрел на нее пристально. Майя злилась не на шутку. Она не любила чувствовать себя в проигрыше, а с ним она, как нарочно, проиграла по двум статьям: не сумела, в конечном итоге, влюбить в себя как мужчину и обвести вокруг пальца как детектива. А ведь поначалу игра ее была столь успешной...

– Ты заблуждаешься, Майя. Это только вначале тебе удалась твоя игра. Да, удалась, признаю! Я тысячу раз прокручивал в голове версию с тобой в главной роли, но каждый раз отметал ее... Мои эмоции мешали. Твоя искренность. Самое смешное, что ты действительно была искренна со мной, я это чувствовал – и гнал от себя все подозрения. Не хотел им верить... Однако версия складывалась в моем подсознании сама по себе, против моей воли. Я все время искал то лицо, которое могло бы стоять за *всеми* преступлениями, – и на эту роль идеально подходила только ты. Напрасно ты валишь все на... как ты его назвала? Кривошеев? Я и без твоего выдающегося «Л» был близок к разгадке... Ты сделала слишком много ошибок, Майя.

Кис знал, что ее самолюбие встанет на дыбы после этих слов, и нарочно ее провоцировал. Майя уже начала входить в то опасное состояние, в котором сделать выстрел очень легко. Но Алексей еще не выполнил свою программу до конца, и ему было необходимо направить разговор в нужное русло.

– Я тебя давно раскусил, – добавил он небрежно.

– Я тебе не верю!

– Как хочешь. – Он бы сопроводил свой ответ пожатием плеч, да трудновато было с прикованными руками.

– Ну, поделись своими умозаключениями! Давай, расскажи мне, каким это образом ты был «близок к разгадке»!

– Пожалуйста: самая твоя главная ошибка в том, что ты, в хлопотах запутать свои следы, не позаботилась о *стройной* версии для следствия. Да, ты разбросала ложные ходы, но не связала их воедино. Ни одна из версий не сходилась, не объясняла ВСЁ. А когда версия не выстраивается, то начинаешь предполагать, что кто-то *нарочно* запутал все следы. И тогда задаешь себе вопрос: кто? Я стал искать. И нашел. Единственная версия, которая объясняла ВСЁ, – это та, в которой ты автор...

Первый прокол: анонимные письма обоим, тебе и Марку. Их наверняка печатал Веня на своем компьютере – эра печатных машинок закончилась, и установить происхождение отпечатанных на принтере бумаг почти невозможно... В тот момент ты еще сама толком не продумала свой план и решила написать анонимки обоим: пусть следствие ломает голову, как они связаны между собой, эти угрозы... Следствие и ломало голову. Но ничего не состыковывалось. И пришлось следствию предположить, что это был просто не до конца продуманный момент *спектакля*. Однако как только идея спектакля была допущена, все остальное довольно легко выстроилось... Все странности и непонятности, которые до сих пор не находили объяснения, разом встали на свое место.

Майя уселась на пол, скрестив ноги, и подперла рукой подбородок, поставив локоть на колено. Весь ее вид выражал скептическое недоверие: она решительно не желала принять мысль, что прокололась.

– Ну-ну, продолжай, пожалуйста, очень интересно послушать... – с иронией проговорила она.

– Марк был ревнив. Ты его не любила. Тебя устраивало богатство, но не устраивал супруг. Ты решила избавиться от него – и разработала целый сценарий. В принципе блестящий, браво! Ты ловко создала *видимость* «журналистского расследования»... Нет, я неправильно выразился: ты его действительно затеяла, почти всерьез. Но только вовсе не с целью защитить бедных малюток от борделей и наркотиков, нет! На самом деле твое «расследование» должно было послужить превосходным *прикрытием* в

задуманном убийстве... Ты хотела убедить всех, что тебя подставила мафия, но в реальности – это ты подставила мафию! Риск? Разумеется, риск был, мафия не шутит. Но он тебе только разогревал кровь – ты любишь игры, опасные игры, острые, как приставленная к горлу бритва. Ты относишься к той породе людей, которые – по прихоти генов или дурного воспитания – не имеют *чувств*. И потому заполняют жизнь острыми *ощущениями*. Тебе нужно было избавиться от Марка не только потому, что ты хотела его денег, но еще и потому, что тебе с ним было скучно. Тебе нужна была свобода для новых, ничем и никем не ограниченных ощущений, – но при деньгах, способных их обеспечить. Ты, как все люди этой породы, весьма практична, трезва, расчетлива... А твой имидж изнеженной и беспомощной девочки – не более чем часть расчета. Ты никогда не говоришь раньше, чем подумаешь, о нет! Ты лишь хочешь произвести это *впечатление*... В частности, тебе удалось убедить в своей беспомощности и неприспособленности к жизни твою подругу Алену. Она безоглядно верила тебе, тому имиджу, который ты успешно создала... Чем ты не менее успешно воспользовалась: твоя преданная подруга, как могла, искренне отмела от тебя все подозрения. Думаю, что эту роль ты отвела ей заранее.

– Не пойму, ты решил переквалифицироваться в психоаналитики? – дернулась Майя, скорчив гримасу. – Поздно вато менять профессию за пять минут до смерти! Давай ближе к делу!

– Эк ты нетерпелива, – усмехнулся Кис. – Или тебе твой портрет не люб? Он, между прочим, к делу имеет самое прямое отношение. Речь шла о практичности, о ясной трезвости, с которой ты все продумала заранее – включая свой имидж взбалмошной и чересчур непосредственной девицы, у которой невзначай случилась истерика при виде убитого супруга... Паспорт выкрала наверняка ты. Но стрелял, я думаю, Веня. Ты стреляешь плоховато – хотя, подозреваю, куда лучше, чем ты пыталась мне это продемонстрировать, когда повесила самодельную мишень на забор. К тому же кандидатура Вени замечательно подходит: во-первых, он охотник, с оружием обращаться умеет, а во-вторых... Послушай, я бы предпочел говорить одетым!

– А мне ты и так нравишься. Давай «во-вторых».

– Сначала брюки.

– Это шантаж?

– У тебя есть сомнения?

– А если я тебя прямо сейчас застрелю?

– Тогда не узнаешь, что было «во-вторых». А ты ведь хочешь узнать, правда?

Майя иронически хмыкнула, но брюки на него натянула, не упустив возможности нежно и горько, словно прощаясь, поцеловать ту часть тела, которая скрылась под ними...

Волна ответной нежности, несмотря на всю абсурдность ситуации, против воли охватила Алексея, и он с трудом подавил ее.

Майя уселась обратно на пол, скрестив ноги.

– А во-вторых, – продолжал он спокойно, – ты слишком много Вене пообещала. Так много, что он подходит только на роль твоего сообщника. Эта история с «важным дядечкой», которой тебя якобы шантажировал Веня, – детский лепет. Какой, к чертям собачьим, «дядечка», если Марк контролировал все твои перемещения в пространстве? Несколько редких и случайных связей с разными мужчинами – еще куда ни шло, но такие, почти семейные, отношения с «дядечкой», как ты мне обрисовала? При ревности Марка? Шутишь, милая! Ты делилась своими секретами с подругами, и о ревности Марка знают все, включая следствие в моем лице, – еще один прокол, ты это не учла... Но Веня тебя таки шантажировал, это правда. Стрелял-то в Марка он, но убийство мужа затеяла ты. Вот этим он тебя и держал на крючке, так

просто и примитивно... Верно?

Майя не ответила.

– Молчание – знак согласия, – заметил Кис. – Итак, Веня стрелял через окно, в дом он даже не входил. Ты пустила его во двор через заднюю калитку, скрытую от посторонних глаз, – через нее же он ушел.

– Очень интересно! А как же этот человек в черном, который перемахнул через забор?

– А вот и еще один прокол, Майя. Я тебе ни слова не говорил о «ниндзя», ты не могла об этом знать, потому что свидетельские показания соседа были взяты уже после твоего побега из дома. И известно тебе о «ниндзя» только по одной причине: потому, что ты сама выступила в этой роли.

– Я? Ты с ума сошел! Зачем?

– Как зачем? Затем, чтобы сосед увидел! Ты наверняка знала, что в эти часы он всегда торчит в своем саду... Таким образом ты создала очередной ложный ход: на Веню не подумаешь, ведь он хромым... На тебя не подумаешь: ты стреляешь плоховато. Но прыгаешь ты отлично, я в этом сам убедился, когда мы с тобой скакали с сосны на крышу сарая и с крыши сарая – во двор. Что скажешь?

– А ничего не скажу!

– Вот тебе и следующий прокол: вполне могла бы ответить, что о «черном человеке» тебе Веня рассказал – ведь он контролировал мою переписку и мог получить информацию о «ниндзя» из нее! Но ты не сообразила. Потому что ты слишком хорошо знаешь, кто им был.

– Плевать. Все равно я тебя убью. И мои проколы исчезнут вместе с тобой. Продолжай, пока жив!

– Что-то ты не слишком любезна... Ну да ладно, я тебя прощаю, в такой ситуации не до любезностей.

Майя только хмыкнула в ответ.

– Ты ждала возвращения Марка за паспортом, уже одетая в черный костюм, чтобы потом время не терять. Веня тоже был наготове, за окошком. Костюм унес наверняка он, – продолжал Кис, – иначе бы его нашли в твоём доме, там ведь был обыск, и ты это предвидела. Веня его где-то выбросил или спрятал. Но и не здесь, не у себя дома, поскольку его бы здесь тоже нашли... Предусмотрительно, ничего не скажешь.

Далее, Веня, застрелив Марка, бросил пистолет на ковер. В программе было твоё появление внизу с последующей сценой ужаса при виде убитого мужа. Что ты и осуществила с блеском. Твой крик привлек охрану, и она стала свидетелем того, как ты *подобрала* пистолет «макаров» с глушителем, мафиозное оружие, крупное и увесистое, – кому же придет в голову, что стрелять могла ты, столь хрупкое создание? Ужас по плану сменился растерянностью и отчаянием, и вот ты уже бежишь в панике мимо телохранителей, унося с собой – исключительно из-за паники! – пистолет, из которого был застрелен Марк. Но пистолет ты прихватила не случайно и вовсе не из-за паники: тебе предстояло брать меня в заложники... Да, на телевидении ты воспользовалась муляжом, но ты не могла предугадать, как я поведу себя дальше. А с муляжом далеко не уедешь, из него не извлечешь даже предупредительный выстрел. Тебе требовалось настоящее оружие. И лучше всего то самое, которое ты прихватила «нечаянно», из-за паники. Ты хорошая актриса, Майя. По мнению Александры, хорошая журналистка из тебя вряд ли получится – а вот актриса, думаю, получилась бы...

– Знаешь, куда иди со своей Александрой?! – Майя вскочила и приблизилась к кровати. – Жаль, что ее здесь нет, а то бы я ее за компанию пристрелила. И вы бы радостно отправились на тот свет сладкой парочкой!

– Фи, какая невоспитанная девушка! Тебе не идет хамство, милая. Лучше оставайся верна образу хрупкой и трогательной беззащитности...

– Что-то слишком много остришь. На твоём месте я была бы посдержанней.

– Так мне же терять нечего, Майечка... Потом ты едешь в Москву и появляешься в баре ровно в тот момент, когда начинается передача «Автопортреты». Там ты успешно разыгрываешь следующую сцену, на этот раз перед барменом, под названием «мне только сейчас пришло это в голову». Речь идет, разумеется, о предстоящем вторжении в эфир. Бармен показал, что уже видел тебя в своём баре: ты девушка броская, он запомнил. И почему он тебя раньше видел? Потому что ты заранее искала бар с *телевизором*. И не случайно, совсем нет, ты оставила свою машину во дворе жилого дома: знала, что твоему дорогому «Смарту» придется ночевать в одиночестве, и уж лучше это делать под присмотром окон местных жителей. На твоём месте я бы и чехольчик – какой-нибудь старый, замусоленный чехольчик – на машину надел... А? По твоим глазам вижу, что не ошибся. Кроме того, припаркуй ты машину возле телевидения – она тут же попала бы в руки милиции, что тебе совсем не улыбалось... Мне ты объяснила, что на стоянке возле телецентра свободных мест нет. Что ж, логично. Нелогично другое: в наше время и в жилых дворах свободных мест нет. Однако ты его нашла! И знаешь, каким образом? Конечно же, знаешь: ты заранее осмотрела намеченные дворы, приметив, куда можно поставить машину... Не возле Останкина, нет, – милиция эти дворы наверняка прошерстила! Где-нибудь на отшибе, может, в районе проспекта Мира... Откуда потом ты доехала до телевидения на тачке... Послушай, ты не могла бы пересечь ближе к кровати, а то я себе уже шею свернул, на тебя глядя!

– Не бойся, на доктора не разоришься – в могилке все само пройдет!

– До чего же нынешняя молодежь цинична! – вздохнул Кис. – Куда только смотрела твоя мама!

Нехорошая улыбка тронула ее губы. Она вдруг поднялась и перешла на другое место, ближе к ногам Алексея: так ему действительно было удобнее ее видеть. Майя растянулась на полу, на животе, подперла лицо руками и с ненавистью проговорила:

– В штаны мужикам, вот куда!

Кис промолчал. Неудачная вышла у него шутка. Вполне нелепо под дулом пистолета, но он и впрямь жалел ее, эту очаровательную дрянь, эту маленькую лгунью, эту воздушную щепоть ванили с призывно-сладким запахом и несъедобно-горьким вкусом...

– Не слышу продолжения! – требовательно произнесла Майя.

– Ты была прекрасно осведомлена от своей подруги Алены, – подчинился Алексей, – о том, что я буду участвовать в передаче Усачева. Ты мной интересовалась уже тогда. Что подвигнуло тебя, я точно не знаю: возможно, что в твой хитроумный план и впрямь вмешалась жажда отомстить Александре за критику твоей статьи... «Увести у нее мужика», как ты выразилась. Собственно, на телевидении ты именно это и сделала: ты увела мужика Касьяновой под дулом пистолета на глазах у миллионов телезрителей. Разумеется, помимо страшной мести надменной Александре – я правильно употребил слово, ты ведь находишь ее надменной?

– Сосулькой я ее нахожу, длинной, бесцветной и холодной!

– Спасибо, что подтвердила мои предположения. Итак, помимо мести Александре, ты заполучила себе сначала в заложники, а потом и в союзники не просто «чужого мужика», но детектива... Которому предстояло сыграть в спектакле запланированную тобой роль следователя. Получилось в результате очень удачно: столь немыслимый ход придавал всем твоим действиям оттенок спонтанности, почти безумия, снимал с тебя подозрения. Одновременно ты насолила Александре – по крайней мере, как ты считаешь...

– А что, это не так? – перебила его Майя.

– ...и приобрела в моем лице твоего будущего спасителя, – продолжил Кис, не считая нужным

отвечать на ее вопрос. – Мне предназначалось доказать всем, что ты жертва, а не преступница. Стопроцентный коэффициент полезного действия в одной акции – такое редко кому удастся!

Майя улыбнулась, довольная комплиментом.

– Допустим, ты прав. Но зачем мне, по-твоему, такой сложный и рискованный план? Я подставлялась, когда Марк был убит в доме, где находились только мы вдвоем; я подставлялась на телевидении, где рисковала, что меня задержат да еще и статью какую-нибудь дополнительно впаяют за вторжение в святая святых...

– А как тебе еще было устранить Марка? Нанять киллера, который снял бы его где-то вне дома? Но ведь первый вопрос следствия: кому это выгодно? И первый ответ: тебе, наследнице. Кроме того, хорошего киллера, который подстроил бы, к примеру, несчастный случай, еще найти надо. Вряд ли такие водятся в числе твоих друзей детства? Следовательно, тебе нужно было бы наводить справки среди знакомых. И после смерти Марка эти знакомые могли бы на тебя указать: Марк многим был нужен, и вряд ли деловые люди простили бы тебе такую подножку. А тут – все, или почти все – затеяно и исполнено своими, домашними силами, на пару с другом детства и земляком Вениамином. Да в результате ты еще и в жертвы попадаешь! В такие хорошенькие, такие непосредственные и соблазнительные жертвы... Плюс экзотика: какое головокружительное приключение! Ты ведь по складу авантюристка, любительница приключений. Но авантюрист – всегда игрок. Это азарт, захватывающее чувство риска пройти по острию, по тончайшей грани, отделяющей победу от проигрыша – иногда смертельного... Те самые острые *ощущения*, о которых я тебе говорил... И выиграть, конечно же. Авантюрист всегда упорно надеется выиграть, иначе сидел бы он смирно дома... Я ответил на твой вопрос?

– Вполне. Хочешь комплимент?

– Конечно.

– Я тебя недооценила, Алеша.

– Предрассудки пагубны, маленькая. Ты вбила себе в голову, что честность равна глупости. И ты ошиблась.

– Ты не поверишь, но я тебя сейчас заново открываю... И... И люблю еще больше... Знал бы ты, как мне жаль...

Она умолкла, слезы навернулись на глаза.

– Меня убивать? – решил уточнить Алексей.

– Что ты любишь Касьянову!

– Ты неисправима, принцесса. Ты хочешь заставить мир крутиться вокруг тебя, но ты забыла спросить согласия у мира...

– Давай дальше, – сухо перебила его Майя. – Выкладывай свои детективные умозаключения, умник!

– Дальше, так дальше... Дальше было вот что: в машине ты провела передо мной разговор с Веней, который, по сценарию, ничего не знал о случившемся. Но он, конечно, знал и ждал гостей: все было условлено заранее. Позже, у Вени, ты принялась соблазнять меня. Успешно, ничего не могу сказать.

– «Стокгольмский синдром», – усмехнулась Майя.

Кис вспомнил, что именно это загадочное словосочетание прислала ему Саша в первый день связи по Интернету.

– Что это такое?

– Да так... Ситуация вынужденной близости и взаимной зависимости. Располагает к симпатии между заложниками и их похитителями... – она горько улыбнулась.

– Не узнаю тебя, девочка. Откуда вдруг такая скромность? Почему ты решила все лавры в деле моего обольщения отдать ситуации под названием «Стокгольмский синдром»?

– О нет, со мной все в порядке, Алеша! Просто я трезво смотрю на вещи. Ты бы никогда не поддался моим чарам, не окажись мы с тобой вдвоем в клетке замкнутого пространства, отрезанные от всего мира... И тебе в какой-то момент *показалось*, что ты любишь меня, – вот и все.

– Прости, но это не так...

– Ты меня обманул! – не дала ему договорить Майя. – Ты меня просто обманул!

– И да, и нет. У меня есть... – нет, *были*, мне ведь уже положено пользоваться прошедшим временем, – какие-то чувства к тебе, но я не знаю, каким словом их надо назвать.

– Влечение? Увлечение?

– Наверное. Возможно, если бы я не любил другую женщину...

– Опять Александра?!

– Она самая.

– А если... Алеша, подумай еще раз! Я ведь не шучу, я тебя убью... Ну неужели тебе жизнь не дорога? Подумай, Алеша! Если ты действительно... Если тебе мешает только твоя Касьянова... Забудь ее! Уедем вместе!

– Нет.

– Но почему?! Ты не можешь, ты не хочешь ее забыть?

– Майя, есть вещи, которые тебе непонятны, кажется. Я не могу ее *предать*. Даже если бы я позволил себе увлечься тобой до конца – я бы все равно остановился у той черты, за которой начинается предательство.

– Ты неисправимый идиот.

– Возможно. Так что придется тебе меня застрелить.

– Я бы предпочла с тобой трахаться!

– Я предпочел любить. Без «бы».

– Но я же тебя люблю!

– Боюсь, что ты это придумала, детка. В поисках острых ощущений. Я не лег у твоих ног ковриком, как те мужики, о которых ты рассказывала. Я, верный, честный, порядочный идиот – я правильно тебя цитирую? – который долго не поддавался на твои чары. Достаточно долго, чтобы в тебе разыгрался азарт...

– Заткнись! Что ты понимаешь?! Я *действительно* тебя люблю! Ты первый, кому я говорю эти слова и не лгу!..

Он не ответил.

Майя уткнула голову в руки.

– Продолжай, – еле слышно прошептала она.

– Веня, наблюдая за твоей операцией под названием «взятие детектива штурмом», терзался неимоверно. Но молчал, сцепив зубы: ему следовало играть роль друга детства. То есть он им и был, но с

одной существенной поправкой: он всю жизнь был в тебя влюблен. Роль у него получалась плохо, он, как и Марк, был крайне ревнив. А с того момента, когда ты пообещала принадлежать ему и уехать с ним за границу, он и вовсе потерял рассудок. Но твое обещание было никак не даром любви – оно было *наградой*, платой за его участие в убийстве Марка и всей последующей инсценировке, и Веня старался честно отработать свою награду. Контракт на работу в Штаты либо сам удачно подвернулся, либо был найден специально с целью смыться отсюда сразу после всей этой истории. Подозреваю, что Веня не хотел уезжать без тебя, но ты сумела его убедить: в конце концов, следствие рано или поздно могло выйти на него, и ему следовало позаботиться о надежном укрытии. Тебя подобный расклад весьма устраивал: ты на самом деле просто сплавляла Веню подальше и ехать к нему ничуть не собиралась.

Далее события происходят таким образом: ночью в дом является киллер, Кривошеев. Найденное кольцо убеждает следствие в моем лице, что это убийца Марка. Естественно, я не сомневаюсь – или почти не сомневаюсь, – что он хотел тебя убить или, на худой конец, выкрасть. Затем мы едем к Бориске и обнаруживаем его труп – очередное доказательство тому, что страшная мафия бежит за тобой по пятам. Но, по хронологии, сначала был убит Бориска, так что с него мы и начнем. Ты заранее все продумала и договорилась с киллером еще до убийства Марка. Кривошеев ждал только твоего звонка, чтобы убрать Бориску. И дождался, конечно. Ты, кстати, допустила большую оплошность, забыв выключить телефон Кривошеева...

– Я проснулась, а тебя нет! Ты не поверишь – я и сама себе не верю! – как я за тебя испугалась! А потом... Потом я была так рада, как последняя дура рада, что с тобой ничего не случилось, что ты жив и едешь ко мне... И забыла про телефон...

– Бывает, – философски заметил Кис. – А вот чего я не знаю, это как ты представила Вене необходимость убрать Бориску? Совершенно очевидно, что правды ты ему не сказала: он не подозревал, что ты действительно закрутила расследование по мафиозным делам, из-за которых и связалась с Бориской. Твой компромат в глазах Вени был «легендой» для прикрытия, не более. Иначе бы Веня не был так спокоен, иначе бы он внял моему совету...

– Сказала, что Бориска, эта жирная скотина, пытался меня изнасиловать... А он и вправду ко мне лез! Меня тошнило уже только при виде его огромных мясистых ушей, от всей его жирной хари, но когда он схватил меня на руки, поднял над собой и ткнул свое хлебало мне под юбку, я его сама чуть не застрелила!

– Ага, – сказал Кис, – понимаю: пистолет «макаров» с глушителем тебе тоже Бориска добыл, верно? И в тот день ты как раз пришла за ним. Откуда и «чуть не застрелила»... Ты не однажды приходила к Бориске – потому-то ты так хорошо помнишь дорогу к его дому...

– И что с того?

– Ничего, просто люблю во всем точность. Значит, Веня, ослепленный ревностью и вдохновленный обещанными правами на тебя, счел, что такую мразь и убить не жалко, и одобрил твой план. Для меня же, для «совершенно нечаянно» взятого в заложники детектива, дело, по плану, представлялось таким образом: Бориска пал жертвой мафии, которая охотится за твоим компроматом и за тобой... Мне ведь предстояло вытащить тебя из дерьма, доказать, что ты не виновна! Однако на самом деле этот Кривошеев пришел – поправь меня, если ошибаюсь, – пришел к Бориске от твоего имени за компроматом. Бориска материалы со спокойной душой отдал, ты наверняка его предупредила, что придет от тебя человек... Только этот человек его застрелил. Чтобы создать видимость угроз, он прострелил Бориске ухо – подозреваю, что по твоей личной просьбе: воспоминание об этих «мясистых» ушах под твоей юбкой было невыносимо. Но вышел прокол: Кривошеев прострелил ухо уже мертвецу. Попасть в ухо живому – задача не из легких, даже если человек столь лопоух, как Бориска, а стрелок столь меток, как Веня или профессиональный киллер. Но, видишь ли, экспертиза легко установила, что ухо было прострелено пост

мортем[25]. И сей факт сразу же навел на мысль об инсценировке. Ты это не учла.

– Это Кривошеев, козел, не учел!

– Майя, милая, так всегда и бывает: если сам не проколешься, то проколется сообщник или исполнитель... Итак, Кривошеев, застрелив Бориску, преспокойно унес твой компромат и... Куда он его дел?

– Отправил на адрес Гоши, шофера. Гоша должен был держать пакет у себя до моего распоряжения.

– А бедный Веня, на ревности которого ты ловко сыграла, полагает, что никакого компромата не существует, это только для отвода глаз, «легенда»... Скажи ты ему правду, Веня мог бы заподозрить, что ты вовсе не собираешься следовать за ним, как обещала, в Штаты. Если компромат реален, это означает, что ты всерьез собралась заняться делом, которое, с одной стороны, требует много времени и отдачи, а с другой – подставляет тебя под совершенно реальную опасность. Если бы Веня знал все это, он бы не оставил тебя здесь. Он бы просто не уехал! А тебя это никак не устраивало. Правильно?

– Правильно...

– Откуда он взялся, этот киллер? Уж не сам ли Бориска его для тебя нашел?

Майя не ответила.

– Бориска, конечно. Вот почему он так легко впустил его в квартиру... Ты Бориске намекнула, что хочешь избавиться от мужа. Но с мужем ты расправилась домашними средствами – сэкономила на услугах наемного убийцы, они ведь стоят немалые деньги. А киллеру ты поручила убить Бориску и хорошо заплатила за предательство. Бориска ему, думаю, поставлял время от времени клиентуру, и лишиться такого источника для киллера – это дорого стоит. Ты дорого и заплатила. На конверте было написано – пять тысяч, в долларах, конечно. Это был задаток... Сколько ты должна была ему еще доплатить?

Молчание. Майя не подняла головы от рук.

– Много, – заключил Кис. – Иначе бы ты не дала ему свое кольцо в залог... Смерть Бориски, конечно, убеждала меня и всех, что за тобой охотятся, – но одновременно ты избавлялась от него, от похотливого и жадного Бориски, который мог бы потом и тебя шантажировать... Да, ты не назвала ему свою фамилию, но влезла в горячо любимый народом голубой экран, ты, можно сказать, вошла в каждый дом. Бориска с высокой вероятностью видел тебя, а затем прочитал в прессе сообщения и узнал и об убийстве Марка, и кто ты такая. Этот тип достаточно циничен, чтобы быстро сообразить, что твои «мафиозные» расследования – не более чем прикрытие... И вякни Бориска где-нибудь об этом, под тебя начали бы копать. Так что Борискина участь была решена даже раньше, чем участь Марка. Циничный, но недалёковидный, он тебе сам нашел киллера, который его же потом и убил. Опять высокий коэффициент полезного действия, аплодисменты... Возрази мне, если я не прав.

Но Майя не ответила. Она молча уставилась на Алексея со странным выражением обреченной нежности...

– Далее, – после некоторой паузы продолжил Алексей, – после убийства Бориски Кривошеев прямиком является в дом к Вене. Естественно, никто ему не сказал: приходи, дорогуща, мы тебя тут пристрелим. Нет, ты должна была его позвать за чем-то другим. За расплатой, например. Да, наверняка! Ты сказала что-нибудь в таком духе: «Я буду вынуждена скрываться, не смогу с тобой встретиться, придется тебе приехать самому за деньгами вот по этому адресу...» Кривошеев адрес запомнил, записочку порвал, но кусочек прилип к жвачке... Тот самый кусочек, где слишком высокая буква «Л» выдавала твой почерк. И киллер, ничего не подозревая, является ночью в Венин дом. Дверь ты ему обещала открыть, чтобы тихо впустить его в дом и рассчитаться с ним. Возможно, он стукнул в окошко, подавая тебе знак, что явился? Ты вышла и... и разыграла сцену покушения на тебя. Вот почему он не убил тебя и не похитил: он просто не

понял, что происходит! Ты его предупредила, что в доме не одна, что все надо сделать очень тихо и осторожно, – и вдруг ты же и начала орать как резаная! Он растерялся, он попытался заткнуть тебе рот... Веня должен был тебя «спасти» от киллера, застрелив его. Мне же эту сцену полагалось слышать, а не видеть – я ведь пристегнут наручником к кровати! – и узнать дальнейшее в твоей интерпретации. Меня, свидетеля и будущего благодетеля, эта сцена должна была убедить в твоей невинности: раз тебя хотят убить, значит, правда все то, что ты рассказала... На деле же я неожиданно для вас явился собственной персоной, и Вене пришлось импровизировать на месте: меня он оглушил, а пока я был без сознания – пристрелил Кривошеева. Несколько поспешно, впрочем. Было вполне понятно, что таким образом он избежал неминуемого допроса с моей стороны, в котором киллер непременно сказал бы: «Вы чего, бля, сами меня вызвали, деньги обещали, а теперь тут пистолетом махаете!..» Пока я был без сознания, Веня выкрал ключи от машины киллера – вряд ли тот приехал на электричке, слишком рискованно. Колечко твое, которое киллер должен был тебе вернуть, ты нарочно на теле оставила? Чтобы я сделал вывод, что это и есть убийца Марка? Или ты его искала, но не нашла? Оно висело на цепочке, и ты его не заметила, а осматривать полностью тело то ли побрезговала, то ли побоялась, да и в голову не пришло...

– И то и другое, – уточнила Майя.

– Спасибо за подсказку. Но Веня выручил, нашелся, заявив, что это убийца твоего мужа. У него явно талант импровизатора... Потом Веня и тело спрятал, и машину – так что все путем, концы в воду. Задумано было великолепно, опять с высоким коэффициентом полезного действия: Кривошеев убрал Бориску, а Веня – Кривошеева. А в моем воображении рисуется всесильная мафия, щупальца спрута, которые сжимаются вокруг тебя, – и я распустил сопли, испугался за тебя, такую беззащитную...

Это потом я стал выверять и проверять все версии на вшивость. А тогда – я тебе поверил. Вывод был очевиден: тебя надо спасать! Для Вени наш совместный побег оказался неприятной неожиданностью, но деваться ему было некуда: ты убедила его, что роль жертвы мафии надо сыграть до конца.

Мы уехали, Веня остался. О себе он не слишком беспокоился. Он должен был вскоре уезжать в Штаты и ждать тебя. А мафию он, бедолага, считал твоей выдумкой... И вольно мне было уговаривать его спрятаться – Веня и ухом не повел, он ни на секунду не представил себе реальные размеры угрозы...

– Так, значит, все-таки мафия виновата хотя бы в убийстве Вени? Ты хотя бы его смерть не собираешься на меня вешать?

Алексей посмотрел на нее с сожалением. Ах, как не хотелось девушке проигрывать; ах, как хотелось быть тем, чем она всегда видела себя в мечтах: победительницей, чемпионкой, звездой, королевой...

– Маленькая, я же сказал: я объяснил ВСЁ. И это ВСЁ с твоим участием...

– Ну, не я же Веню пытала и убила!

– Не ты, конечно, не ты! Это сделали люди твоего кузена, Лазаря.

– Спасибо, что хоть в этом ты меня не подозреваешь!

– погоди, рано радоваться...

– Что еще?

– Еще весь финал, от Лазаря до наших дней... Твое заявление на телевидении насторожило заинтересованных лиц, но не слишком. На данном этапе никто тебя по-настоящему, всерьез не воспринимает. Не столько потому, что твои заявления несерьезны, сколько потому, что эти люди слишком уверены в своей безнаказанности. И все же заинтересованные лица насторожились достаточно, чтобы следить за развитием дел, – пока, однако, не принимая мер. И ты это понимала. Тебе требовалась некоторая акселерация в задуманном тобой сценарии, чтобы подтолкнуть спектакль к развязке.

Ты болтала с кузеном по телефону, я помню. И ввернула фразу о том, что материалы скоро появятся в печати. «Серьезные» материалы! Я не сразу придавал значение этим словам – все так невинно выглядело между разговорами о домработнице и поливке сада... Полагаю, что ты знала куда больше об участии Лазаря в темных делах, чем представила это мне. Но ты решила подарить мне радость самостоятельного открытия... Пока же ты заложила в свой невинный треп важную информацию: материалы, и весьма существенные, скоро будут опубликованы, а на данный момент они находятся в «надежных руках»... Мне ты сказала, что имела в виду меня, мои «надежные руки»... Но ты солгала, Майя. Ты была уверена, что Лазарь подумает о Вене... Он и подумал. Что тебя весьма устраивало. Было бы уже неплохо, если бы Веня поскорее отправился в Америку, но еще лучше, если бы он отправился на тот свет. Тогда совсем никаких долгов, тогда он не ждет выполнения обещанного, тогда нет риска, что он вернется и прижмет тебя к стенке: и где это ты, Майя? И почему это ты ко мне не едешь, как поклялась? А не хочешь ли, чтобы я на тебя в милицию стукнул? Шантажист – он и есть шантажист. И рано или поздно, но он себя проявит снова... А Веня, со своей мазохистско-патологической любовью к тебе, был вполне способен сам сдать милиции, только чтобы тебе отомстить за вероломство... Вряд ли ты сама представляла, до какой степени Лазарь связан с мафией, но ты была уверена: в достаточной, чтобы ценная информация дошла через кузена до заинтересованных лиц. Так что ты ловко навела двоюродного братца на Веню и избавилась от друга детства. И вовремя – пока он не уехал в Штаты. И потому вопросы о «поливке сада» следовало утрясти немедленно, пока Веня был еще тут... Ну что, стоит ли рассказывать дальше?

– Давай уж до конца... – усмехнулась Майя, – перед смертью стоит выговориться, облегчить душу...

Кис тоже усмехнулся.

– Я бы еще кое-что облегчил...

– Совесть?

– Нет, мочевого пузыря.

– О, какие бытовые мелочи! Не стоит беспокоиться, очень скоро тебе его облегчит патологоанатом. При вскрытии.

– Твоей доброте воистину нет пределов! – любезно улыбнулся Кис.

– А ты уж размечтался, что я с тебя наручники сниму?

– А ты меня опасаешься даже под дулом твоего пистолета? До сих пор я вел себя вполне смирно...

– Прикидывался, – холодно припечатала Майя. – Жаль, что я сразу не поняла. Давай, рассказывай! Я на твоей могилке высеку: «Здесь лежит гений дедукции...»

– Польщен.

– Дальше, я сказала!

– Нервная ты стала, Майя. Ну да ладно, вот тебе «дальше»... На этот раз Лазарь отнесся с большим вниманием к твоему сообщению. Он тебе поверил: и что материалы будут опубликованы, и что доказательства в них серьезны... Тут-то он разволновался не на шутку и задал себе вопрос: кто и откуда? Подозрение пало на Лермита, и ему хорошо надраили морду. Лермит, думаю, быстренько выдал всю информацию насчет Бориски. Лазарь сунулся – и узнал, что Бориска уже мертв. И вот тогда Лазарь понял, что ты затеяла игру нешуточную... Посему он направил отряд бандитов к Вене в надежде выудить у него твой компромат. Его интересовала не столько ты – Лазарь был уверен, что с тобой он всегда сладит, – сколько документы. Остальное ты знаешь... Мы потащились к твоему двоюродному брату. Поначалу Лазарь показался мне примитивным и самовлюбленным геєм, никак не больше. Однако тебя это не устраивало, тебе нужно было во что бы то ни стало убедить меня в том, что мафия реальна, и не только в

компьютерных файлах. Ты точно знала, что Лазарь с ней связан – хоть и не представляла, как именно, – и надеялась найти через него какую-то зацепку. Посему ты кинулась подслушивать телефонный разговор кузена. Тебе повезло: разговор оказался весьма содержательным. Мы поехали в театр: присутствие при мафиозной сделке, да еще после прочтения Борискиных файлов, должно было окончательно поразить мое воображение. Однако все дальнейшее оказалось большим и неприятным сюрпризом, в том числе и для тебя: появление на складе самого Лазаря и все последующие события. Нас обнаружили и повезли в лес... Единственный фрагмент во всей этой истории, где ты ничего не играла, это тогда, в лесу. Ты действительно спасла мне жизнь. И я еще раз благодарю тебя за это. Хоть и понимаю, что я был тебе очень нужен: мне еще предстояло доказывать всем твою невиновность...

– Неужели ты думаешь, что я бы вот так, без боя, позволила бы им тебя застрелить, даже если бы не имела на тебя такие виды?! За кого ты меня принимаешь?! Я не убийца, Алеша!

– Ты? Майя, ты что? По твоей инициативе были убиты Марк, Борис и Кривошеев! И друг детства, Веня...

– Да, но их убивала не я!

– Прости, это что-то меняет?

Она пожала плечами.

– Объясни мне, детка, я действительно никак не пойму... Либо я и вправду глуп, либо это у тебя что-то с головкой, девочка. Твой собственный имидж в твоих глазах подозрительно сильно расходится с реальностью... Майя, дорогая, это ведь *ты* приняла решение лишить их жизни! А чья рука это сделала – не столь уж важно... К тому же меня ты собираешься убить *своей* рукой... Или у тебя припрятан в соседней комнате другой киллер? Или там под кроватью сидит новый воздыхатель, готовый в обмен на твои ласки перестрелять половину мужского населения? Милая, может, тебе к психиатру сходить?

– Заткнись! – Она вскочила и нацелила на него пистолет. – Еще одно слово, и я тебя пристрелю!

– Не любишь проигрывать, да? Мысль о том, что я тебя раскусил, – непереносима?

– Плевать мне на то, что ты там раскусил!

– Разве я ошибся? – спокойно спросил Алексей.

– Ошибся, не ошибся, какое это имеет значение, если тебе осталось жить считанные минуты?

– Ну, потешь меня перед неминуемой смертью – признай, что я все правильно выстроил!

– Правильно. Что с того?

– Ничего, милая. Маленькое утешения для сыщицкого самолюбия... Перед неминуемой смертью, как ты выразилась... Ты и впрямь меня собираешься убить?

– А ты думал, я шучу?

– А как же любовь? Разве убивают тех, кого любят? Признайся, ты придумала для себя сказочку о любви, девочка... Романтичную сказочку, не имеющую ничего общего с реальностью твоей души, в которой страсть к разрушению сильнее всех прочих чувств. Твоя любовь – не более чем еще один муляж. Точная копия настоящей, но все равно фальшивка.

– Заткнись! Что ты-то понимаешь в любви? Уперся рогом в землю в своей преданности и верности и ничего за их пределами не видишь и не хочешь видеть! Никакая женщина в мире не даст тебе и сотой доли того наслаждения, которое способна тебе дать я! Но куда там, у нас, видите ли, принципы! Мы такие порядочные, такие хорошие, такие верные – мы готовы пожертвовать собственным счастьем, только чтобы

не разминуться со своими узколобыми принципами! Ах, жертвенность, она у нас в крови! Александр Матросов вечен в русском сознании, мы страшно любим грудью на амбразуру, национальный стиль – во имя блага всех остальных! Это я не умею любить? Нет, дорогой мой Алеша, это ты – ты не умеешь! Ты заменил любовь порядочностью. Но это сильно не одно и то же!

– Если я не люблю *тебя* – это не значит, что я не умею...

Майя приблизилась вплотную к кровати.

– Все, Алеша, последнее слово приговоренного к казни исчерпало отведенный лимит времени... Ты любишь Касьянову? Ладно. Прекрасно. А я не выношу любви безответной. И если уж я в кои веки кого-то полюбила, почти как себя саму... Я никому не позволю пренебречь моим чувством. Себя я все-таки люблю больше. Поэтому я тебя убью.

Она забралась на постель, снова оседлала Алексея и наклонилась к нему.

– Поцелуешь меня на прощанье? – неожиданно игриво спросила она.

Удивительное создание, она заигрывает с «приговоренным к казни»! Причем приговоренным ею же... Или она всерьез убеждена, что ее чары способны отвлечь от мыслей о весьма скором конце? И без пяти минут труп окажется в состоянии ответить на ее ласки? Нет, ошибся Кис: эта странная девочка никогда бы не смогла стать хорошей актрисой – она напрочь лишена воображения. Ей абсолютно не под силу поставить себя на место другого, что есть, как ни крути, основа актерской профессии...

– Майя, а ты не боишься, что я тебя ногами схвачу и легко нейтрализую? Или, к примеру, задушу?

– Нет, – она улыбнулась. – Ты же благороден, порядочен, добр и доверчив... Ты – настоящий джентльмен! Женщину, ногами? Уй, как некрасиво... Ты этого не сделаешь, правда же?

– Правда.

Алексей вытянул губы ей навстречу, и Майя склонилась к нему, приникла долгим поцелуем...

Столь долгим и самозабвенным, что она не сразу поняла, что лопатка ее ощутила холодную сталь пистолета.

– Ручки вверх, малышка, – произнес Серега.

Майя не обернулась, только ее глаза с отчаянием вглядывались в Алексея, будто она ждала, что он заверит ее, что это неправда, шутка такая, розыгрыш...

Но ее встретил жесткий и холодный взгляд детектива.

– Ты меня предал, – в бешеном отчаянии прошептала она... – Александру не захотел предать, а меня – предал... А ведь говорил, что мог бы меня любить! Если бы...

– Я не мог бы любить тебя, Майя. Я не люблю убийц.

– Ручки вверх, я сказал! – вмешался в лирическую беседу Серега.

Она, так и не обернувшись, все еще не отрывая глаз от лица Алексея, все еще надеясь в нем что-то вычитать, за что-то зацепиться, неохотно подняла руки, и Серега быстро защелкнул наручники на ее запястьях.

– Ну что, голубки, я не стану вам предлагать поменяться ролями – девушку прицепить к кровати и продолжить ваши роскошные игры! Я тут чуть не кончил, право, вас слушая. Такие у вас тут крутые разборки пошли, прям кино эротическое. Еле высидел в соседней комнате! Ты, Кис, даешь, вот уж я не подозревал, старина, что ты такой у нас спец по этой части! Александру захомутал, а теперь и эту

хорошенькую малышку...

– Кончай трепаться, – сурово сказал Алексей. – Магнитофон, надеюсь, выключил? Тогда отстегни меня.

– Это мы мигом! Слезайте, девушка, приехали.

Сергеа забрал пистолет и подал руку Майе. Она царственно оперлась скованными руками на подставленный локоть и спустилась с кровати.

– Вот почему дверь была не заперта... – проговорила она, с улыбкой глядя на Серёгу. – У нас тут киндер-сюрприз обнаружился...

– Ты мне, малышка, глазки на Петровке будешь строить, у нас еще будет с тобой время. Много времени, уйма, вечность, успеем пококетничать во взаимное удовольствие... Одежки твои, держи, – Серега ткнул между рук Майи комок ее одежды, подобранной с пола. – Не допустим разлагающего влияния хороших голых малышей на мужественные ряды МВД! Вставай, герой! – Он отомкнул наручники Алексея. – Пожалуйста, господа, лимузин подан!

* * *

Высаживая Кису у дома Александры, Серега высунулся в окно машины:

– Жду тебя завтра к десяти. И это, слышь... Там Александра... Она очень ждала тебя, вот.

Кис поднялся, отпер дверь своими ключами. Было уже два часа ночи, Саша, скорее всего, спала.

Но она не спала. Она вышла на звук открываемой двери, в халатике, такая родная, такая любимая...

Она молча обхватила его и уткнулась ему в грудь. Алексей долго целовал все то, до чего достали губы, – пряди волос, ушко, шею...

Наконец Саша разомкнула объятия.

– Ты голоден?

– Нет.

– Чаю?

– Нет... Хотя да... Родная, я...

– Или сначала душ?

– Сашенька, погоди, мне столько нужно тебе рассказать...

Алексей сам не знал, что он имел в виду под словом «рассказать». О том, как он счастлив снова быть с нею? О своем расследовании? Об отношениях с Майей?

Он не раз пытался обдумать, что и как он будет говорить Александре. И ни разу не придумал. Ясно, что подробности будут неуместны, но что-то надо...

Или не надо?

Александра положила ладонь на его губы.

– Ничего не рассказывай. Ты здесь, и это самое главное. Пойдем наконец на кухню, что мы с тобой стоим в прихожей...

– Ты действительно не хочешь?..

Александра потащила его за руку на кухню.

– Руки мыл?

– Погоди...

– Алеша, мне давно не восемнадцать лет, и я слишком хорошо знаю, что в жизни бывают ситуации, которые берут нас в плен. Нам приходится их проживать, и мы их проживаем, как можем и как получается... Это – сфера интимного, личного опыта, о котором совсем необязательно отчитываться... Рассказать – конечно, расскажи, но только *не отчитывайся*, прошу тебя. Ты прожил десять – нет, одиннадцать дней без меня, и имей в виду: я не сгораю от любопытства узнать, как именно. Ты не лез в мою душу, когда я вырвалась из содома Тимура[26]. Ты понял, что мне плохо, что на душе скверно, и просто великодушно дал мне свою любовь, ничего не требуя взамен... Но долг платежом красен, Алеша. И я, я тоже не лезу в твою душу... Только хочу наконец выяснить, будешь ли ты пить чай?

Она улыбнулась и почти сразу же отвернулась к плите. Зажгла газ, поставила чайник. Алексей стоял, растерянно глядя в ее спину.

– Я люблю тебя, – сказал он ее спине.

– Я знаю. – Саша не повернулась. – Я тоже... – И она вдруг умолкла.

Кажется, пауза длилась не более секунды, но за нее Кис успел угадать несказанное «*Я тоже...*»; его сердце успело ухнуть куда-то в пол, больно стукнуться и отскочить на место, и мозг едва не вскипел от ударной волны.

Саша вдруг резко обернулась.

– Я тоже прожила без тебя одиннадцать дней, – долетел до него ее голос, как сквозь вату. – И ты тоже не спрашивай меня – как.

Напрасно сердце упражнялось в прыжках – это подлая секунда его обольстила, это крошечная пауза его обманула призраком слов, которых он так давно ждал... Но «*тоже*» – означало всего лишь одиннадцать дней без него и боли...

Ему никак не удавалось справиться со смыслом ее фразы, с другим смыслом, совсем не с тем, что почудился. Что Саша имеет в виду? Что значит «не спрашивай как»? Почему пытается провести эту подозрительную параллель: он без нее, она без него?..

Алексей вдруг испугался. Что могло произойти в его отсутствие?!

– А если я все-таки спрошу? – Ох, не хотел он, да и права не имел, но в его голосе прозвучала ревность!

Александра рассмеялась.

– За время, которое тебя не было со мной, я поняла одну вещь...

– Что?!

– Ты действительно хочешь узнать?

Алексей быстро закивал головой: он хотел.

– Я тебе обязательно расскажу, – пообещала она, глядя с насмешкой на его несчастное лицо. – Потом. В другой раз. Когда-нибудь. Сегодня на повестке дня, вернее ночи, только один вопрос: чай или кофе?

– Понимаю... Это утонченный садизм... – пробормотал Алексей.

– Ты когда-нибудь скажешь, что будешь пить? Чайник закипает!

– Водку я буду пить. Водку...

Примечания

1

См. романы Т.Светловой «Шантаж от Версаче» и «Шалости нечистой силы».

2

Обнаженная натура.

3

«Так очаровательна» (англ.).

4

В 356 г. до н.э. Герострат, испытывавший маниакальное желание прославиться, поджег храм Артемиды в Эфесе. Самое интересное, что ему действительно удалось таким образом войти в историю.

5

«Готов к труду и обороне» – спортивные нормы, установленные в советской школе.

6

В 1973 году двое преступников взяли четырех заложников, трех женщин и одного мужчину, при ограблении банка «Шведский кредит» в Стокгольме. Они продержали этих людей взаперти шесть дней, а когда полиция все-таки до них добралась, то оказалось, что заложники выступают на стороне бандитов, защищая своих похитителей против представителей закона. Позже заложники отказались подавать в суд. Бандиты и их жертвы стали друзьями, а одна из заложниц даже потом вышла замуж за своего похитителя. Эту ситуацию парадоксального поведения жертв киднеппинга впервые описал в 1978 году американский психиатр F. Ochberg, который назвал ее «Syndrome of Stockholm»...

7

Малолитражная машина совместного производства фирмы «Мерседес» и швейцарской часовой фирмы «Свотч».

8

Совокупность всех грамматических форм одного слова.

9

См. роман Т. Светловой «Голая королева».

10

Искаженное стихотворение Ш. Бодлера.

11

Люби меня (англ.).

12

В таком случае (фр.).

13

«Дитя, сестра моя», стихотворение Ш. Бодлера.

14

Гомосексуалисты, склонные к переодеванию в женскую одежду – как правило, в яркие театрализованные туалеты, – drag queen (англ.).

15

Сожалею (англ.).

16

В другом месте (фр.).

17

Мои дорогие друзья (фр.).

18

Искаженное стихотворение А.С. Пушкина «Пора мой друг, пора...».

19

См. «Шантаж от Версаче».

20

Дерьмо (англ.).

21

Ищите (фр.).

22

«Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина.

23

«Горе от ума» А.С. Грибоедова.

24

Change – обмен (англ.).

25

После смерти, посмертно (лат.).

26

См. роман «Шантаж от Версаче».